
„Knowledge is power“ (F. Bacon)
ЗНАНИЕ-
СИЛА 5/91

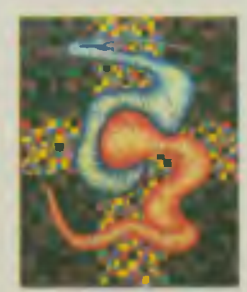

ЗНАНИЕ — СИЛА 5/91

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

Учредители — Всесоюзное общество «Знание» и трудовой коллектив редакции

№ 5(767)
Издается с 1926 года

На обложке:
Ю. Васильев — MON «Борьба миров». 1966 год.

(Читайте статью Н. Тамручи)

Начало напрашивается классическое: «Гости съезжались на дачу...»

Дачей стал один из подмосковных пансионатов в населенном пункте с милым названием Вербилки. Гостями были около ста психологов, съехавшихся отовсюду на очередную школу-семинар молодых ученых с неочередным, невозможным ранее названием «Психологические аспекты социальных проблем».

Осталось обозначить время действия — декабрь 1987 года.

Д. Леонтьев,
кандидат психологических наук

Алиби

Столько воды утекло с тех пор! Даже многие социальные проблемы стали совсем другими. И не стоило бы, пожалуй, сейчас вспоминать о школе в Вербилках, не окажись она поводом и отправной точкой для моих многомесячных размышлений о... Вот уже запнулся, пытаясь определить, о чем, собственно, будет этот очерк.

Нет, это не очередная научно-популярная статья о самой и без того популярной науке и не очередное напоминание, что психолог — друг человека, хотя по количеству этих друзей на душу населения мы отстаем от развитых стран раз в пятнадцать — двадцать. Буду считать, что это, в общем, известно читателям журнала, уделяющего психологии достаточно почетное место на своих страницах. Пожалуй, точнее всего было бы обозначить предмет моих размышлений как взаимоотношения психологической науки и общества, которые сегодня уже вряд ли могут оставаться такими, какими они были вчера и позавчера, а завтра — тем более. И именно на школе в Вербилках для меня, как и для целого ряда моих коллег, всплыл с особой остротой сакраментальный вопрос, висевший, как известно, в кабинете заведующего отделом Смысла жизни Кристобаля Хозевича Хунты,— «Нужны ли мы нам?»

Сегодня и вчера

Организаторы школы в Вербилках пригласили к себе в качестве лекторов не генералов от психологии, как бывало всегда, а представителей других наук и не совсем наук — экономики, этнографии, юриспруденции, литературной критики и других. Единственным почетным гостем из «своих» была Галина Михайловна Андреева, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии МГУ, которой было доверено открыть работу школы-семинара, что она и сделала с присущим ей блеском и остроумием. Она говорила в своем небольшом вступительном слове о странном, парадоксальном положении психологии, в частности социальной психологии, в ряду других наук. С одной стороны, во всех библиотечных и книгоиздательских классификациях в СССР (за рубежом дело обстоит иначе) психология числится среди общественных наук, с другой же стороны, традиционная номенклатура общественных наук ограничивается четырьмя — историей КПСС, философией, политэкономией и научным коммунизмом. Сейчас у представителей общественных наук спрашивают: где вы были, когда наше общество доводили до такого состояния? Социальные психологи, когда до них доносится этот вопрос, пожимают плечами и отвечают: мы тут ни при чем, мы обществом не занимались, мы занимались своей психологией. У нас алиби.

Как известно, алиби — юридический термин, обозначающий доказательство того, что обвиняемый в момент преступления находился в другом месте. Итак, где же находились психологи все то время, про которое мы сейчас вспоминаем, говорим и пишем, стараясь отряхнуть с наших ног его крепко приставший прах?

Социальная история советской психологии уже была предметом пристального анализа на страницах журнала (1988 год, № 1), и попытка ее реконструкции не входит в мою задачу (лучшим на сегодняшний день, хоть и небесспорным, изложением этой социальной истории остается книга, советскому читателю малодоступная,— книга Алекса Козулина «Психология в утопии», вышедшая на английском языке в Бостоне в 1984 году). Не надо быть специалистом, чтобы понять, что наука о душе никому не была нужна в эпоху людей-«винтиков», когда незаменимых людей не было, за исключением одного, когда счет запланированным людским жертвам для достижения имперских целей шел на миллионы. До души ли тут!

Душа изгонялась отовсюду, в том числе из науки. А изгонять было что. Наверное, даже не все психологи знают, что в самом начале тридцатых годов у нас издавалось столько же журналов по психологии, сколько сейчас! (Причем этот «довоенный уровень» тридцатого года был восстановлен только в восьмидесятом.) В середине тридцатых этих журналов уже не существовало. Тогда же, в 1936 году, вышло печальной известности постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», нанесшее сильный удар по всей отечественной психологии. Вообще-то можно сказать, что психологам в определенном смысле «повезло»: все звезды первой величины, лидеры творческой психологической мысли двадцатых — начала тридцатых годов (я имею в виду прежде всего таких ученых, как М. Я. Басов, П. П. Блонский и Л. С. Выготский) успели умереть своей смертью до начала массовых репрессий конца тридцатых годов.

Действительно, в период тридцатых — пятидесятых годов вынужденное алиби психологов, их полная изоляция от общественной жизни бесспорны. Психология становится отраслью «педагогических наук», и чуть ли не единственное, чем ей приходится заниматься, это, во-первых, развитие ребенка, воспитание и обучение и, во-вторых, клинико-психологические исследования и разработка методов реабилитации людей, страдающих травматическими поражениями мозга, и затем уже — психическими заболеваниями.

Психология личности, расцвет которой на Западе начался в конце тридцатых годов, у нас не существовала до конца шестидесятых. Тогда же в нашем обиходе появилась и социальная психология — психология групп и коллективов, имеющая еще более солидную историю в прошлом и сферу практического применения в настоящем. Разумеется, не у нас, а там, где она развивалась. Табу на анализ реальных социальных проблем, ненужность личности и обрыв естественных связей с мировой наукой привели отечественную психологию к тому, к чему она не могла не прийти и в чем ее сейчас обвиняют все, кому не лень,— к оторванности от практики, к идеологической ангажированности и к мелкотемью в области конкретных исследований. Среди психологов получили хождение два метких афоризма: «Советская социальная психология — самая социальная психология в мире!» и «Советская общая психология — самая общая психология в мире!».

Но вернемся к нашим молодым ученым.

Личное

Лекторы, специалисты по социальным проблемам, аудиторию не жалели. Всем становилось не по себе от четкого анализа, жестоких диагнозов и безрадостных прогнозов, звучавших из уст Василия Илларионовича Селюнина, Ларисы Ивановны Пияшевой, Александра Максимовича Яковлева (сейчас уже все эти люди не нуждаются в представлении). После их лекций мы все буквально расползались, придавленные всей тяжестью обрушенных на нас социальных проблем, ощущали себя букашками, пылью на колесах безжалостной истории.

Но после лекций обычно был обед. А после обеда все расходились по небольшим помещениям, в которых мастера своего дела демонстрировали группам менее опытных коллег различные варианты техники психологической помощи.

Здесь не обойтись без маленького отступления. Надо сказать, что за последнее десятилетие сформировалась когорта психологов-практиков, которые довели свой опыт практической консультативной и психотерапевтической помощи больным или здоровым людям с теми или иными трудноразрешимыми личными проблемами до уровня высокого искусства. Другой вопрос, как им это удалось — на голом энтузиазме, в условиях затрудненности контактов, изолированности от зарубежного опыта, крайней разобщенности психологов-практиков в нашей стране, отсутствия (почти полного) методической литературы, равно как и возможности для публикации своих собственных ра-

бот... Так или иначе, но такое профессиональное сообщество возникло. Более того, прорыв «железного занавеса» в последние годы позволил убедиться, что уровень работы наших людей соответствует мировому. С тем отличием, что число профессионалов такого уровня у нас исчисляется десятками, а, скажем, в США — тысячами, но в США их готовят многие учебные заведения, а у нас непосредственная передача умений в практических занятиях с небольшой группой людей является пока единственной действенной формой распространения секретов профессионального мастерства. Этим и заполняли участники школы-семинара в Вербилках время после обеда и после ужина, иногда почти до завтрака.

Сходясь за ужином и за завтраком, все обменивались впечатлениями и преисполнялись радостью. Надо же! Какие интересные приемы! Какой эффект получается! Как здорово это можно использовать у меня в пединституте, у тебя в психиатрической клинике, у нее в консультативном кабинете!.. Ведь умеем! Ведь можем! Ведь помогаем! Живым людям помогаем! Снимаем стрессы, облегчаем страдания, обучаем общению, разрешаем конфликты, вытаскиваем на свет глубинные личностные противоречия — избавляем людей от всего того, что мешает жить полноценной жизнью.

А еще через некоторое время всплывало странное ощущение (как я выяснил, не у меня одного). Это было ощущение принадлежности к цеху, касте, сообществу профессионалов, которые великолепно научились делать то, что, безусловно, является их (значит нашим) делом, но то, чем мы все занимаемся, это все-таки не то. Мы отвоевали себе место под солнцем, отстояли право психологии на существование как самостоятельной науки, заселили и обжили свою экологическую нишу. Мы помогали и помогаем людям решать их психологические проблемы. Но в чем заключается эта помощь? Психолог рад, если ему удается заставить клиента увидеть свою ситуацию под новым углом зрения, отрешиться от стереотипов, познать себя, найти смысл своих поступков или своей жизни, увидеть перспективу будущего, научиться более открыто выражать свои переживания, овладеть навыками общения или конструктивного решения проблем.

Но разве все психологические проблемы можно решить таким образом? Чаще всего психолог, начав работать с конкретным клиентом, довольно скоро обнаруживает, что на пути решения психологических проблем встают завалы проблем совсем иного рода.

Возьмем самый банальный пример — конфликты в молодой семье. Вот и почва для произрастания самых разных конфликтов. Универсальной основой для рекомендаций по решению семейных проблем, возникающих в подобной ситуации, часто мог бы быть простой совет — разъехаться. Да, легко сказать, но как это сделать в наших условиях? Жилищная проблема — раз, система прописки — два, низкий уровень жизни и невозможность как-либо его повысить для представителей довольно большого числа профессий — три, бытовые проблемы и дефицит бытовых услуг, ставящие молодую семью в более неблагоприятные условия по сравнению с семьей большой, где разделение функций несколько облегчает организацию быта,— четыре... В этих условиях психолог часто не в состоянии помочь ничем, кроме утешения под девизом «то ли еще будет», как это безжалостно и во многом справедливо констатировал Михаил Жванецкий. Можно, конечно, говорить с пафосом, что настоящий человек всегда в состоянии переломить свою судьбу, начать жить в любой момент сначала и построить жизнь своими руками, и в принципе это верно, однако, как говорил герой знаменитой повести Венедикта Ерофеева, «я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы прежде мне показали уголок, где не всегда есть место подвигу».

Итак, продолжать довольствоваться ролью утешителей и, если повезет, врачевателей страждущих?

Не риторический ли вопрос? Что еще остается нашему брату? Есть ли альтернатива нашему алиби, нашему отсутствию там, где решаются судьбы людей, или же мы обречены на слабость и должны лишь уважать себя за хорошее владение ремеслом и находить сомнительное утешение в том, что работы для нас всегда будет много, ой, как много!

Что это я, впрочем, все о нас да о нас. Разве это наша проблема? Как бы не так — ваша!

Помочь не ошибиться

Пора отложить на какое-то время разговор о психологах и поговорить об обществе. Разговоры о нашем обществе, перемывание ему косточек стали в последнее время настолько нескончаемыми, настолько приелись, что я вынужден просить читателя все же продолжить чтение.

Начну с разговора о всем известном и наболевшем — о механизме принятия общегосударственных решений в высших эшелонах власти. Порой берет оторопь, когда читаешь тексты указов, законов, постановлений и ясно видишь, что их выполнение приведет к прямо противоположному тому, ради чего они создавались. Еще не забыто, хотя уже полностью дезавуировано, недоброй памяти постановление о борьбе с алкоголизмом, в котором предельно четко проявилась прямолинейная логика его авторов: если надо ликвидировать явление, то его следует запретить. Почему-то вплоть до настоящего времени над созданием наших руководителей, какой бы титул они ни носили, прочно господствует магия слов, с помощью которых так легко сделать желаемое действительным, приняв соответствующее постановление, скрепленное Большой Круглой Печатью. Многие государственные решения удивительно похожи на акты, принимаемые Тройкой из сказки братьев Стругацких: «Признать названное необъяснимое явление иррациональным, трансцендентным, а следовательно, реально не существующим и как таковое исключить навсегда из памяти народа...»

Но любое решение выполняется людьми и затрагивает интересы других людей. Можно ли не принимать их в расчет, не учитывать их психологию, их интересы, их сознание, через которое преломляются все благие намерения власть предержащих? Ну что, разве трудно было предсказать, что предельно жесткие условия создания и работы кооперативов, предусмотренные Законом о кооперации, плюс постоянное внесение изменений в законодательство о кооперативах приведет к тому, что в первой волне новорожденных кооперативов будет очень высок удельный вес, мягко выражаясь, авантюристов, умеющих обходить правовые рогатки и стремящихся лишь поскорее набить карман, не помышляя о том, чтобы вкладывать средства в долгосрочные проекты? Поражает то удивление, с которым правительство восприняло такой поворот событий. Вообще, наше правительство очень легко удивить. После того, как оно убедило Верховный Совет принять программу поэтапной экономической реформы, рассчитанную на то, что в стране на протяжении срока, отведенного на реформу, будет тишь да гладь и никаких помех на своем пути эта реформа не встретит, оно было крайне удивлено и огорчено до глубины души, когда его призывы к народу потерпеть полтора годика и не мешать не возымели действия и в результате реформа провалилась.

Уже цитировавшийся Михаил Жванецкий говорит, что у нас есть группа людей, у которых есть идеи,— они называются экономистами — и есть группа людей, у которых идей нет,— они называются патриотами. Слава Богу, экономисты уже заметно потеснили патриотов у штурвалов всех уровней, и идеи есть. Однако одних идей мало. Нужен механизм их оценки, то есть экспертизы. По сути дела это прогноз последствий реализации идеи. Экспертиза не одна, экспертиз много, как многогранны и последствия многих решений, принимаемых даже на уровне района, не говоря уж об области, регионе, республике, стране в целом. Самая традиционная и относительно неплохо освоенная — финансово-экономическая экспертиза, оценивающая окупаемость идеи. Далее — организационно-экономическая (прошу прощения у профессионалов-экономистов за доморощенную терминологию), прогнозирующая: будут ли реально работать те экономические и управленческие рычаги, действия которых предусматриваются проектом. Далее — экологическая, она вряд ли нуждается в комментариях.

И наконец (допускаю, что мог еще что-то упустить), психологическая экспертиза, для развитых стран — обычное дело, для нас — еще экзотика. Речь идет об оценке того, как проект будет воспринят людьми, общественным мнением, какое влияние окажет его реализация на те аспекты жизни людей, которые нельзя оценить в рублях и копейках, какие психологические рычаги можно задействовать, чтобы вовлечь в дело иные интересы людей, помимо материальных (потребности в уверенности, в безопасности, в социальной оценке и самооценке, в принадлежности к значимой социальной группе, в самореализации и саморазвитии и многое другое). Без отработанной методологии таких обязательных экспертиз всех сколько-нибудь масштабных социально-экономических проектов мы обречены продолжать экспериментирование над самими собой, что уже сделало нашу страну наглядным учебным пособием для всего мира.

Итак, психологическая экспертиза социально-экономических проектов — ниша, которую уже сегодня способны заселить профессионалы-психологи. Конечно, не каждый сможет работать экспертом, здесь потребуется незаурядный опыт и способности. Тем не менее, если бы возник социальный запрос, можно было бы в довольно короткие сроки сформировать ядро нового профессионального сообщества и развернуть систему подготовки и переподготовки сообщества и специалистов соответствующего профиля. Пока же социального запроса нет, у психологической науки — алиби стопроцентное. Как говорится, она пока что и не ночевала там, где принимаются решения, способные затронуть душевное благополучие сотен тысяч и миллионов людей. Не пора ли преодолеть презрение к нематериальной сфере, проще говоря к душе, и перестать отставать (и потом натужно пытаться догнать) хотя бы от самих себя?

Есть идеи!

Оценивать потенциальную разрушительную или, наоборот, благотворительную силу чужих идей — далеко не единственный реальный масштабный вклад, который в состоянии внести психология, даже в ее нынешнем состоянии, в разворачивающееся строительство нового (неважно, как его называть) общества. За столетие своего существования она накопила множество своих идей, находящих за рубежом широкое применение практически во всех сферах жизни общества — от здравоохранения и педагогики до менеджмента и политики, от дизайна и рекламы до борьбы с преступностью и организации свободного времени... У нас, даже в тех сферах, где работает сравнительно много психологов,— в системе народного образования, профориентации, в некоторых отраслях промышленности и здравоохранения,— использование психологических знаний не стало системой, а происходит по

принципу «если кто-то кое-где у нас порой». Многие идеи так и остаются невостребованными, хотя они могли бы продвинуть решение острейших проблем, над которым бьются государственные мужи.

Одной из наиболее острых проблем стала сейчас проблема национальная. Психологическая грань этой проблемы — небывалый рост в разных регионах страны, наряду с чувством национального самосознания, чувства национального превосходства, а проще говоря, шовинизма.

Как отделить одно от другого, зерна от плевел? Очень часто, к сожалению, это делается по принципу «свое — чужое»: у меня, у моего народа — это чувство национального самосознания, это хорошо. У них — это стремление жить за наш счет, это национализм, шовинизм.

Любая форма национального самосознания тесно связана с другими структурами самосознания, в частности с самооценкой. Потребность в высокой самооценке, в самоуважении присуща любому человеку. Но механизмы, с помощью которых самоуважение достигается, могут быть совершенно разными. Часто это осознание своих достоинств, сильных сторон. Если достоинства человека совпадают с теми, что традиционно ценятся в его народе, он ощущает себя достойным представителем народа, а свой народ — достойным того, чтобы на него равняться. Испытываемое таким человеком чувство принадлежности к той или иной нации или народности, чувство национальной гордости будет иметь здоровую основу и не сочетаться с принижением других наций и народностей.

Но возьмем люмпенизированного человека (а таких сейчас множество) — без корней, с несложившейся судьбой, с маленькой зарплатой (я уж не говорю — безработного), без каких-либо перспектив в жизни. За что ему себя уважать? Он ничего в жизни не достиг, личными достоинствами не обладает, уважением окружающих пользуется в минимальной степени... Но уважать себя ему необходимо. Эта всеобщая потребность прорывается наружу в сакраментальном диалоге за бутылкой: «Ты меня уважаешь? — А ты меня уважаешь?» И у него остается всегда одно достоинство, которое никто не может отнять — его национальность. Отождествив себя со своим народом, он как бы переносит на себя лично все те достоинства, которыми обладает народ. И чтобы эти достоинства послужили достаточной основой для самоуважения, необходимо поставить свой народ выше всех остальных, принизить другие нации и народности.

Илья Кабаков, «Ответы экспериментальной группы», 1970—1971 годы. Работа приобретена на Московском аукционе и передана в дар Министерству культуры СССР.

Тогда-то и срабатывает этот, последний механизм самоуважения — механизм обоснования своего национального превосходства. Эти, — кстати, очень простые, азбучные для психолога — соображения объясняют, почему наиболее обездоленные, люмпенизированные слои населения являются питательной средой для наиболее агрессивных, вплоть до уголовно наказуемых форм национализма.

Конечно, это не единственный фактор, не единственное объяснение. Нельзя сбрасывать со счетов и экономические факторы, и историю национальных взаимоотношений в регионе, и сознательные действия политических и криминальных сил, преследующих свои интересы... Но вспомним, кто был в первых рядах погромщиков в Сумгаите, Баку, Ферганской долине. Учет психологии воинствующего национализма может позволить поставить диагноз, пока болезнь еще не обострилась, и предпринять меры, тормозящие ее развитие.

Отчасти с этой проблемой пересекается проблема агрессивности вообще, вандализма, насилия, так называемых «немотивированных» преступлений. С этим пытаются бороться кондово-«воспитательными» и милицейскими методами, не учитывая психологическую подоплеку подобных действий. Эту подоплеку блестяще раскрыл выдающийся философ и психолог нашего столетия Эрих Фромм в своей теории человеческих потребностей. Фромм определяет одной из базовых универсальных потребностей человека потребность выделиться из мира, ощутить свою власть над природой и вещами, оказывающую преобразующее воздействие на окружающий мир.

Такая потребность может принимать две формы: конструктивную или деструктивную. В первом случае человек проявляет и доказывает самому себе свою власть над миром вещей и неживой природы, утверждает себя как человек посредством творчества, создания нового, преобразования и изменения уже существующего. Это наиболее органичная для человека форма проявления этой потребности. Но вполне можно себе представить среду и условия воспитания, которые заглушают в человеке стремление и вкус к творчеству. Нет нужды особен-

но напрягать воображение — в нашей стране такие условия преобладают. Тогда универсальная и неистребимая потребность принимает другую форму — деструктивную. Человек доказывает свою власть над природой, вещами, разрушая, уничтожая их. Эту же функцию самоутверждения выполняет и насилие над людьми, в отсутствие каких-либо дополнительных мотивов. В отличие от творчества разрушение доступно любому и не требует никаких способностей и дарований: ломать — не строить. Но без понимания их общей потребностной основы, их общих корней нелегко найти подступы к решению проблемы разрушения и насилия в социальном контексте.

Я привел только два примера из банка идей, которыми психологическая наука на сегодняшнем этапе ее развития могла бы способствовать продуманному, перспективному решению кровоточащих проблем. В мою задачу не входит подробно расписывать следствия и предлагать рецепты — это придется делать тем, кого общество и государство призовут специально с этой целью.

В те дни, когда писались эти строки, было сделано обнадеживающее сообщение о том, что при российском парламенте решено создать мозговой центр из ученых, не занимающих государственные посты. Это и есть еще одна экологическая ниша, в которой психология может реализовать свой не востребованный пока потенциал. Будем надеяться, что про психологию наконец вспомнят, и тогда на этой ярмарке идей она отнюдь не покажется бедной родственницей.

Напомнить о душе

Пока же роль бедного родственника приходится выполнять автору, вынужденному вымаливать признание очевидного, убеждать в неоспоримом. Собственно, это является еще одним доказательством алиби психологии на сегодняшний день — ужасающе низкий, доисторический уровень психологической культуры населения. Большинство вообще не подозревает о существовании такой науки (по меньшей мере, не подозревало до недавнего явления народу Кашпировского). Наиболее типичная реакция на называние моей профессии: «Это с психами, что ли?» Эта чисто звуковая ассоциация не так уж и поверхностна, как кажется на первый взгляд.

Средний гражданин убежден, что, пока человек в своем уме, у него не может быть никаких проблем и трудностей, связанных с несовершенством его психологической организации или психологическими травмами,— либо все невзгоды сваливаются извне, либо вытекают из принципиальной и неустранимой неполноценности. Иными словами, или человек нормален — и тогда он не нуждается ни в каких советах, рекомендациях, улучшениях, или нет — и тогда, психологи, вам работенка подвалила! То есть психология, к большому сожалению, не воспринимается людьми как нечто необходимое и полезное в повседневной жизни, наряду с физической культурой и правилами санитарии и гигиены, как то, что может помочь человеку развиваться и самосовершенствоваться, выходить из трудных ситуаций и предупреждать их, разумно и осмысленно строить свою жизнь, как повседневную, так и в дальней перспективе.

Знание психологии дает человеку свободу в отношениях с людьми, ибо свобода, согласно второму, менее популярному определению Энгельса, есть не что иное, как возможность принимать решения со знанием дела. На Западе рынок психологической литературы, предназначенной для широкого читателя, насчитывает десятки тысяч книг, лучшие из которых — книги Э. Фромма, В. Франкла, А. Маслоу и других — расходятся многомиллионными тиражами. У нас же можно назвать лишь четыре-пять авторов, более или менее известных в народе, и все их книги мгновенно становятся дефицитом. Психологические знания доходят до населения в гомеопатических дозах, и странно было бы удивляться нашему психологическому бескультурью.

Корни этого бескультурья известны и понятны. Гипертрофированный материализм, декларировавшийся в качестве основы нашей общегосударственной идеологии (имеющий декларировавшийся, так как вряд ли может быть постулат более идеалистичный, чем о руководящей роли теории в переустройстве общества), имел одним из своих следствий постепенно вводившийся запрет на познание явлений души и духа (не буду сейчас вдаваться в уточнение различий между этими двумя понятиями). У психологии как пласта духовной культуры была судьба, отчасти общая с религией. Ее не отделили декретом от государства, но постепенно вытесняли из обихода, из общественного сознания, загоняли в тесные лаборатории, потому что она тоже напоминала человеку о том, что в нем заключен целый мир, что человек самоценен и обладает душой, пусть не бессмертной, но достаточно своевольной. Сейчас в людях проснулась жажда духовного, и возник всплеск увлечения религией, точнее религиями. Религия рассказывает человеку о нем самом, на своем языке: человек, Бог, дух, душа, святость, грех, покаяние, добродетель, смирение, воздаяние, добро и зло, чудо, бессмертие... Психология тоже рассказывает человеку о нем самом, хоть и на другом языке: личность, сознание, бессознательное, характер, потребности, ценности, смысл, самооценка, самореализация, защита, вытеснение, деятельность, общение, установка, образ мира... И то и другое было в равной степени не в интересах системы, изгнавшей из общества как религиозную, так и психологическую культуру.

Психологическое бескультурье тесно связано с тем, что можно было бы назвать «старым мышлением». Если посмотреть с позиций психолога на так называемое «новое мышление», ничего особенно нового в нем не обнаруживается — обыкновенное культурное, хорошо развитое логическое мышление. Можно согласиться с высказавшимся на страницах прессы мнением, что новое мышление — не что иное, как возврат к общечеловеческим принципам общежития и к простому здравому смыслу. Гораздо более интересный объект изучения — «старое мышление», которое при здравом размышлении нельзя не признать противоречащим законам логики, психологии и мироустройства. Например, нормальное мышление познает объективную действительность, и получаемая в процессе этого познания новая информация изменяет, модифицирует, перестраивает картину мира; этот процесс бесконечен. Старое мышление не познает действительности, а узнает в ней то, что заложено в картине мира; новая информация, отсутствовавшая в картине мира, признается тем самым ложной и не изменяет эту картину. Старое мышление поэтому не только антижизненно и антилогично, оно еще и антипсихологично и поэтому сопротивляется любой психологической культуре. В свою очередь повышение психологической культуры неминуемо ведет к ослаблению позиций старого мышления. Повышение психологической культуры стало потребностью общества и первоочередной задачей прикладной психологии на сегодняшнем этапе ее развития.

Какими способами? Для специалистов в тех или иных областях это делается через системы профессионального обучения и повышения квалификации, правда, уровень преподавания часто оставляет желать лучшего. Интересно, кстати, что в растущих сейчас как грибы школах менеджеров психологи нарасхват. Более старые и неповоротливые системы раскачиваются медленнее, не считая тех, где психология читается уже давно.

Для более широкой аудитории существуют газеты, журналы, телевидение. Они охотно, как правило, берут материалы по популярной психологии, предоставляют слово специалистам в этой области. Это, правда, осуществляется бессистемно, от случая к случаю, и во многом под влиянием моды.

В. Яковлев, «Цветок», 1973 год.

В целом мода на психологию — явление положительное постольку, поскольку она, во-первых, не сметает барьеры, предусмотренные принципом «Не навреди» (психологи, как и медики, исходят из этого принципа в своей работе), и, во-вторых, не оборачивается воинствующим всезиающим дилетантизмом. Мне уже приходилось писать о соблазиах и подводных камнях моды на психологические тесты в «Знание — сила» (1987 год, № 12). Бессистемность, таким образом,— основной недостаток, присущии психологопросветительской деятельиости средств массовой информации. В принципе он преодолим. Вполне можно помечтать о специальной передаче по образовательной программе телевидения, иаподобие уроков испанского языка или бесед о мировой культуре. Или о специальном журнале, посвящениом популярной психологии,— этаком синтезе соответствующих разделов из твких журналов, как «Знание — сила», «Семья и школа», «Вопросы психологии», «Студеический меридиан», а в последнее время еще и «Человек». Я, впрочем, не думаю, что это будет скоро, хотя будет обязательно.

Наконец, книги. За последние год-два — всплеск новых изданий, в основном — хорошо забытого старого. Но все издания Фрейда, Фромма, Берна, Карнеги и других, менее знаменитых авторов, исчезают мгновенно, как вода в песок. Постепеиный переход книгоиздания на коммерческую основу, будем надеяться, приведет к тому, что заработает механизм обеспечения общества психологической литературой по потребности, а не по пятилетнему плану. И тогда можно надеяться на психологическую культуру хотя бы следующего поколения — как сейчас мы видим формирование в обществе нового экологического созиания и экологической культуры, зерна которой были посеяны двадцать лет назад пришедшими к нашим читателям киигами Дж. Даррелла, Дж. Адамсон, Б. Гржимека, Ф. Моуэта, Ж.-И. Кусто и других. Психология отстала еще на двадцать лет. Язык не поворачивается произносить утешающие формулы типа «лучше поздно, чем никогда». Но если не ставить цель с кем-либо соревноваться, если не пытаться что-то доказывать, а просто захотеть постепенно двигаться к жизни, во всех отношениях достойной людей, не оглядываясь ни назад, ии по сторонам, самое время сеять культуру, не экономя на завтрашием дне.

Вместо эпилога

Хватит подводить итоги. Хотелось бы надеяться, что эпилог к этой статье будет написан через несколько лет, все равно кем, и в нем будут приведены новые обстоятельства дела, опровергающие алиби психологической науки в жизни общества. По прогнозам науковедов, грядущий век, который уже на подходе, будет веком психологии. Давайте встретим его, не стыдясь за державу. Пора подумать и о душе.

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Отчего погиб народ моче?

Специалисты по доисторической Америке знают, что культура народа моче, процветавшая на нынешней приморской территории Северного Перу, перестала существовать вскоре после 600 года. Причины исчезновения столь развитой цивилизации давно служат загадкой для ученых.

Американский исследователь Майкл Мосли из университета штата Флорида, «перелопативший» буквально все источники, хранящиеся в архивах Перу и США, пришел к выводу, что около 600 года и примерно в 1100 году прибрежье Тихого океана, где находилось государство моче, дважды подвергалось чрезвычайно мощным наводнениям, опустошавшим города и селения. А затем оба раза наступала жесточайшая засуха. Как явствует из письменных свидетельств, столица страны была залита водой, разрушена, затем восстановлена, но потом «захвачена» песчаными дюнами, связанными, по-видимому, с засухой. В результате столица «переехала» на север, в нынешнюю область Пампа Гранде.

Проверку этой гипотезы взял на себя американский химик-гляциолог Лонни Томпсон. Он изучил количественное соотношение изотопов кислорода в колонках льда, взятых при бурении на ледниках Перуанских Анд, в тысяче километров к юго-западу от побережья Моче. Известно, что подобное соотношение зависит от температуры окружающей среды в момент, когда выпадали осадки, образовавшие соответствующий слой льда, ведь интенсивность испарения морской воды для разных изотопов различна.

Анализ показал, что около 600 и 1100 годов климат здесь претерпевал резкие потепления, а температура воздуха была выше, чем в любое время после 1531 года, когда в этом районе впервые появились европейцы.

Очевидно, в этот период сперва происходили наводнения, вызванные бурным таянием ледников, а затем наступала длительная засуха, при которой сток рек, питающихся горными ледниками, резко падал. Сложная разветвленная система ирригации полей, построенная древними перуанцами, оказывалась лишенной влаги, и все их хозяйство приходило в упадок.

Метеоролог Кристал Шааф считает: иаводнеиия и засуха в Андах, о которых идет речь, вполне могли быть связаны с известным теперь явлением Эль-Ниньо — периодически повторяющимся катастрофическим потеплением вод в центральной и восточной частях Тихого океана. Особенно интенсивные Эль-Ниньо в VII и XII веках вполне могли бы, как считает исследовательница, повести к катастрофе тогдашней местной цивилизации, полностью основанной на ирригации засушливого побережья Северного Перу.

Словом, человек всегда и везде оставался частью природы, с которой лучше ладить, чем воевать.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Г. Горелик

Жизнь и физика. Читая Сахарова...

Эту книгу берут читать с разными намерениями. Одни — наконец-то без помех, без регламента и аплодисментов, без газетчиков и телекоммеитаторов,— хотят выслушать все, что скажет им этот человек. Выслушать, обдумать, прочувствовать... Другие надеются как-нибудь между строк разузнать, еврей он все-таки, этот картавый академик, или нет? И что за фрукт — эта неуемио энергичная дамочка, его жена? Третьим хочется понять, как же это в наших условиях мог появиться такой человек? И как мог он выдержать все, что ему уготовила судьба? Четвертые... Четвертые берут эту книгу потому, что все ее читают, или потому, что ее трудно достать, что она про знаменитость или что про бомбу...

Среди этих первых — четвертых есть и люди, интересующиеся наукой, которой отдал большую часть жизни автор книги и ее главный герой. И у иих возникает естественный вопрос: а что, собственно, он сделал в физике? Подобные вопросы особенно жестко формулируются в сегодняшиее время, когда готовность к недомолвкам начисто испарилась, а до цивилизованной деликатности еще далеко.

Впрочем, такой вопрос, судя по всему, с полным пониманием встретил бы сам Андрей Дмитриевич. В его собственной шкале ценностей, как и у близких его коллег-физиков, на самом верху было «раскрывать тайны природы», как бы старомодно это ни звучало. Искренне уважая любой честный труд, увлеченно решая физико-технические задачи, за которые получил звезды Героя, Сахаров не в них видел главные свои работы. И не только потому, что речь идет о страшном оружии. А потому, что для физиков-теоретиков того склада, к которому он принадлежал, собственная внутрениия мера достижений не зависит от внешнего признания. Ведь такое неизбежно и естественно связывается с чем-то материализованным, общественно осязаемым. А оценить достижение интеллектуала могут только братья по разуму (которых всегда немного).

Несоответствия такого рода возникают, даже если речь идет не о государственном, а о научном признании. Например, учитель Сахарова Игорь Евгеньевич Тамм считал лучшей вовсе не свою нобелевскую работу, а другую — которую можно даже назвать неверной. Зато в этой «неверной» работе появилась идея, с помощью которой удалось совершить шаг в незнаемое, раскрыть тайну природы.

Сахаров в «Воспоминаниях» говорит и о своем отношении к науке, и о своих статьях. Но составить представление о его работах в теоретической физике, опираясь лишь иа эту книгу, нелегко. Мало чем поможет и единственная его научно-популярная статья. В историю популярной физики она вряд ли войдет. Зато в историю самой физики — вполне может: «Статью для сборника («Будущее науки») я писал одновременно со статьей для научного журнала, это было очень полезно для моей работы (все основные научные идеи пришли мне в голову, когда я писал популяриую статью!!!)». (Товарищи учеиые, вы заметили, сколько здесь восклицательных знаков? — *Ред.*)

Эх, если бы Андрею Дмитриевичу не пришлось двадцать лет писать лишь секретные отчеты! Тогда, можно думать, много выиграла бы и теорфизика, и попфизика. Если он прочитал поэтам импровизированную лекцию по квантовой механике, если он воздействие кварка на икс-бозон сравнил со слабой ручкой ребенка, раскачивающей язык огромного колокола... Но история распорядилась иначе и популярным статьям предпочла закрытые отчеты.

Так что рассказ о тайнах природы, которые раскрывал А. Д. Сахаров, должен взять на себя историк физики, способный беспристрастно смотреть на профессиональную жизнь теоретиков. Не уверен, может ли быть беспристрастным историк, который много вечеров провел в комнате, где бывал раньше и Андрей Дмитриевич. Где на стене висит его фотография с малышом на руках и со счастливой, безмятежной улыбкой. Рядом фотографии других людей, которыми горда Россия, совсем разные, но удивительно естественно соседствующие,— Ахматова, Солженицын, Чуковский, Пастернак... И мой герой — тридцатилетний физик, расстрелянный в тридцать восьмом. В комнате этой со мной говорит пожилая женщина редкой силы духа, почти слепая, но удивительно зрячая. Она переплелась жизнью с теми, кто смотрит с фотографий. И ею тоже гордится Россия. Россия свободомыслящая, свободочувствующая.

Об Андрее Дмитриевиче в этой комнате говорили с нежностью и болью. Здесь будни горьковского заточения, события, ставшие сюжетом самых страшных страниц «Воспоминаний», мучили неизвестностью. И нельзя было, пролистнув страиицы, узнать, чем кончатся эти мучения, эта неизвестность...

Так что историку физики иногда нелегко смотреть беспристрастно. Но он попытается.

Физика, одна только физика...

Наверное, бесстрастный историк науки, взяв в руки толстую книгу сахаровских

Андрей Сахаров

Посвящается Люсе

ВОСПОМИНАНИЯ

Предисловие

Летом 1978 года по настоянию Люси, при некотором сопротивлении с моей стороны, ею преодоленном, я начал писать первые наброски воспоминаний. В ноябре 1978 года, т. е. еще до моей высылки [illegible] часть набросков была похищена при негласном обыске. [illegible] сотрудники КГБ украли мою сумку с рабочими бло[illegible] [illegible]никами, при этом опять пропала часть рукоп[illegible] [illegible] 1981 — 1982 годов я восстановил пропавш[illegible] [illegible] большую часть текста. Сегодня книга пер[illegible] [illegible] Эти слова были написаны мною в сентяб[illegible] [illegible] думал, что книга скоро выйдет в свет [illegible] украл 900 страниц готовой рукопис[illegible] [illegible] с новыми изъятиями; ее инфаркт в [illegible] [illegible] тяжелая больная, вынуждена во[illegible] [illegible] самосохранения выйти ночью из дома (дн[illegible] [illegible]еры), чтобы передать для пересылки восс[illegible] [illegible]мым трудом за [illegible] года страницы; потом 2,5 [illegible] [illegible]ку, суд над [illegible] [illegible] операция на открытом сердце [illegible] [illegible] [illegible] 3 половиной года мы возвращаемся [illegible] опять по[illegible] [illegible] книга перед вами».)

[illegible] [illegible]рную лит[illegible] [illegible] [illegible] о це[illegible]ловеческой памя[illegible] из причин [illegible] [illegible] я з[illegible] эт[illegible] так же [illegible] их ра[illegible] я [illegible] [illegible] причина — [illegible]ироком инте[illegible] [illegible]ичност[illegible] [illegible] что [illegible]бо мне, о мо[illegible] обстоят[illegible] [illegible] [illegible] весьма н[illegible] я [illegible]юсь р[illegible]

И [illegible] я [illegible] [illegible] быть интерес[illegible] [illegible]осом [illegible] [illegible] [illegible] обстоятельств мо[illegible] судьбы, в [illegible] различные пер[illegible]од [illegible] работа [illegible] [illegible] [illegible]ая работа по теор[illegible] [illegible]кой физ[illegible] [illegible] [illegible]много оружия в сек[illegible] [illegible] [illegible] области управляемой те[illegible] [illegible] реакции, об[illegible] [illegible] участие в защите пра[illegible] [illegible]ледования [illegible] [illegible]ких, высылка в Горький и [illegible] [illegible] (и возвращ[illegible] [illegible] перестройки» — добавление [illegible] г.).

Я рассказываю о событиях и впечатле[illegible] [illegible] мне людях и о других, чья роль в ней также бы[illegible] [illegible] или ином смысле, о [illegible] [illegible]лиявших на меня идеях, о сво[illegible] [illegible] [illegible]льской и обществен[illegible] деятельности. Я оказался свидет[illegible] [illegible]ом некоторых событи[illegible] [illegible]ольшого значения, я пытаюсь ра[illegible]каз[illegible] [illegible] при выборе материала [illegible] способа изложения [illegible] считал себя в б[illegible] [illegible]ени

С этого номера [illegible] [illegible]инаем публика[illegible] мемуаров А. Д. Сахаро[illegible] «Воспоминания» и «Горьк[illegible] [illegible]осква, далее везде», — которая продолжится и [illegible] 199[illegible] году. Пропуск некото[illegible] [illegible], все сокращения тек[illegible] вызваны не какими-либо цензурными соображе[illegible] [illegible] лишь тем, что журн[illegible]ьная площадь ограничена (полностью книги вышли [illegible] Нью-Йорке, 1990). Естес[illegible]нные мелкие погрешност[illegible] авторской памяти частично нами исправлены. — **Ред.**

«Воспоминаний», должен с недоумением подумать: «Не слишком ли пространно для человека, привыкшего к физико-математической лаконичности?» Как такому историку, хладнокровно отделяющему науку от жизни, объяснить, что для физика, привыкшего к поиску истины и к подчинению истине, н е в ы н о с и м ы потоки лжи и толстые ватные стены, отделяющие его от соотечественников? И что поэтому необходимо было написать всю правду, полную правду, сколько бы это ни потребовало страниц.

Чистый историк науки или историк чистой науки ответит на это, пожалуй, с ехидцей: что для социальной ваты, тем более пропитанной ложью, — н-да!.. — в физике места не отведено, а посему не лучше ли все-таки ограничиться более строгими понятиями.

Ну что ж, ограничиться так ограничиться.

Тогда прежде всего придется сказать, что для занятий фундаментальной теоретической физикой сорок два года — возраст, увы, не лучший. Конечно, законы истории физики не столь категоричны, как законы самой физики, но анналы безжалостно свидетельствуют: главные шаги в неизиаемое делали теоретики в возрасте от тридцати до сорока. Разумеется, при усердной подготовительной работе. А Сахаров после недолгого аспирантства оторвался от фундаментальной физики на полтора десятилетия. Да еще пять лет умудрялся совмещать взрывоопасную физику с фундаментальной...

Итак, в 1963 году Сахаров вернулся к чистой теоретической физике. В те годы начала осознаваться мысль, что ответы на самые фундаментальные вопросы требуют соединить микрофизику, или физику элементарных частиц, и мегафизику, то есть космологию. Именно сюда, на стык двух филологически не стыкующихся областей, обратился мысленный взор «отца советской водородной бомбы».

Теоретики, поглощенные своими заботами, должны забывать о науковедах. А те навели статистику: чем теоретичней область физики, тем меньше процент работ, оказывающихся правильными. В фундаментальной теоретической физике таковых, говорят, всего пять процентов. И если не придираться к слову «правильная», это и неизбежно, и справедливо. В алмазных копях удовлетворяются еще меньшим процентом. Поэтому обратимся к двум идеям, двум работам Сахарова, одна из которых кажется неправильной, а другую можно, по-видимому, уже включать в учебники.

Надо ли говорить здесь, что суд истории и приговор историка, даже опирающегося на мнение опытных присяжных экспертов, — не одно и тоже? Кроме того, каждому ясно, что у медвежонка Винни Пуха, например, были веские основания называть злокозненных пчел неправильными. История науки знает приговоры, более строгие, чем «неправильная», «неинтересная», «никому не нужная». Так вот это — не о работе Сахарова

об индуцированной гравитации.

В статье 1967 года в «Докладах Академии наук» Сахаров выдвинул идею, на первый взгляд бессмысленную, что гравитации, известного всем по школе ньютонова всемирного тяготения, в сущности нет. А что же есть? Есть упругость пустого пространства-времени, которая и приводит ко всем хорошо известным проявлениям всемирного тяготения — от падения яблока до коллапса звезды. Но если статья Сахарова отменила гравитацию, почему же она так понравилась одному из самых авторитетных гравитационистов Джону Уилеру, автору книги «Гравитация», знаменитой на весь теорфизический мир? Потому что Уилер и его коллеги хотели не столько во чтобы то ни стало сохранить ньютоно-эйнштейновскую теорию гравитации, сколько ее понять, то есть решить трудные вопросы, естественно рожденные этой теорией, но не поддающиеся ответу. А гипотеза Сахарова открыла неожиданно новый взгляд на крепость, изученную снаружи до камушка, но неприступную.

В истории физики уже бывало, что ученые люди, расположившиеся боевым лагерем вокруг подобной твердыни, обдумывают, какими бы катапультами и стенобойными орудиями проломить ее толстые стены, а кто-то, отодвинув замшелый камень или даже просто раздвинув высокую траву, обнаруживает удобный подземный ход, ведущий в самый центр крепости. И вскоре уже неприступные стены можно по-хозяйски основательно разглядывать изнутри, любуясь искусством старой кладки.

Вадим Сидур, «Памятник современному состоянию», 1962 год. Бронза. Установлен в г. Констанц (Германия). Высота 4 метра.

К 1967 году пустое пространство-время уже совершенно не напоминало физикам ящик без стенок, наполненный тиканьем невидимых часов. Уже сорок лет, как выяснилось, что в пустоте кипит жизнь, если только как следует присмотреться. И эта кипучесть проявлялась в виде квантового рождения частиц «из ничего», сдвигом спектральной линии. Для того чтобы физики и думать забыли о пустоте, слово это перевели на латынь. Получилось — вакуум. Но сложное устройство вакуума — законы его флуктуаций — разглядывали до поры лишь в «микроскоп», в очень малых масштабах.

И вот в 1967 году Зельдович взглянул на те же квантовые флуктуации вакуума совершенно иначе — как бы через космологический телескоп, усредняя всю вакуумную жизнь с помощью одной лишь константы.

Композиция О. Меликова.

А Сахаров предложил посмотреть на флуктуации вакуума через широкоугольный окуляр, всерьез отнесясь к тому факту, что во всех точках пространства-времени бурлит жизнь вакуума, и пытаясь учесть воздействие этих флуктуаций на поведение обычных, макроскопических ньютоновских тел. Было очень похоже на то, что плаванье тел во флуктуирующем вакууме, если только тела ньютоновские, то есть достаточно большие, что это плаванье соответствует закону всемирного тяготения. Точнее сказать, результатом, следствием квантовой теории вакуума стала эйнштейновская теория гравитации с ее искривленным пространством-временем, с ее коллапсами звезд и расширением Вселенной. А то, что из эйнштейновской теории следует Ньютонов закон тяготения, известно, наверное, уже каждому почитателю физико-математических наук.

Вдумчивый почитатель, имеющий законченное среднее образование и помнящий великий Ньютонов закон, может, правда, спросить: «А откуда возьмется G — гравитационная постоянная? Тоже родится из ничего, как позитроны и прочие «оны?»

Ну, во-первых, еще древним было известно, что ex nihilo nihil fit — из ничего ничего не получится. И позитроны рождаются не из ничего, а из вакуума, или, можно сказать, из света. И константа G должна была, по Сахарову, получиться тоже из света — света истины, кроющейся на квантово-вакуумном уровне физической реальности. В 1967 году квантовая теория вакуума была еще далеко не завершена (как, впрочем, и ныне), и Сахаров предположил, что одной из опор этой теории, наряду со скоростью света c и постоянной Планка h, станет некоторая вполне определенная константа $M_{пл}$ — планковская масса. Эта величина уже была известна физикам — и читателям «Знание — сила» (№ 2 за 1988 год),— однако в виде некоторой комбинации констант c, h и G. Коли так, то можно говорить, что и эта G — некоторая комбинация констант c, h и $M_{пл}$.

Что в лоб, что по лбу? Как посмотреть. Оставим на минутку вакуумную гравитацию и обратимся к миру земному, где предметы осязаемы, весомы и упруги. Упруги, однако, по-разному? Почему? Потому что коэффициент упругости прутика есть некоторая комбинация констант атомной физики, таких, как постоянная Планка h и заряд электрона e, и еще величины, характеризующей расположение атомов в данном прутике. Можно, конечно, сказать, что h есть комбинация из коэффициента упругости некоего эталонного прутика и других атомных констант. Но гораздо плодотворнее — «правильнее» — иной раз смотреть на вещи «снизу вверх»; такой взгляд позволяет глубже понять мироздание и, значит, уметь по-хозяйски им распоряжаться. Подыскать, к примеру, прутик с требуемой упругостью.

Ситуация напоминает часы. Что самое главное в часах — стрелки, пружина, зубчатые колеса? А может быть, закон колебаний, управляющий тиканьем? Или часовых дел мастер, нащупавший, открывший этот закон? Все непросто в нашем мире. Но интересно.

И когда А. Д. Сахаров в механизме природы нащупал новый управляющий закон, его коллеги очень этим заинтересовались. Разумеется,— чтобы и коллеги могли пощупать,— надо было гипотетический закон воплотить в интегралы и лагранжианы,— лишь по количеству типографской краски эти значки не более материальны, чем слова. А интерес коллег — это дальнейшее воплощение, пристальное разглядывание механизма природы и, значит, более глубокое его понимание.

Хотя постойте, мы же начали с того, что эта идея Сахарова неправильна! Видите ли... Ну вот, опять оговорки! А что делать? Ведь приговор историка науки почти всегда условен.

Чтобы не слишком идеализировать жизнь науки и не забыть ее непривлекательные стороны, представим себе... болото. Через это болото надо перебраться. С кочки на кочку? Верно. Но лишь после того, как выберешься на твердый берег, можно сказать, по каким кочкам следовало передвигаться. А если взять одну, отдельно взятую кочку и смотреть только на нее, мало что поймешь в научных болотах. Поэтому физики радуются, на всякий случай, каждой новой кочке. Стало быть, «неправильная» значит просто «пока не вывела на твердую почву». А пока не вывела, поговорим...

о СРТ-симметрии Вселенной —
об идее Сахарова, которая оказалась наиболее успешной и, судя по всему, провела космологию через обширное и топкое болото. Первый шаг по этому пути Сахаров сделал тогда же, в 1967 году.

Почти сразу после открытия того, что наша Вселенная расширяется*, физики-теоретики, склонные к целостному взгляду на мир, пришли в глубокое недоумение. Им было ясно, что расширение Вселенной — это не просто некая астрономическая закономерность, это фундаментальный факт мироздания. Им было ясно, что космологическая теория должна опираться на физику. Но формально глядя на физический закон — уравнение Эйнштейна, из которого Фридман получил нестатическую космологию, было еще яснее, что само уравнение в равной мере описывает и расширение, и сжатие, и более сложное движение Вселенной. Иными словами, уравнение Эйнштейна симметрично по времени, или Т-симметрично, а реально наблюдаемое, одно-единственное поведение Вселенной явно не Т-симметрично.

Кто же или что же отвечает за отбор из всех возможных космологических сценариев только одного? Не лежит ли в основе космологии такая физика, объединяющая и теорию относительности, и квантовую теорию, что основной закон этой физики тоже Т-несимметричен?

Наиболее отчетливо эти соображения высказал еще в тридцатые годы замечательный физик Матвей Петрович Бронштейн, и он же не случайно впервые обнаружил, что эйнштейновский закон гравитации, управляющий расширением Вселенной, применим лишь ограниченно.

Раз Вселенная расширяется, значит, вчера ее галактики были ближе друг к другу, чем сегодня, а позавчера — еще ближе. Если бы эйнштейновское уравнение было бы везде-всегда правильно, то в некий момент плотность вещества во Вселенной была бесконечно велика. Сейчас абсолютно правильных законов нет даже в обществоведении. Поэтому вряд ли кто удивится, что и эйнштейновский закон гравитации неабсолютен. Это и открыл в 1935 году Бронштейн, обнаружив, что в ситуациях, когда на сцену выходит Его Малейшество Квант, закон Эйнштейна надо исправлять. Происходит это, например, когда плотность вещества больше некоторой величины, составленной из констант c, G и h,— невообразимо большой и называемой планковской плотностью $\varrho_{пл}$. Можно произвести $\varrho_{пл}$ и из планковской массы $M_{пл}$, уже известной нам (если не в лицо, то в спину).

Все это означает, что ключ к разгадке вселенского расширения надо искать в миллиарднолетнем прошлом Вселенной, или, как иногда выражаются, в ее первых мгновениях. И несколько десятилетий этот ключ таился в кромешной космологической тьме.

Загадка, однако, была заперта двумя ключами, и второй замок долгое время был незаметен. Хотя свет из этой замочной скважины проник в физику уже в начале тридцатых годов под именем «позитрона». Под именем ошибочным, скажем прямо — вводящим в заблуждение. Подобрать имя для новой частицы надо было попросить теоретиков, тем более что один из них предсказал эту частицу за несколько лет до экспериментального открытия. Они назвали бы ее просто антиэлектроном. Это длиннее, но зато гораздо понятнее. Со всеми другими подобными частицами именно так и поступили. К шестидесятым годам античастиц наоткрывали уже достаточно для того, чтобы из них творить антимиры, вставлять оные в стихи, романы и задать армянскому радио вопрос: «Кто в антимире занимается физикой?»

В космологии же такое обогащение языка обернулось тяжелой проблемой: если у любой частицы имеется свой антипод, симметрично противоположный двойник, то почему эти антиэлектроны, -протоны, -нейтроны... встречаются так редко, а сделанные из них антизвезды и антигалактики глазу астрофизиков по сию пору не встречались? Неужели наш мир столь несимметричен?..

Итак, слово «симметрия» произнесено. Займемся им вплотную.

Понятие симметрии живет вовсе не только в физике, и это облегчает разговор. Вряд ли стоит напоминать, что симметрии бывают разные. Но, пользуясь одесским диалектом русского языка, можно сказать, что имеются только «две большие разницы». Например, возьмем в руки колесо. Относительно оси колесо можно повернуть на любой угол, и в результате положение не отличишь от исходного. Если же осью вращения сделать «спицу» колеса, то для совпадения с исходной конфигурацией надо совершить поворот ровно на 180 градусов, не менее. Так вот, первая симметрия называется непрерывной, а вторая — дискретной.

В физике действуют симметрии, не сводящиеся к пространственным, а в квантовой физике особую роль играют именно дискретные симметрии. Для физика вообще очень созвучны слова «атомизм», «квантовость», «дискретность». А после того как выяснилось, что квантовая физика позволяет рождать частицы сразу, целиком, три дискретные симметрии и вовсе вышли на авансцену.

С одной из этих симметрий мы уже познакомились, правда, без всякой квантовости. Т-симметрия поворачивает время вспять, заменяя везде t на $-t$ и, значит, заменяя все скорости на противоположно направленные.

Р-симметрия, наиболее геометрическая, превращает правую руку в левую, родинку с левой щеки переносит на правую, вращение волчка меняет на противоположное — короче, делает все, что делает с нашим миром любое зеркало. И, наконец, самая непонятная — *С*-симметрия — любую элементарную частицу заменяет на ее античастицу.

Каждая из операций *С*, *Р*, *Т* похожа на взмах волшебной палочки. И в общем-то ниоткуда не следует, что после этакого взмаха в физическом мире ничего не изменится. Из теории относительности удалось извлечь только то, что взмах сразу тремя палочками ничего в физике не меняет. Это называется *СРТ*-симметрией.

А по отдельности? Несколько десятилетий физики были уверены, что фундаментальные физические законы симметричны для любой из *С*-, *Р*-, *Т*-волшебных палочек. Жить в таком мире физикам, конечно, было бы проще, но...

Представьте себе, что у человека правая и левая руки совершенно одинаковы. Делать перчатки таким простым людям, конечно, в два раза проще, но можно ли понять, что такое человек, игнорируя различие правой и левой руки (и геометрическое, и динамическое), различие правого и левого полушарий его мозга (образного и логического)? Выходит, не зря говорят, что простота бывает признаком гениального, но бывает и хуже воровства? Чрезмерное упрощение мира крадет у него красоту.

Уже в тридцатые годы наиболее проницательные из теоретиков заподозрили нечто неладное в сочетании *Т*-симметрии фундаментальной микрофизики и явной *Т*-несимметрии в мегафизике, то есть в космологии.

Однако всему свое время, и довольно долгим было это свое время раздельному развитию микро- и мегафизик. Вопросов хватало в физике элементарных частиц и в космологии по отдельности. Настолько хватало, что некоторые физические авторитеты стали думать: эти сферы разделены самим Всевышним и пытаться соединять их — богохульство, чтобы не сказать — глупость.

Симметрии же целиком достались в удел микрофизике. Первой, в 1956 году, дрогнула право-левая симметрия *Р*. Оказалось, что некоторые физические законы различают правое и левое. Это открытие было шокирующим, нобелевским и всего лишь «перволасточным». → Физики не могли мириться

---

* Тем, кто в этом и сейчас не уверен, рекомендуем десятый номер «Знание — сила» за 1989 год.

с кособокостью мироздания и предположили, что воссоздать симметрию мироздания можно операцией С, то есть комбинированной симметрией. И в первых обнаруженных случаях Р-несимметрии это предположение оправдалось: от перемены правого на левое и одновременно частиц на античастицы физические явления не менялись.

Дальнейшее изучение мира элементарных частиц, как уже можно догадаться, привело к неполноте и *СР*-симметрии: обнаружились такие законы их жизни, которые нарушают и *СР*-симметрию. Остался только один всеобщий закон — *СРТ*-симметрии, и он останется в силе, пока остается сама теория относительности.

Однако, согласно этому закону, получалось, что микрофизика несимметрична относительно переворота стрелы времени. Всю микрофизику можно разделить на три области, вложенные одна в другую и другая в третью. Явления самой доступной области симметричны относительно *С*, *Р* и *Т* по отдельности, в другой действительны симметрии *СР* и *Т*, наконец, в самой удаленной от «уровня Земли» — только *СРТ*.

Но все это микрофизика, все это относится к элементарным частицам. А в мегафизике, в космологии в это же время теоретики ломали себе головы над тем, как могла бы космология развести подальше друг от друга миры и антимиры, чтобы они не соприкасались (и их аннигиляция не осветила Вселенную обжигающе ярким светом) и чтобы не пришлось гадать о Творце Вселенной, правша он или левша.

Легче всего было тем, кто не боялся ни десницы божьей, ни его шуйцы. Такие были готовы принять асимметрию мироздания как факт окончательный или изначальный (что, собственно, одно и то же) и всякие размышления на этот счет назвать заведомо ложными измышлениями.

Однако испокон веков были и такие, кто в обнаруженной асимметрии упрямо ищет симметрию высшую и, главное, более правильную. Среди таких и А. Д. Сахаров. Он вывел *СРТ*-симметрию из микромира на мегапросторы Вселенной, а точнее — в мегамикромир, поскольку речь идет о бурных событиях, происходивших с элементарными частицами по всей Вселенной в самые первые мгновения ее Большого Взрыва. И суть идеи Сахарова состояла в том, что наблюдаемые *С*-, *Т*- (а может быть, и *Р*-) асимметрии Вселенной связаны с *СРТ*-симметрией микрофизики.

Конечно, суть не была голой: сколь ни важна роль скелета, жизнедеятельность организма предполагает и другие составляющие. И основную, скелетную, идею Сахаров ввел в жизнь в совокупности с другими: несохранение барионного заряда и распад протона, гипотетические частицы с планковской массой и теория великого объединения... Названные идеи живут и развиваются уже два десятилетия, но, пожалуй, еще не созрели для популяризации их историком науки (во всяком случае, тем историком, который пишет эти строки). Однако, должно быть, и без того ясно, что работа Сахарова положила начало важнейшему этапу в объединении физики микромира и мегамира.

...И ничего кроме физики?

Этой формулой можно удовлетвориться, когда речь идет о специалисте, даже мастере экстра-класса, который своими работами вращает колесо истории науки вокруг своей оси, и только. Но этой формулы совершенно недостаточно для физиков, повернувших это колесо вокруг иной оси, открывших поворот самой дороги, по которой колесо катится.

Можно и сильнее. Зачем вообще рассказывать о физике, если это всего лишь мастер, хотя бы и международный? Не рассказывает же «Знание — сила» о специалистах плотницкого дела. А ведь и среди них есть мастера экстра-класса.

Конечно, для собратьев по цеху, особенно для начинающих собратьев, такие рассказы могут быть поучительны. Но так ли уж интересны секреты сапожного мастерства для человека, который осваивает или уже освоил профессию пирожника?

Поэтому рассказ о физике-мастере «для широкого круга читателей» обычно сводится к набору анекдотов и забавных странностей. А все отличие от сапожных дел мастера — только в общественном значении физико-технических чудес и военно-физических ужасов. Что касается общечеловеческих ценностей, то история свидетельствует, что склонность к ним мастеров в общем не больше, чем у подмастерьев и у так называемых простых людей.

Другое дело — гроссмейстеры, или, в переводе с немецкого, великие мастера. И даже не потому, что Пушкин отлучил гениев от злодейства. А потому, что воистину великое не помещается в какой-то одной, сугубо специальной области. Потому что великий шаг требует напряжения всех душевных сил, поддержки от даже, казалось бы, непрофессиональных свойств личности. Эту поддержку осуществляет интуиция. Когда А. Д. Сахаров рассказывал об истоках своей идеи, объясняющей *С*-асимметрию Вселенной, он сам обращает внимание читателя на то, что истоки эти «из области интуиции, а не дедукции».

Не менее важно и другое. Даже допуская, что предыдущий рассказ о симметриях *С*, *Р*, *Т* привел к ощущению или к иллюзии понимания, мало кто не догадается, что такое ощущение очень далеко от подлинного знания, от владения точным физматязыком, выработанным для описания *СРТ* и пр., и пр. Но если так, то как же неспециалисту составить себе представление о масштабе сахаровского шага? Вот тут-то и пригодится объемность творческого потенциала «гроссмейстера». Можно попытаться в сфере общечеловеческого, или гуманитарного, найти проявления личности гроссмейстера, более понятные, во всяком случае не требующие специального физматязыка, и в то же время достаточно показательные.

Для такого поиска «Воспоминания» Сахарова предоставляют замечательные возможности. В многостраничном жизнеописании прежде всего явственно видна неразрывность науки Сахарова и его жизни — так непринужден переход от заводского быта к физическим методам контроля пуль, от вариационного принципа к женитьбе, от диссидентской деятельности к суперсимметрии, от голодовки к индуцированной гравитации...

Читатель «Воспоминаний» поймет, наверное, историка, не готового отделить биографию Сахарова от его научной судьбы. В книге, например, говорится о трех молодых физиках-теоретиках, арестованных в тридцать седьмом и погибших. Хотя Андрей Дмитриевич их никогда не видел — он поступил в университет годом позже,— об этих физиках, о своих возможных учителях, он узнал от чудом тогда уцелевшего Игоря Евгеньевича Тамма. Однако Тамм стал его учителем только в аспирантуре, а из МГУ после «разгрома троцкистов» на физфаке в тридцать седьмом Тамма изгнали вместе с другими выдающимися физиками и замечательными педагогами. Поэтому учиться Сахарову пришлось в условиях серого научного безлюдья. А если бы?..

Среди троих погубленных и М. П. Бронштейн, имя которого уже появлялось и который многое мог бы дать А. Д. Сахарову. Это Бронштейн еще в тридцатые годы размышлял о единстве физики микроскопической и космической, это в его работе 1937 года произошло первое реальное взаимодействие космологии и физики элементарных частиц. Но Андрей Дмитриевич впервые увидел фото Бронштейна лишь в семидесятые годы, на стене той комнаты, что уже упоминалась вначале...

Тот, кто прочтет «Воспоминания», вряд ли назовет несущественными обстоятельства, в которых проходила научная жизнь А. Д. Сахарова.

Как он занимался наукой в условиях пробного коммунизма, соседствующего, вопреки законам истмата, с рабовладельческим строем? И рабы на удивление естественно попадали на территорию коммунизма, огражденного всего-навсего колючей проволокой. И коммунисты совместно с рабами, зачастую в одной телесной оболочке, участвовали в общем деле — ковали меч для борьбы за мир.

Как этому русскому интеллигенту приходилось выдерживать жестокие и смехотворные экзамены на принадлежность к этой замечательной «прослойке»?..

На правах историка рискну предположить, что не будь всех этих «обстоятельств», не надо было бы в 1991 году научно-популярно объяснять, что сделал Сахаров в физике. Это все знали бы из учебников.

Ну а где же обещанное, всем понятное свидетельство творческого масштаба академика Сахарова?

Нефизик, обреченный на слепоту в области физматематических явлений и формул, не может судить о масштабе физического таланта. Но оценить источник творческой силы ученого в некоторых случаях может и нефизик, если речь идет о великом физике и если принять рискованное предположение: великим физик не может быть, если он только физик (слово «физик» здесь заменимо). «Великость», хотя бы по законам архитектоники, характеризуется не только высотой, но и глубиной, и обширностью. У великих достижений в физике, музыке и во всех других сферах есть один источник — великая сила духа.

Выходя из физической сферы творчества А. Д. Сахарова в гуманитарную, можно обнаружить по сути то же сочетание глубины аналитического взгляда и смелости изобретений. Быть может, самое ясное проявление личности А. Д. Сахарова в сфере его гуманитарной деятельности — выбор критерия истины. Это центральный вопрос в философии науки. И хотя единственно научная философия этот вопрос давно решила тезисом «Критерий истины — общественная практика», в жизни физика-теоретика такое решение, каким бы правильным оно ни было, совершенно бесполезно. Еще менее полезен этот критерий в общественной жизни, особенно в столь непрозрачной и пропитанной ложью, какой жила родная страна Сахарова. И физик выше рациональных, практических соображений поставил иррационально-гуманитарные:

«Я не профессиональный политик, и, быть может, потому меня всегда мучают вопросы целесообразности и конечного результата моих действий. Я склонен думать, что лишь моральные критерии в сочетании с непредвзятостью мысли могут явиться каким-то компасом в этих сложных и противоречивых проблемах».

Что означает этот переход от прагматических критериев, целиком основанных на логике, расчете ходов и знании противника, к критериям моральным, опирающимся на внутренний голос, интуицию? Не измена ли это профессиональному, научному взгляду на мир? Не зря же этот переход фактически не приняли сотоварищи по профессии, по Академии наук. Они, проводя свои общественные выкладки, не раз убеждались — убеждали себя,— что это все детская наивность и упрямое непонимание жизни, что это — «дохлый номер» и т. п. Некоторые из них, особенно знакомые с Сахаровым лично, смутно ощущали его правоту, но у них не хватало сил довериться своему ощущению.

Чувство, на которое опирался Андрей Дмитриевич Сахаров,— в сущности эстетическое чувство разума. Мощь этого чувства можно было бы назвать нечеловеческой, если бы само сочетание разума и нравственности не было бы признаком человечности.

Только огромная сила моральной интуиции, сила эстетического чувства разума позволяли Сахарову браться за бессмысленные, казалось бы, неразрешимые проблемы. И в физике, и в гуманике. В рамках обыденности такие претензии выглядят крайней самоуверенностью, чтобы не сказать нахальством. И люди, целиком заполненные обыденным сознанием, нередко так об этом и судили.

Сегодня, правда, так уже не думает никто. И это тоже дело обычное...

Но, быть может, сейчас еще рано размышлять над воспоминаниями Сахарова? И надо подождать несколько десятилетий, чтобы сердце читателя не сжималось от многократных сахаровских «к моему стыду...»? Чтобы читателя не мучили вопросы: «А что в это время делал я? Как жил?»

Зачем благотворительность микробам?
В одежде не жарко
Ночная песнь о любви

Такое трудное добрососедство

То, что азотфиксирующие бактерии первыми и почти единственными в биосфере связывают столь необходимый всему живому атмосферный азот, хорошо известно. Поселяясь на корнях растений, эти микроорганизмы затем передают его им. Переходя «из рук в руки» по пищевой цепи, азот доходит до животных и человека. Поедая друг друга, все организмы пользуются «первым взносом» бактерий, тем самым азотом, который только они и смогли «вдохнуть» и не «выдыхнуть» обратно в атмосферу. Конечно, этот газ нужен и самим бактериям для собственного жизнеобеспечения. Но вот зачем вся дальнейшая благотворительность, что эти одноклеточные имеют от растений, отдавая им столь ценный продукт? Ответ в общих чертах известен. Эти бактерии — анаэробы. Они нуждаются в кислороде, но не могут просто взять его из воздуха. Совсем как мы, нуждаясь в азоте и буквально купаясь в нем, не в состоянии его удержать. Как же дышат эти бактерии?

Очень сложно, говорят ученые, проводившие опыты в Институте биохимии имени А. Н. Баха АН СССР. Для дыхания бактерии пользуются легоглобинами — белками, аналогами нашего гемоглобина, которые растения производят только для блага своих соседей. Вещества эти приспособлены переносить большие количества кислорода даже лучше, чем гемоглобин. Растения, таким образом, проходят свою часть пути навстречу микробам для установления взаимовыгодного симбиоза. Следующий вопрос: как легоглобин отдает принесенный кислород бактерии? Опыты дают ответ и на это. Внутри клубенька, на корне бобового растения люпина, в зоне контактов бактерий с цитозолем клетки корня, бактерии выделяют фермент — редуктазу, которая химически воздействует на легоглобин, в результате чего тот отделяет кислород, который тут же потребляется бактерией. Интересно, что почему-то сильнее всего этот белок удерживает кислород, полученный «из рук в руки», при отсутствии его в свободном виде в окружающем пространстве. В аэробных условиях легоглобин удерживать кислород не станет.

Надежда для растений

Каждый раз, надкусывая спелое яблоко, обращаешь внимание, что его гладкая, блестящая кожура словно бы покрыта каким-то жирным составом. Это природная пленка из веществ, подобных воску, которая, оказывается, есть и у листьев и стеблей всех растений. Она предотвращает излишнюю потерю влаги, особенно в засушливую погоду. Но возможности такой пленки все-таки ограничены: когда вокруг становится слишком жарко, дерево или кустарник просто сбрасывают часть листьев, и интенсивность испарения тут же уменьшается. Поэтому увядшие листья в июле — еще не признак грядущей осени, это всего лишь способ пережить жару... Все эти естественные биологические механизмы хороши, но, бывает, недостаточны, когда лесные и сельскохозяйственные культуры приходится возделывать в самых разных природно-климатических условиях. И теперь используют искусственные пленки для покрытия всех испаряющих влагу поверхностей растения.

В нашей стране эти вопросы разрабатываются в Московском лесотехническом институте. После многих лет экспериментов здесь подобрали эластичную и не токсичную для растительного организма основу влагозащитной пленки — это латекс, представляющий собой сок каучуконосных деревьев в природе или искусственно синтезируемый. В смеси с разными добавками он оказался прекрасным антитранспирантным средством. Обработка им, например, зеленых насаждений выражается в обычном опрыскивании, что было успешно испытано в городских условиях Москвы. Искусственная пленка на латексной основе показала себя особенно полезной для сохранения жизнеспособности растений во время массовой пересадки декоративных кустарников, производимой в летне-осенний период.

Всяк сверчок...

Очень близкий родственник саранчи и кузнечика, домовый сверчок, вполне освоился в жизни рядом с человеком. В тепле и сытости деревенского дома он, по сути, «махнул рукой» на сезонные ритмы размножения, которым некогда подчинялся его вольный предок. Довольствуясь остатками пищи людей, сверчок нормально существует и размножается весь год, зимой и летом, досаждая при этом человеку своим довольно громким вечерним и ночным стрекотанием. Зачем он это делает? Оказывается, стрекочут только самцы, а самки, насекомые тихие, молча разыскивают свою пару, ориентируясь именно на эти громкие звуки.

Интересно другое. В нашей стране обитает до полусотни видов сверчков, причем порой в одних и тех же «нишах», при этом как-то умудряются не путать голос особи своего вида с чужим. Отличия звуков сверчков разных видов исследуют в ленинградском Институте эволюционной физиологии и биохимии имени И. М. Сеченова АН СССР.

В опытах ученых самкам сверчков давали послушать записанные на пленку разные звуки: общий фон, непрерывные трели, похожие на стрекот самцов, и сигналы, имитирующие призывные голоса самцов. За самками следили, наблюдая их поведение в лабиринте, через который и доносились до насекомых все эти звуки. Результаты таковы: на общий фон сверчки не реагировали, на трели они выходили внутрь лабиринта, пытаясь найти источник звука. Но, услышав только однажды призывный сигнал самца, дальше реагировали только на него.

Как считают исследователи, по мере взросления самки у нее происходит постепенная настройка на звук самца именно своего вида, ибо только встреча с ним заканчивается успешно — оплодотворением и последующим размножением.

Острова в древнем океане
Красный фотосинтез?
Давайте говорить друг другу комплименты!

Остров Украина?

В Донецком бассейне добывают каменный уголь, где его слои в толще земли достигают мощности в несколько километров. Но небольшие его залежи есть и поблизости — можно считать, что вся южная, юго-западная и западная части Украины пронизаны тонкими слоями угля. Их мощность, по-видимому, недостаточна для промышленной разработки, хотя в будущем она не исключена.

Происхождение и эволюцию всего этого района изучают во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте имени А. П. Карпинского в Ленинграде. Обследовав породы разных глубин, песчаники и минералы в пределах Украинского кристаллического щита, а также соседних территорий, включая Воронежский массив, Крым, Кавказ, Болгарию, ученые приходят к следующему выводу. Залежи угля образовывались в карбоне, каменноугольном периоде. В самом его начале, около трехсот пятидесяти миллионов лет назад, Украина была большим островом, омываемым со всех сторон морем. Оно плескалось и на месте нынешнего Крыма. Более того, остров располагался тогда вблизи экватора, потому на нем была буйная тропическая растительность. Ее-то остатки и слагают ныне угольные толщи. Примерно тридцать миллионов лет спустя ситуация изменилась. К югу от острова, на месте сегодняшнего Черного моря, возник крупный массив суши, надо полагать, вскоре тоже покрывшийся тропическими лесами. Накопление угля шло и на нем.

Система угленосных бассейнов — это, конечно, пока еще модель, разрабатываемая учеными. Но некоторая правдоподобность ее подтверждается обнаружением угольных пластов рабочей мощности на глубине в полтора километра в районе Одессы.

Кванты всякие важны

Фотосинтез органических соединений в зеленых клетках растений идет под действием квантов солнечного света. Среди прочих здесь происходит и такая важная реакция, как обратимое фосфорилирование белков: молекула белка присоединяет к себе атом фосфора с помощью особого фермента. Световой квант действует именно на фермент протеинкиназу, который и обеспечивает остальные звенья цепи реакции. Зависит ли его работа от того, какой именно квант сюда попадает?

В Институте физиологии имени К. А. Тимирязева АН СССР проверили интенсивность присоединения фосфора под действием света крайних точек диапазона — красного и синего, а также и в темноте. Для этого из листьев проростков ячменя выделили частицы мембран хлоропластов и поместили их в раствор радиоактивного фосфора. Далее смесь десять минут освещали потоками разных цветов, снова отделяли частицы и затем измеряли у них приобретенную радиоактивность. Опыты привели к интересным результатам. Включение атомов фосфора в молекулу белка происходило и без всякого света, в полной темноте. В красном свете оно усиливалось в несколько раз, а в синем — еще примерно во столько же. Оба воздействия были с самого начала «выравнены по количеству падающих квантов», а разные их результаты можно объяснить двумя разными механизмами: или активность фермента действительно зависит от частоты кванта, или же в частицах мембраны хлоропласта действует не один, а несколько химически разных ферментов, каждый из которых «включается в работу» только своим цветом.

Таким образом, получается, что для успешного фотосинтеза зеленому растению, по-видимому, требуется весь спектр солнечного света, а не только фиолетовая и ультрафиолетовая его части.

Комплимент — «комплементу»

Слово «комплемент» по-латыни означает «дополнение». В молекулярной биологии и генетике оно стало ключевым — им обозначают важнейшее свойство, присущее носителям генетической информации в клетке, молекулам ДНК и РНК. Само деление клетки на дочерние особи начинается именно с разделения нуклеиновых кислот в ее ядре. Если это ДНК — двойная спираль, то она разделяется на две одинарные, которые, разойдясь подальше, начинают строить на себе, как на матрице, собственные копии, используя для этого свободные нуклеотиды как «строительный материал». В случае РНК — она просто строит на себе копию. Нуклеотидов всего четыре типа: аденин, гуанин, цитозин и урацил, не считая пятого, тимина, заменяющего в ДНК урацил. Синтез копии на матрице и происходит по принципу комплементарности, открытому еще на заре молекулярной биологии. Вот он. Гуанин в матрице «притягивает» к себе из среды только цитозин, и наоборот. Аденин в матрице аналогично присоединяет урацил, и только его.

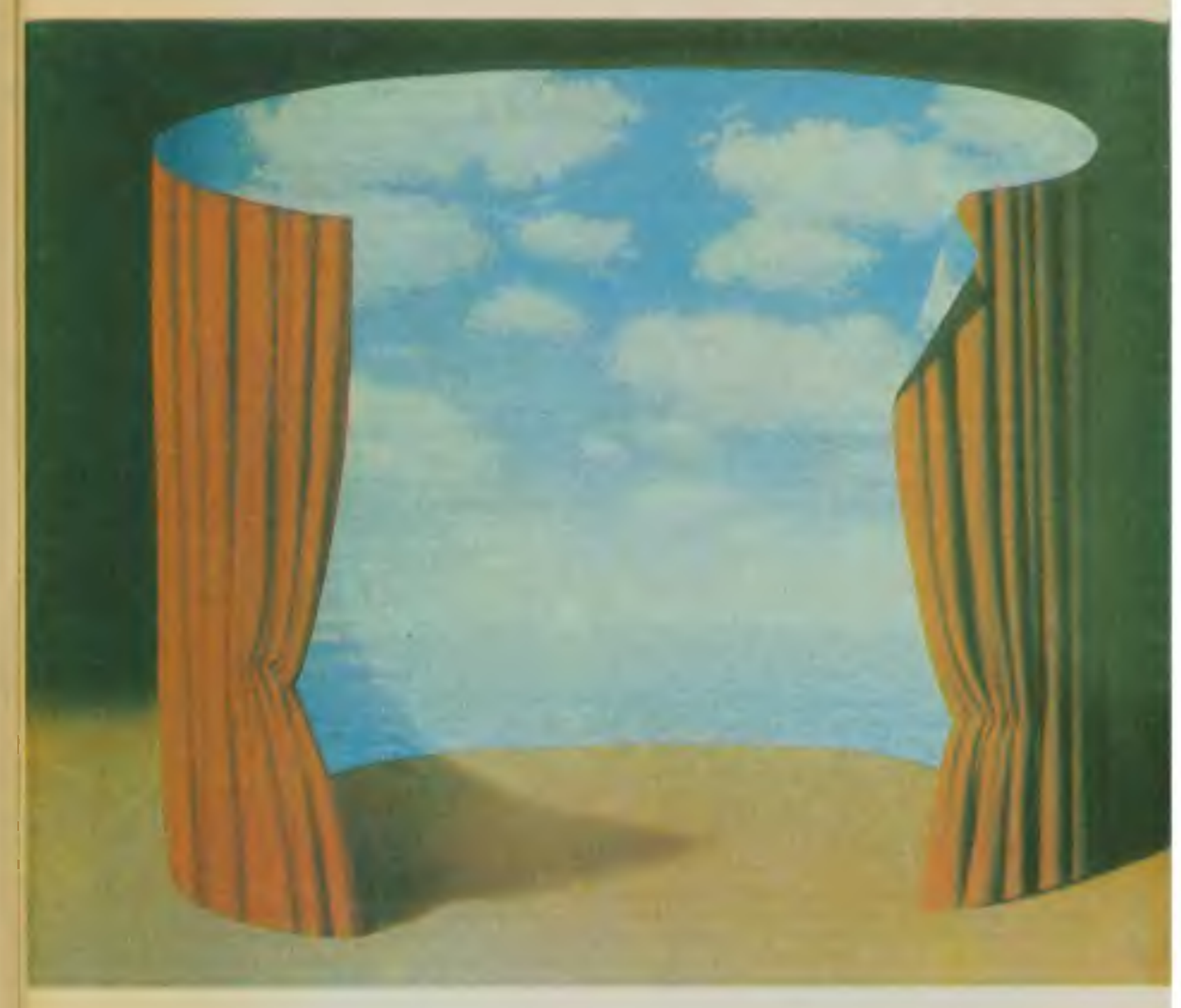
Механизм этого направленного выбора, где каждый нуклеотид избирает себе пару, исследовали с помощью квантовохимических расчетов в Ленинградском химико-фармацевтическом институте. И вот получается, что прочная пара образуется из двух нуклеотидов за счет возникновения сразу двух связей между двумя склонными к «комплементу» нуклеотидами. Одна связь протягивается между водородом первого и кислородом второго, другая — между азотом первого и водородом второго нуклеотида. Обе связи образуются только синхронно, причем по ним участники связей — нуклеотиды — обмениваются между собой электроном и протоном, переносимыми в противоположных направлениях. Перенос этот называется кооперативным, ибо происходит он по двум связям одновременно, а величины энергий обеих связей оказываются взаимно увязаны между собой. И нуклеотиды при выборе пары потому никогда не ошибаются.

Серьезные специалисты долго опровергали тревожные слухи, что разного рода погодные бедствия порой вызывает человеческая деятельность. Неожиданные ливни, засухи, тайфуны с ласковыми женскими именами, градобития, похолодания, оттепели... Снегопады в Италии, гнилые зимы в России... Помилуйте, устно и печатно отвечали «народу» серьезные специалисты, да ведь энергия одной средней по масштабу грозы превосходит энергию ядерного взрыва, а гроз над Землей в течение суток разражается знаете сколько? Около двухсот тысяч! Об энергии же запусков ракет и говорить нечего, она ничтожна в сравнении... Убедительно. А слухи держались. Один из них — что внезапный шторм в Средиземном море в декабре 1989 года, нарушивший, если помните, регламент встречи президентов М. С. Горбачева и Д. Буша на корабле возле Мальты, тоже был не только предвидимым, причем безо всяких архисовременных наблюдений со спутников, но и рукотворным, связанным с запуском американцами тяжелого спутника.

В 1989 году мы, сотрудники журнала «Изобретатель и рационализатор», вручили нашу медаль и диплом «Техника — колесница прогресса» академику В. П. Мишину, бывшему заместителю, а затем преемнику С. П. Королева. Торжество состоялось на кафедре в Московском авиационном институте, после чего академик предложил нам остаться, выслушать некое любопытное сообщение.

О своем исследовании рассказал доктор технических наук, профессор С. И. Рыбников. В ту пору исследования только начались, были получены лишь первые результаты, нуждавшиеся в сугубой проверке и уточнении, но все-таки нам удалось убедить Сергея Игоревича выступить на страницах «ИР». Позже автор гипотезы докладывал о своих наблюдениях на нескольких представительных совещаниях. Теперь, пройдя в дискуссиях испытание на прочность, исследование представляется для знакомства читателям «Знание — сила».

И. ЧУТКО,
сотрудник журнала
«Изобретатель и рационализатор»

Р. Магрит. «Память о здоровье».

С. Рыбников,
доктор технических наук, профессор

Кувалдой — по хрустальному своду

Об экологической опасности и безопасности космонавтики

— Вы утверждаете, что найдена конкретная причиина конкретных экологических бедствий?

— Ничего подобного. Я утверждаю лишь, что есть связь их множеств с множеством запусков крупных спутников. Связь же конкретных событий пока не исследована, антропогенный вклад в формирование каждой конкретной катастрофы неизвестен.

— Хорошо. Статистика показала вам, что запуски космических летательных аппаратов вредно воздействуют на природу. Как ограничить такие воздействия, а еще бы лучше — совсем их прекратить?

— Тридцатилетие космонавтики — это и тридцатилетие обострения экологических проблем. Причем следствия многих причин здесь так переплелись, что попытки найти главного виновника и, скажем, «запретить» все вредные производства, видимо, ничего не дадут.

Чтобы ограничить техногенные засорения природы, существуют предельно

допустимые концентрации загрязнений — ПДК. Их устанавливают экологи, медики, биологи. Но мне не удалось обнаружить ПДК на выбросы продуктов сгорания реактивных топлив по трассе полета ракет. А нет ПДК — нет и контроля, нет контроля — нет и ПДК. Часто есть лишь выборочные нормы, да и их соблюдение контролируется выборочно же, с символическими санкциями. Инженеры в своих разработках по возможности укладываются в нормативы загрязнений. По возможности. А не укладываясь, прячут эти свои «грехи», например, за ведомственными заборами или просят-требуют «временного» расширения допусков. Плохо, очень плохо изучены реакции природы на комплексные загрязнения, когда неблагоприятным образом, последовательно-параллельно, нелинейно взаимодействуют выбросы, казалось бы, допустимые порознь. Далеко не всегда также учитываются триггерные (спусковые) эффекты, обусловленные неустойчивостью части природных сред и процессов, в силу которой достаточно слабые воздействия могут усиливаться на порядки.

Вот и не находится причины экологических, особенно биоэкологических, катастроф ни на Севере, ни на Юге, научные выводы заменяются митинговыми резолюциями, системный анализ ситуации — поиском мальчика для битья (связки «одна причина — одно следствие»).

— Обратимся к вашему сообщению на кафедре — к влиянию запусков космических летательных аппаратов на погоду. Организованы ли исследования? Знают ли об этих влияниях разработчики космической техники и те, кто осуществляет запуски?

— По установившимся научным воззрениям, запуски крупных космических летательных аппаратов (КЛА) не оказывают существенного влияния на погоду на больших территориях. Это вывод из достаточно давних исследований, сформулированный весьма категорично: «Физическая причина влияния запусков КЛА на погоду на больших территориях отсутствует». Однако, судя по литературе, исследования были лишь теоретическими, в них учитывались не все факторы, не анализировались экспериментальные данные. Поскольку не было создано концепции и теоретической модели возможного влияния, то и проверять, считалось, было нечего. Категоричность вывода, иллюзия решенности, вернее, отсутствия проблемы надолго затормозила работу.

А проблема осталась. Жители многих местностей, наблюдая подъемы непогоды, часто разрушительные, регулярно следовавшие за запусками, все сильнее чувствовали себя кроликами, на которых испытывают что-то неведомое. Чувствовали, что их обманывают.

Не вяжется вывод об «отсутствии физической причины влияния» и с данными других экспериментов. Сравните: сами распылив несколько десятков или несколько сотен граммов веществ над квадратным километром облаков, удается заметно повлиять на облака, осадить их или рассеять. А сотни, порой и тысячи тонн распыленных в атмосфере продуктов сгорания и непрореагировавших остатков реактивных топлив никак на облаках не скажутся? Едва ли...

Итак, проблема осталась. Государство ее решения не финансировало, однако исходные данные в литературе набирались, пусть по крохам, недомолвки и ошибки восполнялись «мозаичным» методом.

— Таким образом, есть уже не только статистика, но известен и механизм воздействия пусков КЛА на атмосферу?

— Предложена гипотеза, в ней несколько полнее, чем ранее, учтены физико-химические процессы, сопутствующие запуску. Согласно этой гипотезе, выброс продуктов сгорания, распространяющихся по участку атмосферы и взаимодействующих с ней, усиливает его циклоническую активность, вызывает падение атмосферного давления в приземном слое, кратковременный подъем образования осадков и ветров, в том числе сильных, иногда катастрофических.

Разумеется, энергии, выделившейся при сгорании нескольких цистерн топлива, не хватит, чтобы заметно «качнуть» атмосферу в масштабе региона. Здесь, однако, практически нет прямого энергетического вклада: запускается, как уже говорилось, природный триггерный, то есть спусковой, механизм, реализующий неустойчивость атмосферы. (Это его имеют в виду метеорологи, когда говорят, что циклон может образоваться от взмаха крыла бабочки.) И дело не всегда кончается изменениями погоды: изменение атмосферного давления в приземном слое, в свою очередь, воздействует на кору Земли, влияет на характер литосферных процессов. Оценки показали, что это влияние также может быть заметным.

— Вы сказали, что за пусками КЛА следуют подъемы циклонической активности в регионах. Значит, в каких-то регионах она поднимается, а в каких-то — нет? Почему?

— Для экспериментальной проверки выдвинутой гипотезы были выбраны полигоны и рассчитаны зоны влияния запусков, производимых на этих полигонах. Учитывались классы ракет, геофизические условия. Как и предполагалось, наиболее четко на фоне естественных процессов видна реакция природы на запуски, производимые во Флориде, на мысе Канаверал. Причин этому три.

Во-первых, только там регулярно запускаются гигантские ракеты со стартовой массой в две-три тысячи тонн. Это летавшие в 1967—1973 годах «Сатурны-5» (стартовая масса до 2950 тонн, «сухая» — всего 180 тонн), а также летающие с 1981 года «Спейс Шаттлы». Во-вторых, продукты сгорания там вбрасываются в активнейшую геофизическую зону, где берет свое начало Гольфстрим и зарождаются сильнейшие циклоны. К тому же трассы в начале полетов обычно совпадают с Гольфстримом. Здесь бы вселенский экологический заповедник устроить, почтительно наблюдать за промыслом божьим! Так нет же — именно здесь люди бьют по хрустальному своду небес кувалдами своей техники! Третья причина нашего выбора — относительный схематизм, геометричность строения центральной и южной частей Северной Америки по сравнению с Евразией, где наблюдения значительно затруднены.

Обнаружено, что после запуска крупного КЛА во Флориде от Центральной Америки до берегов Европы проходит волна роста циклонической активности. Обычно стимулированные запуском циклоны через несколько суток накатываются на юго-восток США, вызывая там подъемы непогоды.

Циклоны, подпитываемые теплым океаном, усиливаются над ним, двигаясь далее по Европе, вызывают непогоду и там, затем несколько ослабевают. При этом наблюдается поворот ветра к северу, способствующий образованию летних засух в южных районах, зимних оттепелей. Причем с прекращением запусков «Шаттлов» засухи и оттепели в Европе ослабляются, с возобновлением усиливаются. Так получилось в прошлом году: не было летних запусков «Шаттлов» — не было и засухи на стыке Европы, Азии и Африки. В частности, на юге европейской территории Союза (ЕТС), что способствовало рекордному урожаю. Рассчитанные без учета запусков крупных КЛА долгосрочные прогнозы погоды не оправдываются, как «не состоялась», например, предполагавшаяся холодная для ЕТС и мягкая для большей части Северной Америки зима 1989—1990 годов. Для прогнозирования характера сезонов здесь необходим план-график крупнейших запусков во Флориде.

— Изучалось ли влияние на погоду запусков советских космических летательных аппаратов?

— В Союзе ракета «Энергия» — того же класса, что и ракетный комплекс «Шаттл», — запускалась пока дважды. Оба запуска сопровождались, по выражению метеорологов, «штурмами», то есть энергичными циклоническими процессами на больших территориях, очень похожими на то, что получалось при запусках «Шаттлов». Однако два события — это не статистика, к тому же запускались «Энергии» в пору резкой естественной смены погоды. Запуски основных наших ракет — тяжелых «Протонов» (стартовая масса около 600 тонн), среднего класса «Союзов» и их предшественников «Востоков» (около 300 тонн) — также сопровождаются изменениями погодных условий в относительно стабильных зонах влияния, конечно, более скромными, однако происходят они в важных сельскохозяйственных районах страны и часто неблагоприятны для урожая. В зоне влияния вслед за запусками с повышенной частотой происходят ливни и грады, по периферии — сильные ветры.

— Вы сказали, что вызванные запусками КЛА изменения в атмосфере в свою очередь влияют на кору Земли...

— По расчетной гипотезе, один из видов колебаний, провоцируемых запуском крупнейшего объекта, создает в земной коре напряжения, способные в местах их естественных концентраций спровоцировать землетрясения. Не будем вдаваться в теорию вопроса, достаточно полного варианта которой, кстати сказать, еще и нет. Рассмотрим частный результат наблюдений: проявившуюся связь множеств запусков крупнейших КЛА во Флориде и сильных землетрясений. Учитывались произведенные в сходных геофизических условиях запуски «Сатурнов-5» и «Спейс Шаттлов» с мыса Канаверал, перед которыми других таких запусков не было в течение минимум месяца. Учитывались также сильные и сильнейшие землетрясения в Северной Америке, в сейсмических районах Мексики, Калифорнии и Аляски. Для сейсмических наблюдений были выбраны месячные интервалы времени до и после запусков.

На рисунке приведены графики числа землетрясений в указанных трех сейсмических районах и суммарный график. Время отсчитывалось от начала суток, когда производились запуски. Контурными индексами обозначены сильные землетрясения, включенные в каталог землетрясений мира, сплошными — сильнейшие, выделяемые в каталоге специальной нумерацией. Первые — с магнитудой $M \geq 6$, вторые — с $M \geq 7$. Стрелкой направленной влево, отмечено единственное землетрясение, происшедшее в день пуска, но до пуска.

Как видно из графиков, восемнадцать сильных, в том числе пять сильнейших землетрясений в указанных сейсмических районах на выбранных двухмесячных интервалах времени произошли вслед за запусками, в течение месяца. Сильные землетрясения следовали за девятью запусками из одинна-

Район Мексики:

Район Калифорнии:

Район Аляски:

Сумма для трёх районов:

Графики количества сильных, в том числе сильнейших, землетрясений (контурные и сплошные индексы, соответственно) в трех сейсмических районах Северной Америки, построенные во времени, отсчитанном от начала суток, когда производились учитываемые весенние и осенние запуски крупнейших космических летательных аппаратов на мысе Канаверал во Флориде.

дцати учтенных, в двух случаях землетрясений не было,— вероятно, потому, что несколько более, чем за месяц до запусков, в регионе были сильные землетрясения, разрядившие напряженные участки коры. Как и предусматривалось гипотезой, следующие за запусками сильные землетрясения в зонах жестких и растяжений земной коры, в районах Калифорнии (кроме Центральной) и Аляски, происходили преимущественно — в шести случаях из семи — на первых полумесячных интервалах, отсчитанных от начала тех суток, в которые производились запуски. Сильные землетрясения в зонах сжатия, в горной части Мексики и в Центральной Калифорнии, в одиннадцати случаях из одиннадцати (соответственно, в девяти из девяти и в двух из двух) произошли на вторых полумесячных интервалах, также в согласии с гипотезой. Сильнейшие землетрясения, в среднем сопровождавшие почти каждый второй из запусков, сгруппировались не просто в указанных расчетом интервалах, но вблизи от расчетных же подынтервалов максимальной эффективности влияния, обозначив его своеобразную вершину.

Описанную связь множеств событий (подчеркнем: только множеств событий, но не их пар) при отсутствии их общей причины, например внешних синхронизирующих факторов, мы квалифицируем как причинно-следственную, установленную с высокой достоверностью. Действительно, простой анализ показывает весьма малую вероятность случайной группировки сильных землетрясений, учтенных в расчетах, на указанных полумесячных интервалах времени, соответствующих состоянию участков земной коры. Соответственно, высока достоверность вывода о закономерной, то есть причинно-следственной, связи множества сильных и подмножества сильнейших землетрясений с множеством предшествовавших им крупнейших запусков.

— С Америкой ясно. Но прежний вопрос: а как у нас? В частности, что вы можете сказать о землетрясении в Армении?

— Разумеется, проблема эта не только американская. И у нас запускаются крупнейшие ракетные комплексы, нам тоже нужна всесторонняя экологическая, в том числе сейсмическая, безопасность. То, что забота эта не праздная, видно из одного примера. На рисунке, на отметке +24 суток, расположен сплошной индекс, соответствующий землетрясению 1985 года в Мексике, происшедшему после двадцати трех суток вслед за очередным запуском «Шаттла». А рядом на отметке +23 суток изображен треугольный индекс, которым отмечено Спитакское землетрясение, возникшее после двадцати двух суток вслед за запуском в Байконуре «Бурана» ракетой-носителем «Энергия». Как видим, близкие по своим характеристикам ракеты были запущены в точках, примерно одинаково расположенных относительно мест землетрясений и с примерно одинаковыми упреждениями. Причем упреждения эти таковы, что оба землетрясения лежат в центре расчетного двухнедельного интервала времени.

Есть и другие общие признаки. Но опять же упорно обращаю ваше внимание, что все это — не доказательство причинно-следственной связи «пуск — землетрясение», а пока лишь вопрос для исследования. Причем весьма и весьма непростого, поскольку, как сейчас стало ясно, Спитакское землетрясение возникло на пересечении многих неблагоприятных обстоятельств, среди которых и астрономические, и нарушение естественного водообмена в районе Севана, и резкая смена погоды, следовательно и атмосферного давления, на больших территориях,— смена, подчеркнем, естественная, поскольку «Буран» был запущен перед наступавшим тогда с Запада мощным облачным фронтом.

— Не секрет, что космонавтика — дело, к сожалению, в основном военное, а в этой отрасли промышленности началась конверсия. Как здесь можно ускорить решение экологических проблем?

— Это очень широкий вопрос, я бы его в нашей беседе сузил до такого: с чего начать движение к экологической безопасности космонавтики?

Надо вести систематические исследования по установлению необходимых ограничений и применять уже полученные результаты.

Начать надо со «Спейс Шаттла» и «Энергии». Запуски «Шаттлов» наиболее сильно воздействуют на все оболочки Земли, от литосферы до слоев околоземного космического пространства. Сомнительно, чтобы конструктивными или иными изменениями «Шаттл» удалось сделать экологически безопасным в достаточной мере, значит, нужен мораторий на запуски двухтысячетонных ракетных комплексов.

Назрел запрет и на применение ракетных топлив, дающих особо токсичные выбросы. Нет никакого оправдания тому, чтобы ради увеличения тяги двигателей травить все живое на трассе полета и в местах падения ступеней. Ни С. П. Королев, ни В. П. Мишин, ни их последователи не прибегали к таким топливам, а их машины прекрасно летали и летают.

Заметно воздействуют на экологическую систему также запуски объектов меньших, чем «Шаттл», особенно со стартовой массой 600—800 тонн. Серии таких запусков, особенно с небольшими интервалами между ними,— опаснейшие эксперименты над природой.

Одним из первых шагов на пути к экологически безопасной космонавтике должно стать срезание вершин на графиках антропогенных подъемов экологических «неприятностей», выполнимое всего лишь за счет разумного планирования запусков с использованием данных исследования реакции среды на запуски.

Научная, да и не только научная общественность информирована о разносторонних негативных экологических последствиях космонавтики и о том, что есть возможность уменьшить эти последствия. Но они продолжают усугубляться. В чем же дело?

Отрасль и фирмы как в Союзе, так и за рубежом явно не способны обеспечить должную безопасность своей деятельности. Следовательно, необходима независимая от разработчиков и пользователей ракетно-космической техники экологическая экспертиза проектов и изделий этой техники, необходим коллективный оппонент разработчикам и эксплуатационникам, а также экологическая инспекция применения этой техники. Эти структуры должны быть государственными, в перспективе — международными, но ни в коем случае не фирменными или отраслевыми. Зависимый оппонент — не оппонент; контролер, живущий на накладные расходы от контролируемого производства,— не контролер, это мы уже проходили.

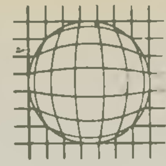
И в заключение — о соотношении интересов разработчиков ракетно-космической техники и исследователей экологических последствий ее применения. Сиюминутно вторые явно «мешают работать» первым. Однако глубинные их интересы совпадают. Совпадают интересы глобальные — общая природа.

Совпадают интересы и локальные — объективно в недалеком будущем смогут летать лишь экологически чистые машины; каждый экологически грязный запуск будет встречать сначала бурю протестов, а затем и разорительные иски. Незавидной станет участь владельцев и разработчиков техники, которую нельзя будет ни довести до кондиции, ни освоить опытной эксплуатацией. Поэтому исследователи обсуждаемых здесь проблем могут сказать проектировщикам и конструкторам: кто не с нами, тот против себя.

Космонавтика может и должна стать экологически безопасной, причем в ближайшем будущем.

Беседу вел И. ЧУТКО

ВО ВСЕМ МИРЕ

Еще раз о китах

О них так много написано, что каждое новое сообщение о выбрасывании исполинов на сушу воспринимается всего лишь как констатация очередного печального факта. Но по-

чему это все-таки время от времени происходит, точно ответить пока не может никто, хотя в предположениях недостатка нет.

Вот еще одно, опубликованное в американском журнале «Интернэшнл уайлдлайф». Как сообщает геобиолог Калифорнийского технологического института Джозеф Киршинк, анализ двухсот случаев выбрасывания китов на побережье Атлантики показал: большинство из них произошло там, где магнитное поле Земли слабое. В точках магнитных аномалий киты, обычно плавающие вдоль направлений магнитных линий, могут оказаться на берегу раньше, чем «осознают» происшедшее. Дело в том, что хотя магнитное поле Мирового океана ориентировано с севера на юг вдоль подводных горных хребтов, оно не всегда следует вдоль береговой линии.

Британцы и море

В Великобритании издан закон, запрещающий выбрасывать в море пластмассовые отходы — сети, рыболовную технику, упаковочные материалы. На расстоянии трех миль от побережья страны никто не имеет права выбросить что-либо из отходов, а до двенадцати миль — стекло, бумагу, бутылки и фарфоровые изделия, если они предварительно не истерты в порошок.

Нарушители должны будут заплатить штраф в сумме до двух тысяч фунтов стерлингов. Закон касается и всех судов в британских водах, а также всех английских кораблей, где бы они ни находились.

Грибы — наш экологический шанс

«Оберегайте грибы — они должны помочь нам в борьбе с загрязнением окружающей среды токсичными веществами!» Так звучит призыв тысячи шестисот ученых из шестидесяти стран, участвовавших в конгрессе по микологии в немецком городе Ревенсбурге. На заседаниях было отмечено, что в будущем грибы должны играть все более важную роль в процессе естественного освобождения окружающей среды от радиоактивных и ядовитых веществ. По мнению микологов, эти «природные пылесосы» всасывают токсины из почвы гораздо сильнее растений и бактерий.

Не исключено, что выращивание грибов с такой чисто экологической целью окажется одной из спасительных для людей очищающих «технологий будущего». Только вот неясно, куда вытряхивать эти «природные пылесосы»?

Астероид-убийца

Столкновение нашей планеты в прошлом с большим астероидом в значительной степени может объяснить задержку при возникновении на ней жизни.

Как показали подсчеты группы американских ученых под руководством геофизика из Стэнфордского университета Нормана Слипа, подобная встреча с космическим пришельцем диаметром 420 километров и скоростью около 6000 километров в секунду способна была привести к выделению такого количества тепла, что испарился бы весь Мировой океан, а земная атмосфера наполнилась горячим водяным паром. Это стало бы непреодолимой преградой на пути возникновения жизни. Согласно одной гипотезе, такое объяснение дает ответ на вопрос, который давно волнует ученых,— почему, согласно большинству оценок, наша планета образовалась около четырех с половиной миллиардов лет назад, а жизнь на ней возникла лишь 700 миллионов лет спустя?

«Колумбус-500»

В 1992 году исполняется 500 лет с того дня, когда каравеллы Колумба достигли берегов Америки, открыв новую эпоху «слияния» цивилизаций Старого и Нового Света. И наша планета готовится торжественно отметить это событие, организовав под эгидой ЮНЕСКО евро-атлантическую эстафету мира и природы «Колумбус-500» на гребно-парусных судах оригинальной конструкции. Эстафета, участниками которой станет около девяноста стран, уже взяла старт в Норвегии. Первый этап эстафеты пройден норвежским экипажем на древнем парусном судне «Паулина». Сейчас эстафету принял экипаж советского судна оригинальной конструкции — полимарана, изобретенного московским кибернетиком Робертом Ряйккененом. Это судно пройдет от Одессы до испанского города Кадиса, и его экипаж примет участие в праздновании «Дня испанского духа» в октябре этого года. А затем все участники повторят путь каравелл Колумба и в 1992 году прибудут в Америку.

В эстафете, осуществляемой под девизом «Соединение прошлого с будущим, консолидация прогрессивных сил планеты», предусмотрена обширная научная программа. На многочисленных научных семинарах и конференциях будут рассматриваться глобальные проблемы, касающиеся выживания и устойчивого развития всех народов, населяющих нашу планету,— климат, энергетические ресурсы, безопасность, продовольствие, здоровье и другие.

Рисунки Л. Лион, С. Расторгуева.

Искусство, исцели человека!

РАЗМЫШЛЕНИЯ В КИНОЗАЛЕ

Насколько властны мы над своими эмоциями? Способны ли вызывать их по собственному желанию? Именно на этом принципе основана «гимнастика эмоций» Алексея Васильевича Бояршинова, о которой наш журнал уже рассказывал («Итак, мы начинаем...», 1983 год, № 10).

Сегодня целительная гимнастика существует уже в киноварианте. И все, кому удалось посмотреть вышедший недавно фильм «Театр катарсиса — для здоровья», убедились в счастливой возможности обрести с его помощью «второе дыхание» и вкус к жизни, так необходимые в наше смутное и лихое время, породившее не просто душевный дискомфорт, но глубокую внутреннюю усталость.

Каких только путей совершенствования не изобрело человечество — религиозные учения, научное творчество, йога, спорт, голодание, диеты, аутотренинг!.. Бояршинов, в прошлом актер, убежден: мы недостаточно используем еще один путь — магию искусства, способность вызывать, помимо эмоциональной, грандиозную физиологическую перестройку, меняя уровень гормонов, кровяного давления, ритм дыхания, провозглашенного некогда «царем лекарств»... В этом смысле большой актер — своего рода экстрасенс и психотерапевт для миллионов.

Кто не испытывал благословенного очистительного огня катарсиса, столь ценимого еще древними греками! Жаль, что готовиться к этой кульминации приходится долго и исподволь, а длится она считанные минуты. Закрываешь дверь театрального подъезда, и чувство окрыленности стирается привычными эмоциями. Как ни стремимся мы остановить прекрасное мгновенье, удается это разве что на фотографии. Иной соблазн — научиться вспоминать и вновь переживать вспышки озарения уже вне драматических коллизий, прямо у себя дома, на улице, словом, где и когда угодно. Именно такие навыки вырабатываются на спектаклях-тренировках в «Театре катарсиса — для здоровья».

Единственный актер этого театра, Алексей Васильевич Бояршинов, рискнул «поверить гармонию алгеброй», расчленив сложный процесс катарсиса на отдельные эмоциональные состояния и отобрав из них те, что несут колоссальный заряд здоровья. Ведь ни для кого не секрет, что самочувствие во многом определяется хорошим или дурным расположением духа. Это подтверждает известный английский нейрофизиолог Чарлз Шеррингтон: эмоциональное переживание возникает первым, а за ним уже следуют вегетативно-соматические сдвиги...

На экране — Егор Трубников в фильме «Председатель», тронутый доверием земляков, едва сдерживает слезы радости... Райкин, взрывающий зал смехом... Пеле с широко открытым ртом и воздетыми к небу руками после забитого им гола... И зрители, чье состояние меняется буквально на глазах. Опять в кадре те же слезы радости, то же ликование, но на этот раз не по наитию, а вполне намеренно и осознанно,— идет тренировка под руководством Бояршинова. Эмоции тут передаются уже не в контексте спектакля или футбольного матча, а напрямую, голосом тренера. Мимические упражнения усиливают их, физически закрепляют. И вот что важно: не в пример театральной публике или спортивным болельщикам внимание тренирующихся направлено не к перипетиям действа, а исключительно внутрь себя, на психофизиологическую перестройку, что сама становится объектом тренировки. Одно состояние осознанного сопереживания сменяется другим, замыкая весь круговорот элементов катарсиса — семь образных блоков, воссоздающих, подобно семи простейшим нотам, сложную симфонию здоровья.

Есть в фильме кадры с выступлениями Гитлера, Муссолини и с восторгом внимающей им толпой. Здесь уместно, пожалуй, вспомнить о двух стратегиях жизнедеятельности человека — творческой, созидательной и агрессивно-защитной, как бы страховочной, для самосохранения и выживания в экстремальных условиях. Но вот что любопытно: в высокой концентрации обе способны вызывать сопереживание. К несчастью, в последнее время все чаще возникают опасения, как бы созидательная доминанта не уступила место агрессивно-защитному началу. В этом смысле у «Театра катарсиса» особая миссия — он демонстрирует практический путь, помогающий укрепить в себе именно созидательное мироощущение и пользоваться им в своей деятельности.

К какому жанру отнести этот фильм — учебному, документальному, научно-популярному? Скорее, фильм психотерапевтический, ибо цель его — научить поддерживать гармонию души и переводить организм на качественно иную ступень саморегуляции, словом, дарить радость и здоровье.

Пользуясь разработанной системой тренировок, можно создать специальные программы для педагогов, врачей, актеров, детей... Творческое объединение «Осознанное сопереживание» под руководством А. В. Бояршинова приглашает к сотрудничеству всех, кто заинтересован в развитии таких программ. Желающие же приобрести кино- или видеокопию фильма для самостоятельных занятий «гимнастикой души» дома, на работе, в Домах культуры, санаториях или пансионатах, также могут обратиться по адресу: 103051, Москва, абонентный ящик 275. Творческое объединение «Осознанное сопереживание».

Н. Федотова

ПРОБЛЕМА:
ИССЛЕДОВАНИЯ
И РАЗДУМЬЯ

Его придумали в XVIII веке, чтобы объяснить, почему планета летит по эллипсу, а не по овалу. В XIX веке он стал отцом всех законов сохранения в физике. В наш век он правит превращениями элементарных частиц, интересуется мутациями дрозофилы и, кажется, вмешивается в биографии народов. Что за необычное сочетание интересов? Как зовут этого незнакомца? Об этом — статья Сергея Смирнова.

Ф. Инфантэ-Арана, из серии «Спирали», 1965 год.

С. Смирнов

Незнакомец по имени Действие

Все началось просто: Эйлер и Мопертюи открыли новый закон природы, и никто этому не удивился. Шел XVIII век, а Европе торжествовало Просвещение, расцветали естественные науки, и тезис Галилея о том, что «природа говорит с нами на языке математики», овладел ученейшими умами эпохи. Со времен Ньютона, совсем еще недавних (старый гений умер в 1727 году), натуралистам было ясно: главное, что происходит в природе, это движения тел. Ясно было, и почему происходят движения, — под действием сил, с которыми тела влияют друг на друга.

Не вполне понятными оставались два момента: как должны двигаться тела под влиянием известных сил и откуда берутся сами силы. Но последний вопрос — о природе сил — был мало популярен: все помнили, что и сам Ньютон не достиг здесь заметных успехов, несмотря на долгие усилия. Зато расшифровка законов конкретных движений, например видимого движения Луны, их вывод из известной информации о силах, влияющих на тело, считались самыми достойными занятиями натуралистов. По ходу дела приходилось все глубже окунаться в бездны математического анализа, вылавливая все более сильные и общие методы составления и решения все более сложных уравнений. Леонард Эйлер был бесспорным чемпионом в этом виде «рыболовства».

Уроженец Швейцарии, воспитанник прославленного клана математиков Бернулли, он провел молодость в Петербурге, у колыбели Российской Академии наук. Здесь он написал первый в мире учебник теоретической механики, отсюда устремился поток его бесчисленных идей, методов и результатов, заполнив на полвека ученые труды ведущих научных обществ Европы. Здесь Эйлер задумался и над главным вопросом теоретической физики своего времени: существует ли общий математический принцип, выделяющий немногочисленные наблюдаемые траектории движения физических тел из огромиого множества воображимых траекторий?

Опыт науки подсказывал, что такой принцип должен быть как-то связан с силами; все-таки именно ансамбль сил, алияющих на тело, выделяет единственную траекторию его реальиого движения из невидимого множества мыслимых путей от старта к финишу. Но как происходит этот выбор? Какой математический аппарат нужен для его описания?

Ответ пришел к Эйлеру не скоро, вдали от Петербурга — в Берлине, при дворе Фридриха Прусского, ярого милитариста и утонченного ценителя искусств и наук. Здесь суховатый замкнутый швейцарец неожиданно подружился с Пьером Мопертюи, блестящим французским аристократом, президентом Берлинской академии, человеком на редкость дерзкой интуиции и широкого научного кругозора. Астроном и геодезист, механик и натурфилософ, не чуждый поэзии, маркиз Мопертюи давно размышлял о природе движения тел и имел ряд интересных соображений на сей счет. Но сформулировать их на четком математическом языке Мопертюи не мог, не хватало самой математики.

Тут пригодилась титаническая мощь Эйлера: взглянув на проблему «свежим марсианским взглядом», он создал вариационное исчисление, то есть математический анализ функций, зависящих от бесконечного числа переменных. В новых «бесконечномерных пространствах» удалось определить производную и интеграл, находить максимум и минимум функций, изучать их графики... Техника дела оказалась не так уж нова, многое в ней предугадал еще Ньютон. Революционным был сам подход: рассматривать вместо «обычного» пространства, где движутся точки, бесконечномерное «фазовое» пространство, «точки» которого суть сами движения тел, нх возможные траектории. Пожалуй, физической дерзости в таком решении еще больше, чем математической смелости.

В итоге проблема выбора траекторий реального движения тел свелась к поиску «особых» точек в фазовом пространстве движений, а этот поиск оказался привычной уже «задачей на минимум». Точнее, была построена специальная функция на фазовом пространстве, точки минимума которой соответствуют траекториям реального движения тел, будь то парабола, по которой летит пуля на Луне, или окружность, по которой движется сама Луиа вокруг Земли, или винтовая линия полета заряженной частицы в магнитном поле.

Сама функция «в малом» выглядит как произведение силы на путь, и Мопертюи назвал ее действием, имея в виду суммарное действие всех сил на тело вдоль пройденного им пути. В результате угаданный Мопертюи закон природы свелся к утверждению: «Природа — лентяйка; она движет тела так, чтобы совершать при этом наименьшее действие».

Идея, как видим, далеко не оригинальная: заслуга Эйлера и Мопертюи в том, что они придали туманному термину «действие» строгий смысл (произведение силы на путь) и выяснили математическую суть «принципа природной лени». Сам Эйлер, несомненно, возразил бы против столь вульгарного выражения, и не только по соображениям эстетики; ведь он заметил, что созданный им математический аппарат в равной мере допускает «минимальные» и «максимальные» решения.

В таком случае новооткрытый закон следовало бы назвать не «принципом миимального действия», а

«принципом экстремального действия»... Но никто из физиков той поры не наблюдал случаев, когда камень или планета вдруг полетели бы по иной траектории, чем «минимальная». Вот почему оговорки Эйлера восприняли как обычную перестраховку чистого математика. А зря: если «природа говорит с нами на языке математики», то причуды математика, возможно, выражают чудеса самой природы.

...Приходят слова и уходят слова,
За правдою правда вступает в права.

Эти слова хорошо выражают суть любой научной революции, в том числе переворота в физике, совершившегося в XIX веке. Понятие «сила» отошло на второй план, а на физическом троне воцарилась энергия в двух главных ипостасях — кинетической и потенциальной. Закон сохранения полной энергии в замкнутых системах поразил воображение физиков и возглавил дружину своих родичей — законы сохранения импульса, момента импульса и т. п. Правда, движение тел оставалось по-прежнему основным понятием, но «объем» самого понятия резко возрос: сюда вошли и химические реакции, и электрический ток, и радиоволны, и многое другое. Изменился и смысл термина «движение». Прежде физики понимали его только как изменение со временем координат и скоростей тел в пространстве. Теперь движением стали называть любой процесс расхода или накопления энергии в физических системах, а также процессы перехода энергии из одной ее формы в другую.

Смысл действия тоже изменился — оно оказалось сводным братом царственной энергии. Выяснилось, что принцип наименьшего действия регулирует процесс ее *перехода* из одной формы в другую. Этот факт можно записать краткой формулой, а можно объяснить и словесно. В замкнутой системе (вроде атома или часов с маятником) полная энергия сохраняется; значит, что бы ни случилось, это лишь переход кинетической энергии в потенциальную или обратно. И происходит он только по такой траектории, на которой действие принимает наименьшее значение. Следовательно, «извечная лень природы» состоит в том, что она упорно избегает переводить кинетическую энергию в потенциальную или обратно.

$$S = \int_{t_0}^{t_1} (T - u)\, dt$$

потенциальная энергия

кинетическая энергия

Стоит вспомнить, что потенциальная энергия любой системы воплощена в ее внутренних связях, которые образно называют «силовыми полями». В атоме это электромагнитное поле, связывающее заряды ядра и электронов, в Солнечной системе — поле тяготения и т. п. Связи скрепляют систему, составляют ее структуру. Например, ядро атома ведет себя (а значит, и устроено) сложнее, чем сам атом, поэтому и нельзя ограничиться одним видом силового поля (электромагнитным) при описании процессов в ядре, а надо использовать еще поля «сильных» и «слабых» взаимодействий.

Разнообразие таких взаимодействий в системе (или, если угодно, разнообразие «цветов» ее силовых полей) характеризует ее сложность. Принцип же наименьшего действия следит, чтобы в ходе движения системы эта сложность «в среднем» не возрастала; то есть она может возрасти, но ненадолго, а потом должна обязательно теряться. Например, ядро атома почти все время ведет себя так, будто оно окрашено одним цветом — сильного взаимодействия нуклонов (когда они обмениваются виртуальными пи-мезонами); только при распаде ядра (когда оно что-то излучает) на мгновение проглядывают два других цвета — слабого и электромагнитного взаимодействия.

Итак, роль принципа наименьшего действия в замкнутых системах проста и догматична: он следит, чтобы система не развивалась. Вот она и не развивается. Тот же атом, что он может? Излучить, поглотить элементарную частицу и еще что-то в том же духе. Но превратиться в нечто качественно более сложное (хотя бы в двухатомную молекулу) не получится даже у самого массивного и горячего атома. Такова контролирующая власть грозного принципа, открытого Эйлером и Мопертюи в середине XVIII века.

И все же развитие физических систем происходит. Все слышали о тех давних временах, когда на Земле не было биосферы, а прежде не было даже Солнечной системы, а еще раньше не было самих атомов, только однородный горячий газ из элементарных частиц... Из такого хаоса родился нынешний порядок, и, очевидно, принцип наименьшего действия не помешал этому. Как же природе удалось «откупиться» от него? На столь каверзный вопрос физики отвечают просто: ценою остывания.

Известно, что полноценной замкнутой системой можно считать разве что всю необозримую Вселенную, да и то с оговоркой. А человек, дерево, лес, Солнце, Галактика — все они не замкнуты хотя бы потому, что им есть куда сбросить часть своей кинетической энергии. Излучая ее, физическая система остывает и нередко становится более упорядоченной. «Голое» атомное ядро окружает себя «шубой» из электронов, превращаясь в настоящий атом; атомы соединяются в молекулы, молекулы группируются в кристаллы и так далее. А принцип наименьшего действия диктует самый экономный путь такого остывания, упорядочения. Путь к однозначно предсказуемой цели...

(точка экстремального действия) холм

ямы (точки минимального действия)

Даже простейшая из функций — многочлен — имеет несколько точек минимума («ямок») и максимума («холмов») на своем графике.

Стоп! А всегда ли она однозначно предсказуема? Даже в случае кристаллизации простого химического вещества: газообразный углерод может превратиться в графит или в алмаз, пирит и флюорит могут принять форму куба или октаэдра... А уж эволюция объектов биосферы и вовсе не поддается предсказанию. Например, похоже, что «обычные» (плацентарные) млекопитающие могли совсем не возникнуть на Земле; тогда «царями природы», видимо, стали бы сумчатые, включая сумчатых приматов и, возможно, сумчатых гоминидов.

Интересно, что сказали бы по поводу такой ереси титаны-основоположники? Эйлер, наверное, отказался бы обсуждать «околонаучные домыслы профанов». А вот Мопертюи, несомненно, увлекся бы оригинальной темой и напомнил бы нам, что даже простейшая из функций — многочлен — имеет несколько разных точек минимума, «ямок» на своем графике. Расположенные на разной высоте, они, видимо, изображают разные варианты «естественного» развития природной системы, а высоты (или глубины) этих ямок, возможно, отражают вероятности развития системы по той или иной траектории...

Услыхав такие речи своего ученейшего друга, скорее всего, не сдержался бы и Эйлер. Ведь действие — функция от очень многих переменных! Среди «критических» точек такой функции (в которых график имеет горизонтальную касательную) непременно есть не только минимумы («ямки») и максимумы («холмики»), но также седла («перевалы») разного индекса. И если разные ямки изображают траектории устойчивого движения физической системы, то седла, видимо, изображают ее неустойчивые состояния — переходы (или «перескоки») из одного устойчивого режима в другой. Конечно, наблюдать неустойчивые режимы сложнее, чем устойчивые, но они не менее интересны и еще более важны для естествоиспытателя, который хочет понять связи между разными вариантами развития природной системы. Не поняв этих связей, нечего и думать о прогнозе развития.

С этим трудно спорить; но еще труднее оказалось наблюдать поведение физической системы в момент ее «перескока» из одного устойчивого режима движения в другой, тоже устойчивый. Соответствующий опыт поставили только в начале нашего века, а осмыслили еще позже, в семидесятые годы, когда странные аттракторы прочно вошли в эксперимен-

В опытах с этим прибором впервые возникло представление о странном аттракторе.

Действие — функция от многих переменных. Усложнение внешней среды увеличивает число переменных. В нашем случае плоская кривая расширилась до поверхности в пространстве.

Эта кривая — в вертикальной плоскости

Холм

Сёдла

касательные плоскости

Размерность увеличилась на 1
холм остался холмом —
но бывшие ямы (на кривой)
стали сёдлами (на поверхности)

Рисунки Ю. Сарафановой

тальную и теоретическую физику.

Опыт был на удивление прост: кольцевую стеклянную трубку наполнили водой, поставили вертикально и начали подогревать ее снизу. Горячая вода легче холодной, она поднимается вверх, там остывает и вновь опускается, совершая в трубке полный оборот. Это движение устойчиво, его энергетический смысл ясен: потенциальная энергия внешней среды (то есть разность температур воздуха, окружающего нижнюю и верхнюю части трубки) переходит в кинетическую энергию вращения воды, а она затем рассеивается, превращаясь в тепло за счет трения воды о стенки трубки.

Все было просто, пока экспериментатор не увеличил нагрев трубки. Не очень сильно — вода не закипела, трубку не разорвало. Но направление вращения воды в трубке стало меняться часто и хаотически. Несколько секунд вращения в одну сторону, затем непонятный хаос, и вдруг вращение восстанавливается, но в противоположную сторону! Такие переходы происходят многократно, без видимого порядка, и конца этому не видно.

Вот они, реальные, работающие седла на графике действия! Два седла действия перебрасывают друг другу траекторию реального движения воды в трубке, как два игрока — теннисный мяч. За счет этого перебрасывания оба седла образуют систему наподобие двухатомной молекулы или ядра дейтерия, где протон и нейтрон сосуществуют благодаря непрерывному обмену виртуальными мезонами...

Вдумаемся в то чудо, которое мы ненароком наблюдали в трубке с водой: усложнение поведения системы (и, значит, усложнение ее структуры) произошло *при нагреве* этой системы, а не при ее остывании, к чему мы привыкли на множестве примеров — замерзание водяного пара в снежинки, конденсация электронно-ионной плазмы в атомы и т. п. Неужели закон природы вывернулся наизнанку в таком несложном опыте? Конечно, нет. Просто мы, сами того не заметив, перешли от рассмотрения замкнутых физических систем, вроде пара, плазмы и т. п., к *открытым* системам — таким, которые поглощают энергию извне, излучают ее наружу в разных формах, включая механическую работу, и за это прозваны тепловыми машинами. Наша трубка с водой стала тепловой машиной в тот момент, когда мы начали нагревать ее с одного края, а другому краю позволили остывать. Поэтому нечего удивляться нарушению старого правила: «усложнение структуры происходит только при остывании», ведь оно относится только к замкнутым системам.

Физика же открытых систем подчиняется ряду новых законов, и все потому, что поведение открытой системы качественно богаче, чем поведение ее замкнутой тезки. Если важнейшей характеристикой замкнутой системы была ее полная энергия, то для открытой системы еще важнее становится *баланс* притока энергии извне и ее оттока наружу. Открытая система способна проявлять некоторую устойчивость в нестабильном мире лишь потому, что поддерживает свой баланс энергии за счет специальных актов: одни из них направлены на поглощение энергии извне, другие — на ее излучение наружу. Когда баланс потока энергии изменяется, открытая система реагирует каким-то изменением ансамбля своих функций: либо она срочно «отращивает» новую функцию (для добычи недостающей или отвода лишней энергии), либо столь же срочно «атрофирует» одну из своих функций с той же целью.

Но любое изменение ансамбля функций системы обязательно означает изменение ее структуры. Поэтому структура открытой системы претерпевает изменения гораздо чаще, а сами эти изменения оказываются гораздо разнообразнее, чем у замкнутых систем. Чехарду изменений принято называть адаптацией, и, конечно, она подчиняется принципу экстремального действия...

Но в чем теперь его роль? Если открытая система адаптируется, сиречь, мечется между прочими своими устойчивыми и неустойчивыми траекториями, то какой порядок можно навести в этой чехарде?

Стоит выйти за пределы знакомой физической лаборатории и поговорить с настоящими специалистами по адаптации — с биологами, — как нас просветят:

А. Не надо путать «чехарду» адаптации с упорядоченной *эволюцией*, хотя бы потому, что у них разные объекты: суетятся организмы, а закономерно эволюционируют виды, роды, семейства и прочие высшие таксоны.

В. Если и стоит применять принцип экстремального действия к чему-то в биологии, то прежде всего к эволюции видов и прочих таксонов. Там виден порядок — значит, можно понять, кто и как его наводит.

Такой холодный душ обрушивают на нас биологи. Но мало того, следует крепкий подзатыльник от физиков-теоретиков:

В. Если ваша «эволюция» включает качественные изменения в структуре систем, то не воображайте, будто при этом сохранится наше уважаемое действие! Сама формула действия выражает его через энергию, а изменение структуры физической системы означает изменение формулы ее потенциальной энергии. Так что с нею вместе изменится и формула действия.

Вот это встряска! Похоже, что придется менять наши представления о физических системах и их предполагаемой эволюции... Нам казалось, что систему определяет ее структура, то есть график функции действия (и, конечно, координаты, в которых он нарисован). А поведение системы изображается набором «критических» точек на этом графике — ям, седел и холмов. Причем некоторые из этих точек (во всяком случае, седла) взаимодействуют между собою, перебрасывая друг другу траекторию реального движения системы, — подобно тому, как два атома, входящие в молекулу водорода, перебрасываются общей парой электронов. В итоге нам казалось, что открытая система ведет себя, как «молекула», вписанная в график функции от многих переменных. Что останется от столь наглядной картины в новых условиях?

Пожалуй, все останется. Иным будет лишь представление об эволюции физической системы: прежде мы думали, что при этом изменяется только молекула, а график сохраняется прежним. Но оказалось, что меняется и сам график, причем довольно просто: уменьшается или увеличивается множество тех переменных, от которых зависит действие, а значит, наш график либо «сужается путем вырезания», либо «расширяется». Например, была поверхность над плоскостью, а осталась только кривая над одной из прямых в этой плоскости; или, наоборот, обнаруживаются ранее не заметные переменные, так что бывшая кривая оказывается частью новой поверхности или бывшая поверхность — частью чего-то еще большего, трехмерного и трудно вообразимого для нематематиков.

Таким получается новый портрет эволюции физических систем. По сути, это чередование событий двух родов. События первого рода — качественные скачки (а на языке теоретической физики — спонтанные нарушения симметрии) — изменяют число переменных, от которых зависит действие нашей системы. В итоге качественно меняется график действия. Если продолжить наивное сравнение, то меняется среда обитания той «молекулы», «атомами» которой являются все наблюдаемые режимы движения системы — устойчивые и неустойчивые.

События второго рода — это реакция нашей «молекулы» на спонтанные изменения среды ее обитания. Мы видели в примере с кольцевой трубкой, как два новорожденных седла вступили в обменное взаимодействие. Конечно, для более сложных систем самоорганизация «молекул» будет происходить сложнее: такую бурную самоорганизацию мы и называем адаптацией, она и ведет к эволюции...

Впрочем, где это видно в описанной модели, что адаптация ведет к эволюции? Пока наш портрет эволюции выглядит простым чередованием катастроф и адаптаций. Причем первые влияют на вторые, но обратного влияния нет... Или мы его не замечаем? Видимо, все-таки не замечаем. Наверняка оба партнера — и «молекула», и график ее действия — ведут активный диалог; нам надлежит лишь услышать и понять их речи.

Голос графика действия мы услышали первым: говорит он ясным геометрическим языком. Что заставляет его говорить, показал опыт с кольцевой трубкой: график остро реагирует на изменения потока энергии сквозь нашу открытую систему. Конечно, у графика есть «порог реакции», он не замечает малых колебаний потока энергии, но как только те превосходят предел его терпения, он реагирует быстро и необратимо.

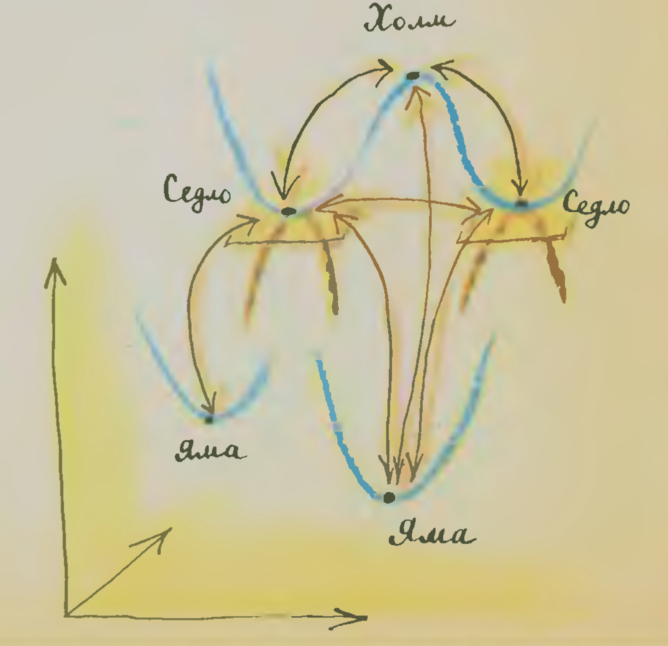
Вслушаемся теперь в более тихий голос «молекулы», вписанной в график. Конечно, он звучал и раньше, но мы не различали в нем повелительных интонаций, а они были, и график их отлично понимал. Вспомним, например, что произошло, когда нагрев кольцевой трубки с водой прекратился и график вновь сузился от поверхности до кривой на ней. Ведь эта кривая прошла через оба атома «молекулы» и даже через кратчайший отрезок между ними на прежнем графике. Очевидно, вдоль этого отрезка шел диалог атомов, и «молекула» запретила графику нарушать их беседу...

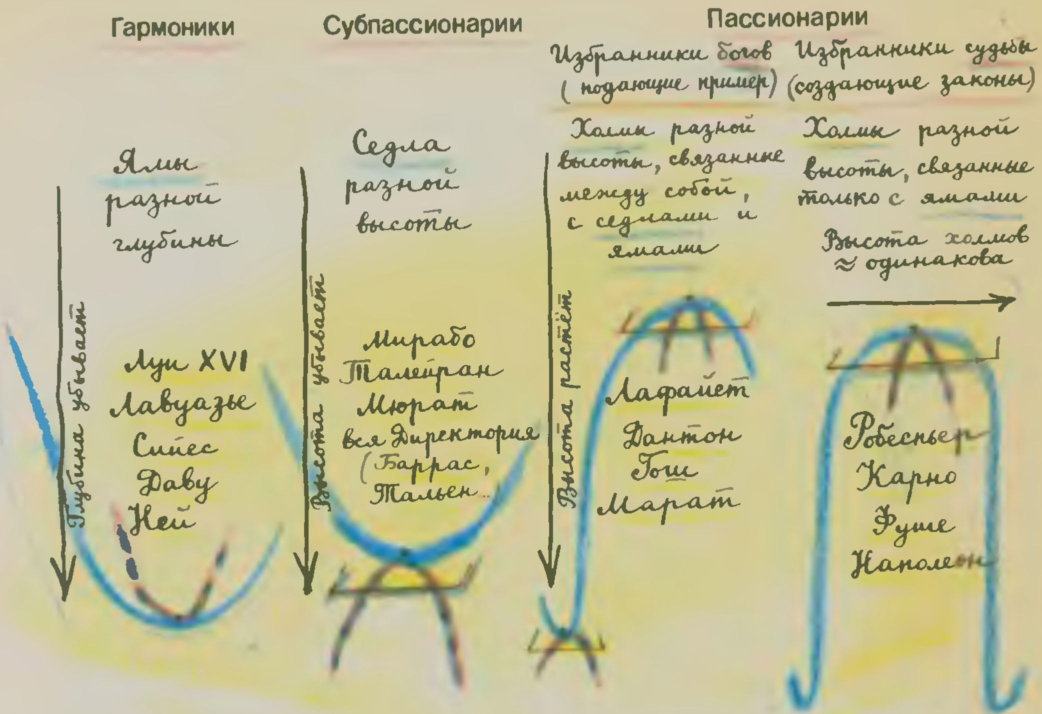
Так график уважает законные права своей партнерши — «молекулы». А уважает ли он ее капризы? Например, если «молекула» вдруг отрастит себе еще несколько атомов? (Конечно, не произвольно, а в тех критических точках графика, которые прежде не были заняты наблюдаемыми траекториями нашей открытой системы.) Видимо, и в этом случае любое изменение графика должно будет сохранять все атомы «молекулы», не мешать их дискуссиям вдоль всех кратчайших путей внутри «молекулы»... Такова жизнь: воплощенный каприз становится законным времяпровождением и подлежит защите закона!

Но теперь возникает новый вопрос. А бывают ли капризы у «молекулы»? Где мы можем их наблюдать? Старая добрая кольцевая трубка с водой, увы, слишком проста для такого эксперимента. Нужна открытая система посложнее, чтобы и седел на графике ее действия было побольше, и холмы встречались бы на нем. Разумеется, такая природная система должна быть легко наблюдаемой, иначе эксперимент не состоится.

Может, нам снова стоит обратиться к специалистам по адаптации — биологам? К сожалению, темп биоэволюции несоизмерим со сроком жизни людей-наблюдателей. Каменная же летопись слишком разрозненна: полнота в

Поведение системы изображается набором «критических» точек на графике действия. Атомы в молекуле воды перебрасываются электронами, а идеальные траектории экстремального действия (холмы, седла, ямы) перебрасываются неустойчивыми траекториями реального действия.

Деятели французской революции были очень разные. Чтобы различить их, мало поставить локальный диагноз (холм — пассионарий, седло — субпассионарий, яма — гармоник). Надо еще отличить Избранника богов (вождя людей, подающего примеры) от Избранника судьбы (творца Законов) — а для этого проследить, с кем взаимодействует этот холм: только с ***ямами*** *(законодатель) или также с* ***седлами?***

С. Смирнов. Незнакомец по имени Действие

ней достигается разве что на высоком уровне семейств, с которого вся микроэволюция выглядит беспорядочным копошением...

Что ж, если биосфера — слишком крепкий орешек для нас, не выручит ли ее младшая сестра — ноосфера? В ней срок революционных вспышек измеряется годами, а биографии народов — веками, так что историк может обозреть их от начала до конца, во всех подробностях. Издавна были попытки моделировать этот процесс: Геродот описывал судьбы народов, Фукидид — судьбы политических партий. В XX веке на смену описательным моделям пришли динамические модели Тойнби и Гумилева. Кажется, они лишь чуть-чуть не дотягивают до уровня современной экспериментальной физики — не отсюда ли их неожиданная популярность в естественнонаучных кругах?

Итак, рассмотрим модель этногенеза по Гумилеву; она удобна своей сравнительной простотой и тем фактом, что автор проделал большую часть необходимой работы с первичными понятиями. В модели явно присутствует действие (именуемое «пассионарностью»), рассмотрены его ямы, седла и холмы (именуемые, соответственно, гармониками, субпассионариями и пассионариями) и изучены, в первом приближении, диалоги между разными атомами нашей «молекулы» (сиречь, консорция или этноса). Они описаны Л. Н. Гумилевым в терминах поведенческих императивов, преобладающих в разных возрастах народа. Наконец, модель отлажена автором при разборе биографий нескольких десятков народов — от римлян до великороссов, от моиголов до англичан.

Не забудем, что нас волнуют сейчас несколько иные вопросы, чем Л. Н. Гумилева. Мы хотим знать: в каких условиях «молекула» начинает капризничать, отращивая новые атомы? Чем различаются диалоги между атомами разных сортов — между двумя седлами, или между седлом и холмом, или между холмом и ямой? Наконец, какой след остается от исчезнувших холмов и седел после того, как вспышка рождения минует и опять видны лишь траектории наименьшего действия?

Начнем по порядку. Изыскания Л. Н. Гумилева показали, что никакие медленные (или плавные?) изменения в среде обитания этноса не вызывают в нем «пассионарных вспышек»; разве что проявится на графике действия группа седел-субпассионариеа (если идет медленный «разогрев» социальной системы, как, на[illegible] в эпоху НТР). На[illegible] ки [illegible]ности социума (то есть эпохи великих бедствий и великих надежд) неизбежно пробуждают не только множество субпассионариев, но и заметное число пассионариев — тех самых холмов на графике действия, которые мы не смогли заметить в предыдущих опытах.

Приглядимся теперь к разным формам диалога между пассионариями, субпассионариями и гармониками. С первыми все ясно: они обмениваются социальными ролями. Их сборище — «консорций» — думает, как одна голова, и ударяет, как одна рука, повинуясь общему императиву: «Честь сильнее смерти!»

Немного сложнее с гармониками, их императив — «Всяк сверчок знай свой шесток». Его, казалось бы, нелегко связать с настроем пассионариев... Нет, не так уж трудно: ведь гармоники готовы принять от удачливых пассионариев указания, *какой* шесток им надлежит знать. Раз приняв этот диктат, коллектив гармоников хранит его долго — пока и поскольку он сам не распадется в результате спонтанного нарушения своей адаптации к внешней среде. Таков долговременный след недолговечного консорция пассионариев и гармоников — он выражается в обычаях этноса и фиксируется в его культуре.

Перейдем к субпассионариям с их императивом «Рыба ищет, где глубже, человек — где лучше». Они готовы *следовать* любому *выгодному* стереотипу поведения, но не могут хранить ему верность. Такую ненадежную публику пассионарии вынуждены контролировать иным путем — не через обычаи, а через учреждения. Последние состоят из людей (в основном — гармоников) и способны *заставить* того, кто не способен соблюдать обычай по доброй воле. Что ж, это тоже эффективный способ выживания этноса, но лишь до определенной поры. Она наступает, когда пассионарии редеют настолько, что субпассионарии могут просочиться внутрь учреждений... Тогда одним гармоникам, без помощи пассионариев, не по силам погасить «субпассионарную вспышку».

Вот и сгнивает в считанные десятилетия то, что стояло века, оформившись в считанные годы... Так сгнил при Иване Грозном несложный государственный аппарат Московской Руси, источенный опричниками, а прежде отлитый пассионариями из дружины Невского и спокойно принятый «черным людом» Москвы. Учреждения сгнили, но обычаи сохранились, иначе не было бы возрождения России в огне Смутного времени!

Конечно, в описанных ситуациях есть много нюансов и оттенков, но они не меняют существа дела — факт спонтанной кристаллизации множества разных пассионариев и гармоников в консорций, который за недолгий срок жизни успевает породить в своем социуме новые обычаи и учреждения.

За последние двадцать лет физики-теоретики придумали понятийный аппарат, подходящий для описания (и даже для расчета) подобных явлений в мире элементарных частиц. Речь идет о конденсатах разного рода: глюонных, глюонно-кварковых, хиггсонных и т. п. С их помощью удалось наконец рассчитать массы многих «сильно взаимодействующих» частиц: протона, нейтрона, мезонов. Похоже, что данный подход позволяет разобраться и в более глубоких проблемах: отчего некоторые частицы (лептоны) не участвуют в сильных взаимодействиях; почему одни лептоны имеют массу покоя и электрические заряд, а другим (нейтрино) такого не дано; наконец, почему частицы имеют разный спин, то есть разную «внутреннюю симметрию».

Напомним, что новомодный язык теоретической физики и самых абстрактных областей математики (алгебраической геометрии и топологии) создавался с одной целью — описать нынешнее положение вещей в зоопарке элементарных частиц (и их взаимодействий), а также реконструировать его возможное прошлое. Более глубокая проблема — описать динамику природной эволюции в таком зоопарке — изначально не ставилась физиками, поскольку не было надежд проверить любое ее гипотетическое решение на практике. Не повторишь же рождение Вселенной в лаборатории!

Да, пожалуй, так — если иметь в виду Вселенную элементарных частиц, и только ее. Но если вспомнить Вселенную людей, человеческое общество, ответ получается иной. Мы уже заметили, как общеизвестные культурные и политические «конденсаты» — обычаи, законы, учреждения — оказываются естественным продуктом работы особых человеческих конденсатов — консорциев, этносов и т. п. Их работа открывается теперь изучению средствами традиционной физики — экспериментальной и теоретической, так что в перспективе «пассионарная социология» может стать полноценным учебным предметом наряду с «квантовой физикой твердого тела».

Интересно (и вряд ли случайно), что оба теоретических кита, на которых опирается этот межнаучный синтез (теория квантов и теория пассионарности) родились почти одновременно, в тридцатых годах нашего столетия. Очень долго они развивались порознь, не ведая друг о друге и не веря в существование братьев по разуму в иных мирах. Лишь постепенно общие понятийные структуры и единые законы природы начинают просвечивать сквозь разноцветне специальной терминологии. Принцип экстремального действия оказался пионером в великом объединении наук: он превращает историю человечества в экспериментальный полигон физики открытых систем, а квантовую физику — в теоретический костяк науки об эволюции.

Какие плоды обещает этот синтез в будущем? Можно пока лишь гадать, вспоминая недавние прецеденты сходного рода. Например, синтез квантовой физики с астрономией дал физикам давно желаемое доказательство существования в природе лишь трех сортов нейтрино и шести сортов кварков. Астрономам же физики подарили надежную модель эволюции звезд, объяснение странных пульсаров и еще более странного реликтового излучения.

Возможно, социологи получат наконец от физиков надежную модель самообучающегося общества? Общества, способного предвидеть «пассионарные» и «субпассионарные» вспышки внутри себя и регулировать их, не погружаясь в гражданские войны?

А если не замахиваться так широко, то очень пригодилась бы модель самообучающейся школы — такой, где пассионарные и субпассионарные вспышки среди учеников и учителей сознательно провоцируются и регулируются на благо учебного процесса... Кажется, «избранник судьбы» Сергий Радонежский устроил «по наитию» подобную школу в Троицком монастыре. А позже ее выпускники заложили основу всенародного единства великороссов...

Не пора ли в наше бурное время браться за это дело по-научному? Не зря же трудились Эйлер и Мопертюи, приручая незнакомца по имени Действие!

А. Зеркалов

Лежащий во зле мир...

М. Булгаков. Около 1932 года

Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества.

Ф. М. Достоевский

Жизнь Михаила Булгакова — а длилась она неполных сорок девять лет — делится на счастливую и несчастливую половины. Он родился 3(15) мая 1891 года; счастливых лет в его жизни было 23 — до начала мировой бойни, до 1 августа 1914 года, когда Германская империя объявила войну Российской империи.

Дальше было несчастье.

Позор прусского похода, рвущая сердце жалость к миллионам крестьянских сыновей, загнанных в окопы, гибель империи, гражданская война, погромы — родной город Булгакова Киев два десятка раз переходил из рук в руки... Голод, мобилизация в Добровольческую армию, снова и снова голод... «Три года сплошной чехарды. Мобилизуют одни, мобилизуют другие, калечат друг друга и заставляют штопать». Он был врачом — профессиональным сострадателем.

В 1922 году, казалось бы, застопорила колесница Армагеддона — начало нэпа и начало литературного успеха Булгакова, но нет, еще несколько лет — и покатились, загрохотали кованые колеса — миллионы смертей, распад культуры, непрерывное ожидание всеобщей и всепогибельной химической войны. Ноев потоп беды захлестнул весь Евразийский континент, от Испании до Кореи.

Все это известно, так же как и горестная судьба Булгакова-писателя: «В 1929 году совершилось мое писательское уничтожение...». Подробно описано и последнее его унижение, история того, как он писал пьесу «Батум», о Сталине. И о стуке сапог на лестничных площадках, о непрерывном ожидании ареста и гибели за колючкой тоже написано, как сказал бы сам Булгаков, предостаточно.

Но время-то прошло — вдумаемся — огромное. Век прошел от его рождения, полвека — со дня смерти. Ушли свидетели: тут взяли свое и сталинская мясорубка, и страшная вторая война, в начале которой закрылись глаза Булгакова, и время, время! И еще: дневники Булгакова были конфискованы и уничтожены, а сверх того, разве мог он писать о себе правду, живя под недреманным оком ВЧК — НКВД? Не убили его за эти дневники, значит, о главном он молчал.

Глухо... О мыслях Булгакова, о его отношении к миру мы знаем меньше, чем о мировоззрении протопопа Аввакума, который свои мысли хоть в тюрьме, но записал. Поэтому втискиваем Булгакова в стандартную мерку, в принятый стереотип гонимого писателя, одного из многих; единички в недлинном, правда, но в ряду.

А он ведь был иной. Речь не о том, что он не писал славословий, и не о том даже, что, когда заставил себя воспеть хвалу, то солгать не сумел,— «великий вождь» безошибочно учуял крамолу. Булгаков стоит вне ряда потому, что в страшные для всей Земли годы Сталина и Гитлера, в стране заплечных дел мастеров он думал и писал о судьбах человечества. Пытался понять и объяснить, хоть для себя сложить в систему: что же случилось с человечеством; в каком эволюционном штопоре оно закрутилось, что вынесло его в преддверие апокалипсиса?

...Он ждал химического апокалипсиса, мы — ядерного или экологического... «Боги, боги мои, яду мне, яду»...

Когда «совершилось писательское уничтожение», когда Булгаков понял окончательно, что в счастливую и мирную половину своей жизни он никак и никогда не вернется, он стал писать роман о дьяволе. Почему? Да потому, что он совершенно точно — в культурологическом смысле — оценивал происходящее в мире как дьяволиаду. Потому что в европейской культуре, к которой он без колебаний относил Россию, образ дьявола символизирует противоестественный разгул губительных сил. Идея апокалипсиса, Страшного суда, в конце концов,— идея очищения мира от дьяволиады.

«Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»,— эту декларацию Мефистофеля Булгаков поставил эпиграфом к «Мастеру и Маргарите».

У нас нет дневников писателя, но есть роман о Воланде, Мастере и Иешуа Га-Ноцри. Там все сказано, только надо уметь это «все» прочитать, ибо роман — огромная криптограмма, зашифрованный текст, адресованный будущему читателю. Или — я часто об этом думаю — ушедшему читателю, тем истинно образованным людям, среди которых протекала счастливая половина жизни Булгакова. Тем, кому не приходилось заново открывать для себя классиков русской философии,— они были членами Религиозно-философского общества имени Владимира Соловьева, как и отец писателя Афанасий Иванович... Они-то сразу и безошибочно объявили бы автора романа учеником Соловьева. Не заглядывая даже в собрание сочинений этого удивительного философа и социолога, они связали бы кощунственный — с точки зрения ортодоксальной церкви — образ Иешуа Га-Ноцри с размышлениями Владимира Соловьева о Христе и о Слове, которое, как известно, было в начале начал.

Соловьев объявил, что одного Слова, то есть христианской идеи, недостаточно для нравственного устроения мира. Что нужна пирамида социального — государственного — устройства: на вершине — нравственная идея; ниже — закон, на идее основанный; еще ниже — суд; а под ним — полиция.

...Знакомо, не правда ли? Но сформулировано это было ровно сто лет назад и внутри столетия на семьдесят лет забыто, выломано из общественного сознания...

Как бы рассказывая Соловьеву о новых временах, Булгаков изобразил мир, в котором, по замечанию Воланда, «чего ни хватишься, ничего нет!» — нравственности, закона, суда — одна лишь полиция. И в Москве, и в Ершалаиме... Даже дьяволы, пародируя власть, на деле изображают полицию, то бишь милицию: «Паспорт! — тявкнул кот и протянул пухлую лапу. (...) — Каким отделением выдан документ?» И потом: «Потрудитесь уехать к месту жительства». Конечно, это пародия, и я много уже лет удивляюсь, как критики ее не замечают и поддерживают в читательском сознании мысль, что «Булгаков издевается над мещанством, над пошлостью, приспособленчеством, корыстолюбием» (из предисловия К. М. Симонова к знаменитому изданию трех булгаковских романов, 1973 год).

Есть еще более жестокая пародия, когда дьяволы избивают театрального администратора Варенуху, затем утаскивают на свою конспиративную квартиру, и он возвращается в роли — даю точное обозначение — вампира-наводчика.

Замечу: Булгаков неприметно, но аккуратно датировал действие «Мастера и Маргариты» 1937 годом...

Но мы увлеклись беседой, как сказал бы Воланд. Дело-то в ином: Булгаков-сатирик здесь на службе у Булгакова-философа, и неявно задается вопрос: как христианская страна, Россия, докатилась до жизни такой? Как 1937 год стал возможен?

...Есть в живописи понятие рефлекса: цветное пятно бросает отсвет на другой предмет. Все московское действие романа несет на себе багровый рефлекс ершалаимского действия, отсвет, напоминание: происходящее **сейчас** и **здесь** неодолимо связано с происшедшим **тогда**, 1900 лет назад, в дни, которые в православии принято называть Страстной неделей. Это знак совершенно соловьевского мироощущения Булгакова, ибо его учитель постоянно помнил о Христе. Корень московской трагедии — в Ершалаиме; 1937 год от рождества Христова повторяет год тридцать третий; в мире ничего не изменилось... Это страшное суждение. Когда я пишу о Булгакове, о его оценке бытия, мне всякий раз хочется бросить перо и закрыть лицо руками. Страшно жить с таким пониманием...

Иешуа Га-Ноцри — воплощение идеального христианства. Он всех людей почитает добрыми, он говорит: «...Всякая власть является насилием над людьми». Он убежден в могуществе доброго слова и все же понимает, что проповедь его не услышана: «Эти добрые люди (...) ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время».

Эта мысль о «путанице» — об искаженной, растоптанной идее Учителя — тоже соловьевская. Владимир Сергеевич видел Христа иным, более добрым и светлым, чем его описывают евангелисты, более женственным, можно сказать. И постоянно повторял, что заветы христианства не исполняются. Вот что он писал в 1886 году: «...Сто лет тому назад православные казаки, воюя с последними остатками «Речи Посполитой», везде, где только могли, вешали на одну виселицу еврея, польского ксендза и собаку с такою надписью: «Жид, лях да собака — вера еднака». Не стану расширять цитату, скажу лишь, что вся статья пропитана горечью и стыдом. И Булгаков ее читал.

...В 1931 году он возобновил работу над «Мастером и Маргаритой» и написал странную пьесу «Адам и Ева». Странную потому, что в ней он сказал то, о чем не посмел сказать в романе,— о всепроникающей идеологической ненависти: «И девушки с ружьями — девушки! — ходят у меня на улице под окнами и поют: «Винтовочка, бей, бей, бей... буржуев не жалей!» О подготовке апокалипсиса... Так вот, главный герой, профессор Ефросимов, провидец и человек огромной доброты, спрашивает: «За что вешать собаку?» Второй раз этот вопрос задается, когда профессор стоит посреди мертвой, убитой химическим оружием Москвы...

Поэт, мудрец, бессребреник, борец за правду, Владимир Соловьев видится мне стоящим за спиной Михаила Булгакова, эти властительные связи пронизывают все булгаковское творчество. В обширном круге философов и писателей — Достоевский, Кант, Давид Штраус, Гоголь, Гете, Р. Виппер, Ф. Фаррар, А. Грин — перечень можно продолжить,— в круге доноров «Мастера и Маргариты» мысли одного лишь Соловьева толкуются как безусловная истина. Эпигра-

фом к своему роману Булгаков мог бы поставить соловьевские слова: «Насилие в нашем мире бывает трех родов: 1) насилие зверское, которое совершают убийцы, разбойники, деторастлители; 2) насилие человеческое, необходимо допускаемое принудительною организацией общества (...) и 3) насильственное вторжение внешней общественной организации в духовную сферу человека с лживою целью ограждения внутренних благ — род насилия, который всецело определяется злом и ложью, а потому по справедливости должен быть назван дьявольским».

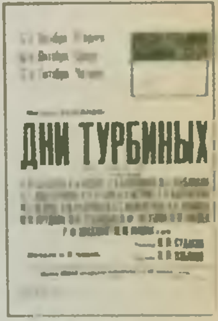
Комментариев, очевидно, не требуется. В ромвне Иешуа и Мастер погибают под прессом «дьявольского насилия»...

Можно привести еще десяток примеров того, как соловьевская мысль направляла булгаковское перо. Синтонность поразительная: Булгаков ведь был сатириком не по форме, а по самой своей сути — сатириком, то есть оппонентом, спорщиком. Образы, рождавшиеся в его мозгу, непременно были окрашены иронией, и все огромное здание «Мастера и Маргариты» построено на споре. Не нужно, например, быть профессионалом, чтобы разглядеть сквозную оппозицию к «Фаусту» Гете. Воланд непрерывно притворяется Мефистофелем, это очень смешно обыгрывается — то Булгаков описывает грим Шаляпина в опере Гуно «Фауст», то прямо отсылает к опере: «Вчера на Патриарших прудах вы встретились с сатаной. (...) Простите, может быть, впрочем, вы даже оперы «Фауст» не слыхали?» — такое вот доказательство существования сатаны... Мало того, если вчитаться и поразмыслить, Маргарита и возлюбленный ее Мастер оказываются зеркальным отражением гетевских персонажей — Маргариты и доктора Фауста, отражением, так сказать, отрицающим.

2. Дом, в котором родился Михаил Афанасьевич Булгаков. Киев, Андреевский спуск, 13.
3. Михаил Булгаков — гимназист, 1908 год.
4. Семья Булгаковых. Дача в Буче. 1913 год. В центре — мать, Варвара Михайловна, слева и справа от нее — братья Михаил Михайлович и Николай Михайлович Покровские; справа крайний — Иван Павлович Воскресенский, на переднем плане — Надя и Вера, Татьяна Николаевна, Леля, Варя, подруга Вари; сзади стоят — М. А. Булгаков, Борис Богданов, И. Л. Булгакова.
5. М. Булгаков — студент, Киев, 1913 год.
6. М. А. Булгаков, 1916 год.
7. В. П. Катаев, Ю. К. Олеша, М. А. Булгаков, 1924 год.
8. М. Булгаков. Шарж художника Дени, 1923 год.
9. Рисунок Булгакова, сделанный Анной Остроумовой-Лебедевой. Коктебель, 1925 год.
10. Премьерная афиша «Дней Турбиных», 1926 год.
11. М. А. Булгаков. Батум, 1927 год.
12. Любимая собака Бутон. Рисунок М. А. Булгакова.

Отрицается культ деятельности ради деятельности, пропагандируемый Гете, его отношение к женщине, но главное — Фаустов принцип «цель оправдывает средства», принцип, слишком хорошо всем нам знакомый. Кровавый принцип. Гете прощает страшного грешника Фауста, помещая его в рай. Булгаковский герой лишается рая за единственный грех, ему присущий,— за трусость. Оппозиция полная, развернутая, проходящая через весь роман. Но Булгаков на ней не успокоился,— это еще одна, самостоятельная история.

Сейчас же после Первой мировой войны в разоренной и голодной Германии вышла книга Освальда Шпенглера «Закат Европы». Она произвела сенсацию в философском мире, да и не только в нем. Русский перевод первого тома появился в 1922 году, при переходе к нэпу, и на него мгновенно откликнулись отдельной книгой четыре известных философа, в том числе ученик Владимира Соловьева Николай Бердяев. Он писал: «Книга Шпенглера — замечательная книга, местами почти гениальная, она волнует и будит мысль». Такая острая и мгновенная реакция понятна: Шпенглер пророчествовал гибель культуры на Западе, а эту мысль издавна обосновывали русские религиозные мыслители вплоть до Леонтьева и Достоевского.

Ключевые понятия в «Закате Европы» — «дьявол» и «Фауст». Был, по Шпенглеру, период в истории Европы, когда миф о дьяволе управлял всей духовной жизнью христианского мира. «В то время каждый жил в сознании неимоверной опасности, исходившей не от палача, но от ада...». Это чувство — как бы главное достоинство мифа о дьяволе; с одной стороны, оно стимулировало развитие культуры, с другой — поддерживало в сопричастной дьяволу «Фаустовой душе» страх перед свободой, умеряло «порыв к бесконечно далекой цели».

Что же такое «Фаустова душа»? Шпенглер утверждает, что гетевский Фауст с его «порывами» есть «портрет целой культуры». Если так, портрет достаточно ясный — девизом Фауста была триада «власть, собственность, преобладанье» (Гете). По Шпенглеру, этот тип европейца сформировался именно под влиянием мифа о дьяволе и мифом же, как сказано, удерживался от экспансии.

Конец благой власти дьявола — философ относит его примерно к 1800 году — знаменует конец культуры и взрыв «фаустовой» агрессии, начало империализма. Этот процесс вкупе с промышленным развитием должен привести к гибели Западной Европы. Кончился страх — начинается погибель...

Булгаков, несомненно, изучил первый том «Заката Европы», на то есть твердые указа-

13. Булгаков в 1928 году. Надпись: «Моей дорогой Любаше от Ти. То. К.»
14. Л. Б. Баратов и М. А. Булгаков. 1928 год (?).
15. М. А. Булгаков — судья. «Пиквикский клуб» по Ч. Диккенсу, 1934 год.
16. М. А. Булгаков, 1936 год.

ния в тексте (к сожалению, здесь мы не можем их представить). Он был не только блистательным писателем, но и гениальным читателем и, конечно же, оценил художественную находку Шпенглера: старонемецкая легенда о докторе Иоганне Фаусте, продавшем душу дьяволу, легенда, десяток раз обыгранная в литературе — Гете был не первым и не последним,— помещается в центр философской конструкции! И Булгаков стал писать второго «антифауста» внутри первого, оппонируя одновременно и Гете, и Шпенглеру, как бы сталкивая их лбами.

Страх не может быть движителем творчества, культуры,— говорит Булгаков. Мастер был творцом лишь до тех пор, пока его не оставляла отвага. А затем, когда «страх овладел каждой клеточкой его тела», он отказывается от творчества бесповоротно: «У меня нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет»...

Фаусты вообще не могут быть творцами, невозможно сочетать в себе культурное начало и стремление к преобладанию. К власти стремится хулиган — Шариков (вспомним другую булгаковскую вещь, «Собачье сердце»). О «бесконечно далекой цели» мыслят люди, отрицающие власть и силу,— Иешуа Га-Ноцри и Мастер.

Дьявол Шпенглера инициирует страх, дьявол Булгакова поддерживает отважных. Гнев Воланда обращен на тех, кто отравлен трусостью; Воланд есть меч апокалипсиса, занесенный над сообществом людей, лишенных гражданского мужества. Так, зеркально, он выполняет функцию Шпенглерова сатаны. Он обрубает нити «фаустовых» цивилизаций, но сохраняет рукописи нетленными.

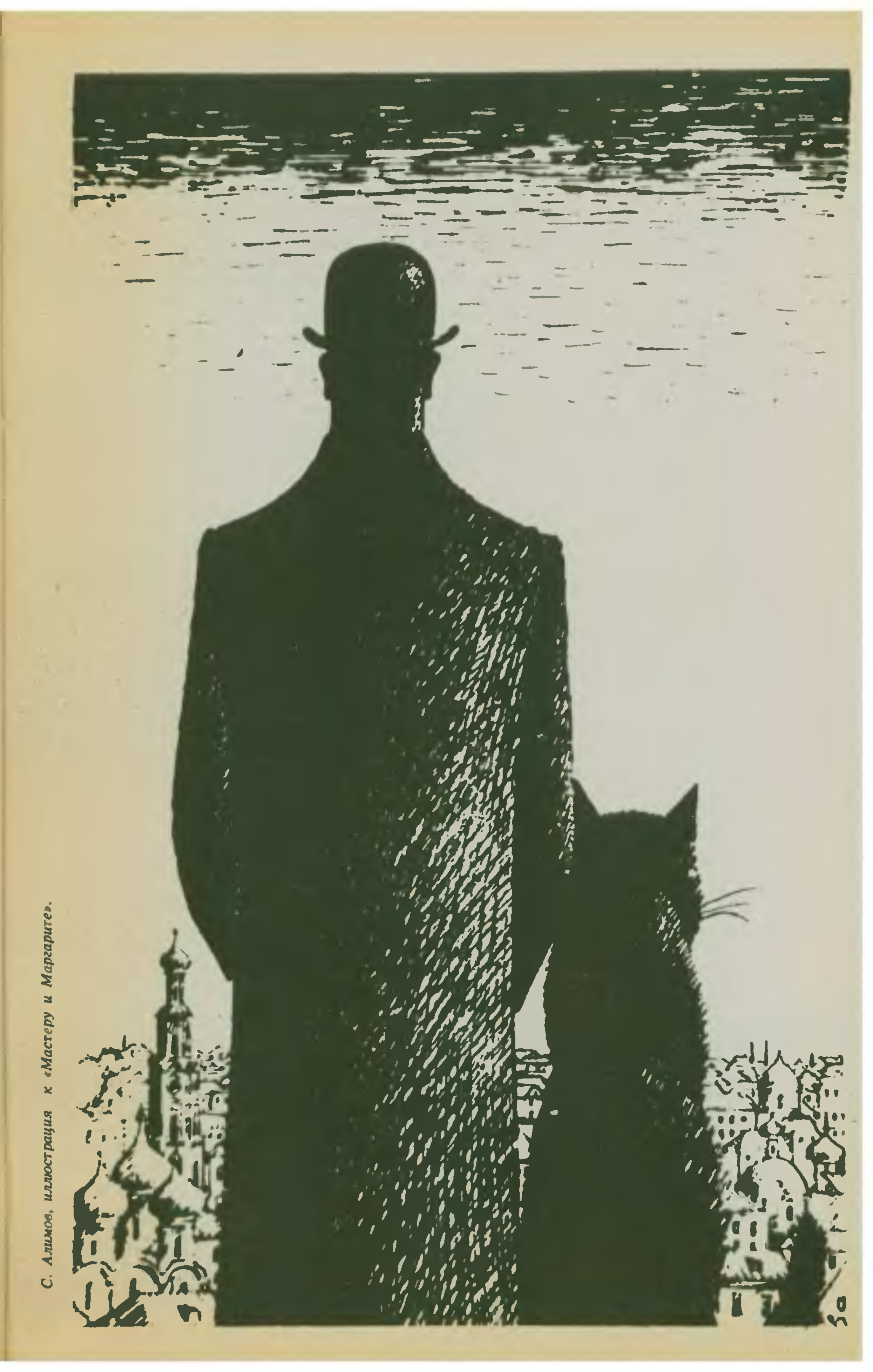
Есть у Шпенглера идея, условно говоря, перекликающаяся с идеями Владимира Соловьева: христианские институты исходно бессильны в сравнении с «фаустовым» началом. Не «миф о Марии» сдерживал людской эгоизм, а параллельный миф о дьяволе. «Не христианство преобразовало фаустовского человека, а сам он преобразовал христианство»,— писал Шпенглер. Это Булгаков принимает; мы уже это обсуждали — «Зачем вешать собаку?» и «Путаница будет продолжаться очень долго». Но для писателя абсолютно неприемлема мысль Шпенглера об изначальной асоциальности христианства и его основателя. Трактуя суд Пилата над Иисусом, Шпенглер говорит, что действительность для Иисуса «была ничем», а его проповедь не содержала «никаких социальных размышлений, никаких проблем... Приписывать Иисусу социальные установки — кощунство». Сильно сказано!.. Каждый, кто внимательно прочел Евангелие, знает, что в проповеди Христа социальная идея была той тетивой, которая направляла самые отточенные из его стрел. И Булгаков прибег к своему излюбленному художественному ходу: повторил прием противника. Он как бы следом за Шпенглером показал иного, неевангельского Иисуса, для которого воистину действительность «была ничем», но в ином совершенно смысле — он не признавал власти страха. Не потому, что был погружен в «мир религии» (Шпенглер), он о религии вообще не задумывается, а потому, что он занят мыслями о будущем человечества. И не только мыслями, занят делом сострадания. Вчитайтесь внимательно в сжатый, скупой текст «ершалаимских глав» романа. Иешуа мгновенно замечает, когда опасность грозит другому «доброму человеку», а своей гибели не видит вплоть до последнего момента, когда смерть уже сжимает пальцы на его горле.

Трагедия булгаковского (или соловьевского) Христа есть в сущности трагедия гиперсоциального человека в мире озлобленных и запуганных одиночек. У них сама идея объединения людей — социализации — вызывает страх.

...Разумеется, здесь все не так просто. Любая гипертрофия опасна. Булгаков так же, как и Владимир Соловьев, знает, что люди в массе вовсе не добры, а потому необходимо «человеческое насилие» хотя бы для защиты истинно добрых людей. Соловьев писал, что на преступников убеждения не действуют. «Приписывать заранее своему слову такую исключительную силу... было бы болезненным самомнением» — эта формула может быть прямо отнесена к Иешуа Га-Ноцри, который надеется убеждением исправить «холодного и убежденного палача» Крысобоя.

Все непросто, и главное сближение-расхождение Булгакова со Шпенглером не здесь. Немецкий философ был поклонником силы, презирал сострадание. И с удовлетворением отмечал, что «мораль сострадания» на фаустовском севере всегда уважалась... но никогда не была осуществлена». Булгаков расширяет эту мысль: не только «фаустовский север», но и Древний Рим, Иудея, Украина XVIII века... А затем — полная оппозиция. В том и беда, говорит нам Булгаков, потому мы и стоим на краю пропасти, что фаусты всех калибров и национальностей не ведают жалости, что они не способны на сопереживание с другими людьми... Ибо только сопереживание, сострадание способны скрепить общество и сделать его жизнеспособным.

Еще раз: страшно помыслить о чувстве безысходности, с которым Михаил Булгаков прожил последнее десятилетие своей недолгой жизни. Однако вслушаемся в интонацию «Мастера и Маргариты»: вопреки всему она отливает радостным серебром. «Но ты — мой бедный и окровавленный Мастер!» — думаю я о Булгакове его же словами из «Жизни господина де Мольера». И мне как будто отвечает Иешуа: «Смерти нет... Вчера мы ели сладкие весенние баккуроты...» Слова эти имеют глубокий смысл, в них звучат радость и надежда. Где нашел ее Булгаков? В творчестве, в слиянии с потоком культуры, переживающим гибель людей, стран, цивилизаций. Нет Иудеи, поро-

С. Алимов, иллюстрация к «Мастеру и Маргарите».

дившей Христа, нет Рима; давно закончилась реформация, создавшая легенду о Фаусте, но поток культуры неиссякаем.

«Смерти нет...» Этой максиме мы обязаны творчеством Булгакова. А он, чтобы следовать ей и выполнять свой долг творца, создал собственную философию — ее мы только что обсуждали — и этику личного поведения. Его нравственный кодекс достаточно четко обрисован в «Мастере и Маргарите».

Различаются две этики — для творцов и для обывателей. Такая двойственность вытекает из булгаковской оценки социальной действительности. Реальная жизнь тридцатых годов такова, что в ней невозможна мораль, общая для всех. Перефразируя Владимира Соловьева, «лежащий во зле мир до времени обратился в ад», а в аду мораль поневоле особенная. В мире, нарисованном Булгаковым, человек есть лишь средство для достижения абстрактной цели, существо, совершенно беспомощное, не охраняемое законом, этим воплощением практической морали. Человек лишен и духовной свободы, и необходимых материальных благ, его принуждают лгать, изворачиваться, уходить в дьявольское «пятое измерение», но беда настигает его и там. Поэтому с обывателя спроса нет, его поведение вынужденное, продиктованное нуждой и страхом. В безнравственном мире нельзя требовать от людей нравственного поведения. Это положение, однако, относится не ко всем. Иные требования предъявляются творцам, людям, ответственным перед историей.

Ноша творческой личности отягощена до крайности. Дело в том, что этика Булгакова родственна этике Гете: деятельность во благо общества необходима (разумеется, иная, «нефаустова» деятельность). И вот Булгаков изображает мир, где любая деятельность оказывается невозможной: Пилату не дают строить водопровод, Иешуа — проповедовать, Мастеру — публиковаться, Римскому — руководить театром и т. д. В наихудшем положении оказываются творческие люди, ибо отказ от деятельности для них равносилен гибели.

Далее, общественное благо есть, по Булгакову, благо для всех людей; человек должен быть целью, но ни в коем случае не средством. Понятно, что в бесчеловечном обществе такая идея вводит творца в острый конфликт с окружающим миром. Однако же у писателя есть способ обойти препятствие: он может работать, но не публиковаться, создавая своего гомункулуса в своей собственной реторте. Рукописи не горят, они могут ждать, если реторту не разбить до времени, как поступил Мастер. Этот горестный и унизительный путь и предписывает Булгаков: творец не должен соприкасаться с обществом — таков первый императив.

Императив, рожденный дурной действительностью, почти непереносимый, но ему необходимо следовать, доказательством чего служит судьба Мастера. Впрочем, и это не спасает: по законам (или беззаконию) полицейского государства любая рукопись есть «нелегальная литература», даже неопубликованная, она грозит гибелью своему создателю. И еще проблема: писатель должен зарабатывать себе на жизнь; если он не публикуется, ему приходится нищенствовать. Несколько лет спустя после Булгакова Камю сказал: «Занятия литературой в наше время стали смертельно опасны».

Но другого, безупречного пути у писателя нет. Следовательно, второй императив: творцу необходима отвага.

Сильнейший акцент, поставленный на теме творчества, вкупе со сквозной бытовой темой романа и откровенным высмеиванием обывателя могут создать у невнимательного читателя ощущение авторской элитарности. Такое мнение неверно. Булгаков был учеником Соловьева, для которого понятие нравственности — абсолютно практическое, деловое. Он твердо усвоил уроки Достоевского, что «натура не готова» у людей для нравственного подвига, а это ведь идея тоже сострадательная... И, сопереживая с людьми в их человеческих нуждах, он не мог требовать от них пренебрежения такими «мелочами», как жилье, пища, одежда. Не мог ждать ото всех отказа от сотрудничества с дурной властью — жить как-то надо...

Итак, моральный императив для творческой личности: осознание ценности деятельности, абсолютная отвага и отсутствие контактов с «истинным дьяволом» власти.

Части триады нерасторжимы.. Контакты с властью приводят ко лжи и творческой импотенции; чтобы отказаться от контактов, необходима отвага; отвага может опереться только на высокую цель работы. И единственная высокая цель — призыв к состраданию и изображение всей правды жизни, ибо долг писателя — внести свою лепту в движение человечества к истине.

Абсолютный идеал морали для творческой личности — Иешуа. Он отсек себя от власти, ему дана безграничная отвага и столь же безоговорочная правдивость, он предельно сострадателен, его творческая цель — проповедь «царства истины и справедливости». В бытовом плане он противопоставлен обывателю: никаких материальных благ ему не требуется, он — «птица небесная» (Соловьев).

Но Христос был всего один. Жизнь такова, что обычный человек не может уподобиться птице небесной. Ему необходимо выжить, чтобы успеть создать что-то значимое. И, следовательно, нужно, хоть и на свой лад, все-таки приспособиться к дьявольскому миру.

Фантастическая мысль: если бы Иешуа не был абсолютом отваги и правдивости, он принял бы намеки Пилата и заявил бы, что не говорил крамолу Иуде из Кириафа или, как ему прямо предлагалось, что он забыл свои слова. И тогда он остался бы жить, стал хранителем «большой библиотеки» Пилата, и его мысли пришли бы к потомкам неискаженными. Но он отказался. И теперь его историю приходится восстанавливать Мастеру при той помощи дьявола, которой Иешуа не захотел.

Тягостная дилемма: чтобы выжить, чтобы создавать нетленные вещи и способствовать делу истины, писатель вынужден спознаться с дьяволом власти, сделать то, что запрещает ему совесть. Вопрос отнюдь не теоретический: сам Булгаков так и поступил, чтобы иметь возможность создать «Мастера и Маргариту». Известные биографические факты: он написал письмо Сталину с просьбой о спасении, когда нищета и угроза физической гибели придвинулись вплотную. Сталин позволил ему служить в театре, и Булгаков сумел вернуться к своему сожженному ранее роману. Поэтому и вышло: «рукописи не горят»...

Думаю, писатель не простил себе обращения за помощью к сатане, но, даже сознавая себя аморальным человеком, он знал, что поступил правильно: выполнил свой творческий долг так, как это возможно под прессом идеологической тирании.

В этих условиях вся этика становится искаженной и релятивной. Общественная этика тоже раздвоена. Любые оправдания «дьявольского насилия» Булгаков решительно отбрасывал, но неизбывную жестокость истории принимал покорно, как данность. Эту жестокость у него олицетворяет Воланд, отражение власти, фигура мучительно релятивная. Он вынужден убивать, уничтожать носителей дурных идей, чтобы творить метасоциальное добро; вынужден поощрять войны, чтобы их огонь выжигал места сгущения скверны. Формально он делает то же, что власть, осуждаемая Булгаковым,— разрешает апокалипсисы, гонит массы людей в пропасть. Таково исходное противоречие идеи Страшного суда: бесчеловечные средства применяются в человечных целях. На этом уровне понятие сострадания исчезает вообще; милосердие не по «ведомству» Воланда, ибо оно мешает «тысячелетним планам» справедливости. Для Воланда с его апокалиптическим масштабом единичный человек не цель, а средство.

Это, как мне представляется, и роднит его с Тиберием и Сталиным, персонификациями черной, разбойничьей власти, обреченной на уничтожение. Тираны, по-видимому, были для Булгакова крайним выражением фаустовой сути общества, пределом, но не более того. Ибо власть не может быть доброй; так и говорит Иешуа: «Всякая власть есть насилие над людьми». Однако же читатель, не строя никаких философских концепций, ощущает различие между земной тиранией и властью Воланда.

Разберем историю Мастера, предположив, что он приступил к «роману о Пилате» благодаря помощи сатаны (на это в романе есть прямые намеки). Внезапно, без просьб и унижений, писатель получает свободу от службы и житейские удобства, необходимые для творческой работы,— рабочую комнату и библиотеку. Дарением же дается ему верная подруга, всем своим существом утверждающая ценность его труда, назвавшая его Мастером. Это идеальный случай, о котором можно мечтать,— творец вступил в союз с дьяволом, сам того не подозревая. Настоящая волшебная сказка, но с характерным для Булгакова сатирическим оттенком — волшебным путем дается то, что в благоустроенном обществе считалось бы нищенским минимумом. Не хрустальный дворец, не скатерть-самобранка, а комнатушка в подвале и скромные деньги... Дьявол дал Мастеру возможность работать, хотя бы нищенствуя, и творцу этого достаточно — он создает свою рукопись.

И не удерживается в сказке, выходит из нее в реальность — пытается опубликовать роман.

Сюжет немедля поворачивается, превращаясь в реалистическую трагедию. Мастера травят, он сжигает рукопись; затем — лагерь и сумасшедший дом. Это очень важная деталь: Мастер вновь отторгнут от реальности — и стенами клиники, и собственным сознанием. Теперь сказка возвращается: Воланд восстанавливает сожженную рукопись, убивает Мастера и Маргариту и дает им вечный дом и вечное счастье.

Это черная сказка, сказка-перевертень. Герой получает то, что он заслужил, но ценой физической гибели.

Я склонен думать, что тема продолжения жизни после смерти в творчестве Булгакова не случайна, что он действительно верил в загробную жизнь и возможность бесконечного самосовершенствования после смерти. Но какой печалью веет от земной смерти и загробной жизни! Смерть не может быть благом. Это видно из того, что сама Земля становится грустной в преддверии конца, что смерть есть успокоение только в сравнении с «непосильным грузом страданий», что гибель-возвышение

Окончание на стр. 92

М. А. Булгаков, Е. С. Булгакова. Один из последних снимков, 1940 год.

Н. Вечтомов, «Жители планеты Х», 1969 год.

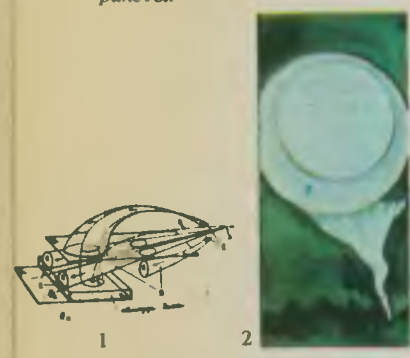
В. Новосельцев, *доктор технических наук*

Незаконная дочь космонавтики

Королевство Кривых Зеркал

Итак, стартующая ракета, оставив за собой след в виде несущегося в космическом пространстве раскаленного газо-пылевого шлейфа, ушла на траекторию. Займемся теперь судьбой самого шлейфа.

В разные моменты стартового процесса направление движения и скорость частиц, составляющих шлейф, различны. Часть из них летит в космическом пространстве почти параллельно земной поверхности (как показано на рисунке 1). Если смотреть в направлении движения, то такой фронт имеет вид сферического сегмента очень большого радиуса, что хорошо видно на рисунке 2. Войдя в плотные слои атмосферы, газо-пылевое облако такой формы будет двигаться параллельно земной поверхности. Возможно, что при достаточно высокой начальной скорости и плотности облако дойдет до самой земли, и его нижняя часть как край воздушного занавеса пройдет по полям, лесам и улицам городов.

1, 2. Шлейф стартующей ракеты.

При вхождении фронта в плотную атмосферу сначала возникает ударная волна, которая распространяется со скоростью звука (около 1200 километров в час), а за ней идет фронт самой струи. Можно полагать, что скорость движения такого фронта сначала составляет более 200 километров в час — такую цифру, по крайней мере, можно вывести из наблюдения НЛО над Нальчиком.

По ходу продвижения происходит торможение фронта за счет того, что вторгшиеся частицы теряют энергию на ионизацию и разогрев атмосферных газов. Механизмы протекающих здесь процессов могут быть подобны тем, что имеют место при возникновении полярных сияний с той лишь разницей, что в нашем случае в атмосферу из космоса вторгаются и микро-, и макрочастицы, а процессы торможения, ионизации и разогрева проходят в плотных слоях атмосферы.

Исчерпав энергию частиц, фронт останавливается, с течением времени разрушаясь под действием атмосферных воздушных движений, остывания и рекомбинации ионов. Оптическая плотность возникшего экрана и время его существования будут зависеть от многих причин, прежде всего от мощности шлейфа ракетного двигателя, его породившего.

Остановившийся фронт практически невидим: количество аэрозоля, содержащегося в тонком плоском слое фронтальной поверхности занавеса, по человеческим меркам невелико, а слой даже сильно разогретого и ионизированного воздуха заметить без специальных приборов невозможно. Тем не менее присутствие такого занавеса, частично отражающего, а частично преломляющего и искривляющего лучи света, кардинальным образом меняет оптическую среду.

Нам предстоит рассмотреть два круга вопросов, связанных с нахождением сначала движущихся, а потом стабильных экранов в приземном воздушном пространстве. Во-первых, сколько таких поверхностей находится в области наблюдения, какова тонкая структура созданного стартующей ракетой «Королевства Кривых Зеркал» и, во-вторых, каковы оптические параметры зеркал в этом королевстве.

Сначала о структуре. Детали возникшей структуры — результат работы двигателей на конкретной траектории каждого пуска. Мы здесь для краткости ограничимся рассмотрением пусков ракет с жидкостными реактивными двигателями — ЖРД. В таких ракетах источником движения служат камеры сгорания, в которые топливо (горючее и окислитель) поступает порциями. Частота следующих друг за другом порций определяется скоростью вращения ротора ТНА — специального турбонасосного агрегата. При запуске ракеты происходит раскрутка ротора до требуемой скорости, а сама скорость вращения ротора ТНА определяет расход жидкого компонента топлива ЖРД. Точная порция горючего на каждом обороте ротора регулируется еще и топливными клапанами. Впрочем, этих деталей для нас уже достаточно*.

Итак, идет старт. Из сопел двигателей ракеты с частотой, равной частоте вращения ротора ТНА, друг за другом вырываются в космическое пространство «пачки» порций аэрозоля. «Экраны» в пачке следуют друг за другом, а их плоскости располагаются перпендикулярно направлению движения пачки. Они входят в атмосферу Земли и порождают в ней тот самый «слоеный пирог» фронтов оптической неоднородности, о ко-

Окончание. Начало — в №№ 1, 3, 4 за 1991 год.

* Более полно можно узнать о них в книге В. И. Левантовского «Механика космического полета в элементарном изложении», Москва, 1979 год, или в учебном пособии «Летные испытания жидкостных реактивных двигателей», Москва, 1977 год, написанном К. А. Луарсабовым с соавторами.

тором говорилось выше. Это — «Королевство Кривых Зеркал», в которое попадает наш наблюдатель.

Что касается общей структуры «королевства», то она включает куски слоеных пирогов, расположенные с большими или меньшими интервалами между ними. Интервалы — результат поочередных включений и выключений двигателей при маневрах на траектории и переходе к работе разных ступеней ракеты. Кроме того, мощность слоев в разных местах слоеного пирога различна из-за того, что масса продуктов сгорания топлива, выброшенных ракетой на каждом обороте ротора ТНА, может меняться из-за того, что расход в процессе вывода регулируется топливными клапанами.

Теперь немного об оптических свойствах фронтальных экранов. Показатель преломления атмосферного аэрозоля неоднократно измерялся: он равен 1,54—1,59. Такой показатель больше, чем у воды (1,3) и почти равен значениям показателя для стекла (1,8). Так что в атмосфере может возникнуть тонкое плоское «зеркало» — аэрозольный слой от шлейфа ракеты. При достаточной его плотности часть падающей на экран световой энергии отражается, и наблюдаются зеркальные отражения. Однако плотность аэрозольных слоев в шлейфе ракеты оценить достаточно трудно, и кажется вероятным, что на столь больших расстояниях от места старта, которые можно предположить для имеющихся описаний НЛО, эта плотность очень невелика.

Но, с другой стороны, надо помнить и об очень высокой чувствительности зрительной системы: для наблюдения зеркального отражения простой электрической лампочки в стекле достаточно весьма малого отражения — допустимо ослабление исходной яркости в 10 миллионов раз.

Кстати, оптические свойства аэрозоля измерялись и непосредственно на ракетодромах*. Оказалось, в частности, что такой аэрозоль поразному рассеивает и поглощает свет с различными длинами волн. Об этом приходится постоянно помнить, когда речь при наблюдениях НЛО идет о необычной окраске видимых объектов.

Два других фактора, влияющих на оптические характеристики воздуха в шлейфе,— разогрев и ионизация. Величина разогрева, как кажется, может быть достаточно большой — исходно газы разогреты до 2000—3000 градусов, и в течение всего их полета в космическом пространстве, до самого входа в атмосферу эта температура сохраняется.

Наконец, ионизация. Имеются данные о том, что даже слабая ионизация увеличивает коэффициент преломления воздуха. Например, такое увеличение фиксируется перед грозами.

Подводя итог, скажем, что, по всей видимости, суммарное действие трех указанных факторов и создает такие градиенты коэффициента преломления, которые достаточны для наблюдения аномально сильной рефракции, миражей при малых углах падения луча зрения и зеркальных отражений.

Поэтому причиной возникновения вертикальных оптических экранов в атмосфере (рассмотренных нами на примерах «приземления» в Харовске и появления НЛО в районе Нальчика) следует считать мощные шлейфы ракетных двигателей, образовавшиеся при запусках ракет. В первом случае репортаж содержит прямое указание на этот факт («звездочка» в небе, предшествовавшая «приземлению»), во втором надо полагать, что стартующая ракета осталась не замеченной участниками событий. Этому могло способствовать то, что старт происходил, по всей видимости, за сотни километров от Нальчика, при ярком солнце и ясном небе.

Маска, я тебя знаю

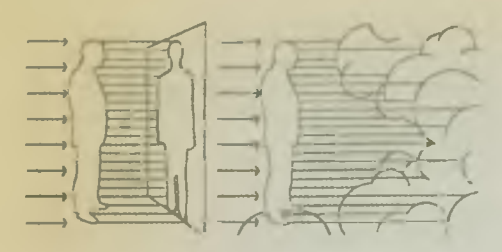
Итак, ракетных типов структур много, и каждый тип дает свое собственное «разбиение» пространства на области, отделяемые оптически неоднородными поверхностями. Можно как угодно располагать их для того, чтобы «отгадывать кроссворды». Все это, конечно, будет лежать в области догадок до тех пор, пока не выяснится конкретный тип ракетного двигателя, порождающего именно такую структуру шлейфа. Пока что мы знаем только один тип подобных структур — поперечно-полосатый хвост маршевого ЖРД. Это след мощной ракеты, слоистая структура шлейфа от которой сохраняется десятки минут, а область «охвата» пространства — тысячи квадратных километров. Мощность двигателей настолько велика, что оптические свойства на внутришлейфовых границах неоднородностей (вызванные наличием аэрозоля, изменением плотности из-за разогрева и ионизацией) допускают появление всей гаммы аномальных оптических явлений.

Этот тип слоистой структуры, как кажется, можно легко угадывать по деталям целого ряда опубликованных наблюдений НЛО. Разумеется, оптическая неоднородность структуры пространства в разных ситуациях может проявлять себя по-разному. Физические свойства такого «структурированного» пространства трудно полностью предугадать. Возможно, в частности, что на ионах в ионизированных слоях воздуха будет (как на центрах конденсации) образовываться туман. Тогда слоистость атмосферы приведет к появлению новых оптических явлений. Так, если в подобную ситуацию попадет самолет и полет будет идти вдоль слоистой структуры, то при определенных условиях освещения может возникнуть брокенский призрак (рисунки 3, 4). Мало того, таких призраков будет два — один со стороны «тени» (прямой брокенский призрак), другой — образованный отраженными лучами — светлый (инверсный брокенский призрак). Так обстояло дело, по всей видимости, с самолетом «ТУ-134» в репортаже «Ровно в 4.10»** .

Свойства шлейфовой структуры, возникшей в этом случае, те же самые, что в случае НЛО над Нальчиком, — об этом говорит и факт наблюдения самой стартующей ракеты, и наблюдение собственного отражения самолета в приближающемся зеркале фронта. Поэтому можно говорить, что и здесь речь идет о мощном маршевом ЖРД.

* Об этом можно прочесть, например, в журнале «Applied Optics». Т. 16, № 10 за октябрь 1977 года.

** «Труд» за 30 января 1985 года.

3. До тени, образовавшейся на плоском непрозрачном экране, нетрудно определить расстояние. Но это невозможно, если тень падает на полупрозрачное облако.

Что касается приземления в Харовске, то, здесь, по всей видимости, оптические неоднородности были порождены другим типом двигателя — мощность следа меньше (рассеяние происходит за десятки секунд), расстояние от одного следа до другого уже не метры, как в случае маршевых ЖРД, а сотня метров. Конечно, маловероятно, что дети в Харовске наблюдали всю область оптических возмущений, вероятнее, что они попали в «середину» длинного шлейфа, тянущегося, возможно, на десятки километров. Они наблюдали три слоя оптической неоднородности, но похоже, что точно такие же поверхности много-много раз возникали до момента встречи с детьми и продолжали свой бег по земле после встречи. Может быть, специалисты по ракетной технике распознают тип двигателя, который может давать такой «след», и если данные не секретны, мы сможем получить еще одно подтверждение нашей гипотезы.

4. Брокенский призрак.

Заключение

Итак, нам удалось почти без потерь довести до конца длинную цепь рассуждений, и если читатель не потерял их нить, мы можем вместе прийти к такому выводу. Большое количество «наблюдений НЛО», публикуемых сегодня на страницах нашей печати,— это необычные оптические явления, особенностью которых является их антропогенный характер. Конечно, все, высказанное выше,— гипотеза. И хотя мне как автору основные ее положения кажутся достаточно убедительными, окончательный ответ об их истинности даст только прямой эксперимент. Дело кажется настолько простым, что для начала можно будет для будущих «наблюдений НЛО», которые, конечно, появятся на страницах печати, выписывать любые проверяемые следствия и убеждаться в их справедливости. Это касается прежде всего соотнесения направления на «звездочку», с которой начинаются многие «приземления» и «визиты», с легко восстанавливаемым по описаниям очевидцев расположением фронта зоны оптической неоднородности. Проверяемое следствие — перпендикулярность этих двух направлений.

Можно предложить и иные проверяемые следствия, но интересно другое — сама наша публикация должна подсказать будущим свидетелям приземлений и контактов, на что надо обращать внимание.

Возможно, воздух в момент прохождения особенно сильного фронта будет так ионизирован, что может стать причиной весьма характерных «сопутствующих явлений». Глохнущие двигатели тракторов и автомобилей с отечественными свечами зажигания, метания магнитной стрелки, отказ радиоаппаратуры, несрабатывание фотовспышек могут быть следствием такой ионизации воздуха. По крайней мере, аналогичное действие шаровых молний сомнений не вызывает. Газета «Советская Россия» 22 июня 1989 года сообщила, например, о таком факте, происшедшем в Ульяновске. Внезапно трамвай отказался подчиняться водителю. Женщина-водитель, не растерявшись, немедленно высадила пассажиров — и тут же раздался грозовой разряд, светящийся шар врезался в трамвай, который вспыхнул, как спичечная коробка.

Совершенно ясна природа таинственного изменения хода времени (речь идет только об электронных часах). Отставание или убегание часов — следствие прохождения через их электронный счетчик серии электромагнитных импульсов, которые «складываются» или «вычитаются» с импульсами кварцевого генератора.

Что еще хочется сказать в заключение. Растет мощность ракет, выводимых в космическое пространство. А значит, сильнее будет их воздействие на атмосферу Земли, ярче и заметнее оптические явления на возникающих антропогенных неоднородностях. Мы специально основывали наши рассуждения почти исключительно на публикациях центральной прессы последнего времени. Но любознательный читатель может теперь с новых позиций самостоятельно перечесть те наблюдения, которые в монографиях и в списках различных комиссий отнесены к «необъясненным». Мне кажется, что в этих списках появятся по меньшей мере два новых пункта: 1) попадание наблюдателя, летящего в самолете или на вертолете, в шлейф стартовавшей ракеты или в зону оптической неоднородности, образовавшейся в результате вторжения этого шлейфа в атмосферу, и 2) наблюдение оптических явлений на поверхности Земли, в зоне возмущений от ракетного старта.

Последнее объяснение особенно хорошо коррелирует с известным нашим уфологам фактом «концентрации» появлений НЛО в определенных зонах. Не хочется открывать военных секретов иностранным разведкам, но, по всей видимости, эти зоны лежат как раз на путях шлейфов стартующих ракет, возможно, в сотнях километров от расположения соответствующих гарнизонов, ракето- и космодромов.

Например, стоит с указанных позиций критически рассмотреть сообщения о таинственной «пермской зоне», о которой так увлекательно писала рижская газета «Советская молодежь». Мне кажется, что 95 процентов приведенных там наблюдений укладывается в рамки этой гипотезы.

И в заключение одно соображение о так называемых «контактах третьего рода». В момент прохождения фронта находящийся на земле человек оказывается под воздействием целого ряда факторов — сначала ударная волна, затем спустя какое-то время — электромагнитный импульс от ионизированного фронта, перепад давления из-за прохождения зоны разреженного воздуха за фронтальной плоскостью и, наконец, вдыхание малых порций аэрозоля. Влияние на человека этих факторов не изучено. Пожалуй, только в упомянутой нами ранее книге И. Гласса об ударных волнах можно прочесть, что даже незначительные ударные перепады давления вызывают психологические сдвиги у человека (подавленность, чувство тревоги). Поэтому не будем исключать возможности и более глубоких воздействий космического старта на психику человека.

Так что, пожалуй, можно взять на себя смелость и подвести черту под одним разделом уфологических наблюдений, переведя их из разряда непознанных феноменов в ранг научных наблюдений. Блудная дочь космонавтики — оптика антропогенных оптических неоднородностей, — похоже, возвращается из круга паранаук в лоно матери-физики. ●

В январе — феврале этого года в Третьяковской галерее на Крымском валу прошла выставка «Другое искусство». Благодаря усилиям И. Алпатовой и Б. Жутовского у нас появилась редкая возможность увидеть работы ста двадцати художников, долгое время бывших в андеграунде, представлявших неофициальное искусство. Многие из этих художников в шестидесятые и семидесятые годы плодотворно сотрудничали с нашим журналом. Редакция с благодарностью это помнит. Статья Н. Тамручи посвящена неформальному искусству шестидесятников.

Н. Тамручи

Из истории московского авангарда

Фото © Соловьева.

ВСЛЕД ЗА ВЕРНИСАЖЕМ

Культура, которая впоследствии получит общее название «Московский авангард», зарождалась в атмосфере хрущевской «оттепели». После всех ужасов сталинского террора любая порция свободы опьяняла; верилось, что раз пришли эти долгожданные «лучшие времена», то теперь откроются и небывалые, ослепительные возможности[1].

В то же время общество вслух заговорило о потерях, постигших отечественную культуру, впервые пытаясь представить истинные масштабы зла. Зияние пустоты на месте разрушенных ценностей культуры (бассейн «Москва» здесь — идеальный символ) томило сознанием «духовного вакуума», в котором обнаружило себя поколение конца пятидесятых и шестидесятых годов, и, конечно, всех «обуревала лихорадочная потребность его заполнить», если воспользоваться выражением Игоря Дудинского, написавшего о том времени статью под названием «Что такое «московская идея». «...Со свойственной русским интеллигентам истеричностью, безумной искренностью, особым, наивным до трагизма, максимализмом подпольная элита Москвы, очертя голову, бросилась создавать новую, уникальную, никогда и нигде доселе небывалую культуру. Именно это стремление было пищей, воздухом каждого московского человека, который направлял свои взгляды хотя бы немного в сторону от навязшей на зубах официальщины».

Брожение идей охватило московские сборища. Трудно сказать, какая часть его энергии перетекала в творчество, а какая «выгорала» в разговорах, но как бы то ни было, сами эти сборища были неотъемлемой частью культуры, той питательной средой, из которой произрастало все лучшее, что появилось в искусстве конца пятидесятых и в шестидесятых годах.

Местами сборищ служили в основном домашние «салоны», где встречались самые разные люди — поэты, художники, музыканты или ученые, но также всякого рода доморощенные философы, мистики и просто люди без определенных занятий. После стольких лет молчания и страха москвичи были одержимы страстью к общению: контакты завязывались на лету, единомышленников находили всюду — на закрытых концертах, поэтических вечерах, «в библиотечных курилках Ленинки и Исторички — в конце пятидесятых там еще можно было читать книги, позже попавшие в «спецхран»[2]. Круг общения мог бесконечно расширяться, но основой его всегда были тесные сообщества людей, скрепленные творческими, дружескими, а иногда и родственными связями.

Одним из таких центров притяжения московской интеллигенции стала небольшая «колония» художников и литераторов, поселившихся в Тарусе. Сюда в середине пятидесятых, после возвращения из сталинских лагерей, приехал поэт и художник А. Штейнберг, к которому затем присоединился также отбывший лагеря Б. Свешников. Вскоре из Москвы перебрались в Тарусу и сыновья А. Штейнберга, Эдуард и Борис. Недалеко от дома Штейнбергов поселилась семья К. Паустовского и семья переводчицы Е. Голышевой. Сведения о жизни «тарусской общины» мы находим в статье Галины Маневич, замечательного критика, жены Э. Штейнберга: «...К шестидесятому году Таруса превращается в центр культурной жизни... Н. Заболоцкий, Н. Я. Мандельштам, А. Цветаева-Эфрон и основное ядро писательского поколения шестидесятников... становятся завсегдатаями Тарусы. В Тарусу начинается паломничество молодых художников и поэтов. В 1962 году в Тарусе поселился Д. Плавинский. Его частыми гостями станут А. Зверев и А. Харитонов».

По словам Г. Маневич, поэт и художник А. Штейнберг «...выступал в то время как идеолог и просветитель молодых». Бывший выпускник ВХУТЕМАСа, «владевший живописной технологией старых мастеров», к тому же прекрасно знавший русскую поэзию и философию, он действительно был способен передать своему молодому окружению те знания, которых так недоставало родившимся в тридцатые годы.

М. Архангельский, «Новый Вавилон», 1973 год.

[1] Полностью статья Н. Тамручи напечатана в сборнике «Культура в современном мире». Выпуск 4. Информкультура. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Москва, 1990 год.

[2] Статья Г. Маневич, на которую здесь дается много ссылок, называется «Художник и время, или Московское подполье шестидесятых годов».

Н. Силис, «Утро, день и вечер». Триптих, 1970 год. Дерево.

О. Целков, «Автопортрет», 1969 год.

Не менее значительным было влияние Б. Свешникова, воздействующего на молодых и самой своей личностью, и своим искусством. Его чудом сохранившиеся лагерные рисунки А. Д. Синявский назвал «белым эпосом»: «Должно быть, зная за искусством это странное и благодатное свойство — захватывать и накапливать время, Б. Свешников в лагерных работах свел воедино (какая разница, если река не прерывается?) старину с нынешним часом, русскую вахту и каторгу с новшествами Калло, Ватто, Брейгеля, Дюрера, Гойи, создав в итоге длиннейшую по временной протяженности серию. Положенные на партитуру истории, на аллюзии мирового искусства, его рисунки растягивают, а графика в силу отпущенных ей от природы способностей все равняет... Это рассказ обо всем на свете и ни о чем в частности. Существа, живущие на рисунках, снятся сами себе. В который раз снятся»[3].

Видимо, не случайно в 1962 году в творчество молодого тогда Э. Штейнберга «войдет тема смерти — временного и вечного». К семидесятому году это метафизическое самоощущение реальности выльется в метагеометрические композиции, существующие на грани мистических идей русского символизма и пластических идей К. Малевича.

Хотя Б. Свешников, а затем и Э. Штейнберг переедут в Москву уже в самом начале шестидесятых, замес Тарусы сохранится в их дальнейшем творчестве и пустит достаточно мощные корни.

Другим местом паломничества москвичей примерно в те же годы стало Лианозово. На станции Долгопрудная, по Савеловской железной дороге, жил поэт, художник и педагог Е. Л. Кропивницкий. В его доме — Кропивницкий с женой, художницей О. А. Потаповой, и дочерью Валентиной занимали маленькую комнату в одноэтажном густонаселенном бараке — регулярно собиралась молодежь: приезжали бывшие ученики Кропивницкого (он вел детские поэтические и художественные студии в домах культуры), которые привозили с собой таких же, как они, начинающих поэтов и художников. Интересно, что молодое окружение Кропивницкого представило впоследствии совершенно иную линию в поэзии, чем их более знаменитые современники, которые прямо из стен Литературного института вышли на сцену Политехнического музея. В литературных кругах последователи Кропивницкого стали тогда известны как поэты «лианозовской школы» (И. Холин, Г. Сапгир, В. Некрасов).

На другой стороне железнодорожного полотна, в деревне Виноградово, жил художник Н. Вечтомов и снимал часть дома О. Рабин, так же, как Г. Сапгир, давний ученик Кропивницкого и близкий друг его семьи.

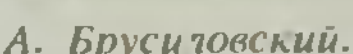
В начале пятидесятых О. Рабин женится на Валентине Кропивницкой, они получают в Лианозове комнату в одном из бараков, принадлежащих железнодорожному ведомству (для этого Рабин вынужден был пойти работать на железную дорогу).

Вскоре после этого происходит знакомство О. Рабина с художником В. Немухиным, его женой Л. Мастерковой и Д. Плавинским. В 1956 году возвращается из лагерей сын Кропивницких Лев, «однодел» Б. Свешникова. Все эти художники позднее и получили название «Лианозовской группы». В пятидесятые годы почти все они выставлялись на официальных молодежных выставках, куда, хотя и со скандалом, но все же брали работы художников, которые искали какие-то неортодоксальные пути в искусстве. Эти поиски протекали мучительно.

Все традиции были безвозвратно прерваны, «никто даже не пытался создавать запоздалые реминисценции футуризма или кубизма... О современном же состоянии мирового искусства не было почти никакой информации». Правда, летом 1957 года, во время знаменитого VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, была устроена международная выставка в ЦПКиО име-

[3] Цитата в цитате, приводимая Г. [illegible] без ссылки на источник.

А. Брусиловский.

Б. Жутовский.

Ф. Инфантэ-Арана.

И. Кабаков.

В. Калинин.

В. Колейчук.

Д. Лион.

И. Макаревич.

Публикуем портреты тех участников выставки «Другое искусство», которые активно работали для журнала «Знание — сила» в шестидесятые — семидесятые годы. Автор большей части фотографий — И. Пальмин

М. Гробман, «Дерево о трех крылах», 1966 год.

В. Бахчанян, «Пограничник», 1972 год.

В. Пивоваров, «Без названия». Триптих, 1976 — 1977 годы.

ни А. М. Горького. «Встреча с нефигуративной живописью на Международном фестивале в 1957 году, посещение павильонов культуры в Сокольниках на выставках США и Франции, развернутой персональной ретроспективы Пабло Пикассо произвели переворот в сознании поколения шестидесятых.

Сама возможность существования различных визуальных моделей мира, с одной стороны, с другой — эмоциональный нравственный бунт против единой, априорно навязанной пластической системы и, конечно, чувство солидарности с тем, что насильственно изгонялось из жизни отечественного искусства четыре десятилетия подряд, возвращало художникам ощущение личной свободы»,— пишет Г. Маневич.

Как замечает А. Ерофеев, «...выход в авангард является прежде всего этическим поступком... Коллективному обезличенному официозному художеству противопоставлялась любая, в том числе традиционная, но безусловно индивидуализированная форма»[4]. К середине шестидесятых практически у всех «лианозовцев» (и не только у них) сложилась своя, индивидуальная стилистика, исключающая возможность оставаться в числе тех, кто мог быть тогда допущен на подмостки официальной художественной сцены. Там отношение к авангарду было однозначным: его следовало не только не признавать, но решительно искоренять. Авангардист — это лицо, объявленное вне закона, существующее в культуре на нелегальном положении. «В подполье» никто не шел добровольно, в него попадали, как в капкан, те, кто по различным причинам оказывался отрезанным от официальных каналов создания и распространения искусства,— читаем мы у А. Ерофеева.— ...Агрессия окружения спаяла... противоположных по мироощущению художников в своеобразную форму братства, союза общей судьбы»[5].

Интересно, что об этом периоде никто не говорит как о времени появления новых течений в искусстве (какими в семидесятые годы станут концептуализм и соцарт), хотя формально многие художники, включая «лианозовцев», работали в области абстрактной живописи, например. И это не случайно. Художники шли к ней совершенно разными путями: скажем, Л. Кропивницкий выносил свою идею «драматического абстракционизма» еще в сталинских лагерях. О. Потапова обратилась к абстрактному искусству в шестьдесят пять лет как к сфере чистого художества, Д. Плавинского к абстракции привел интерес к органическим структурам...

Иными словами, у каждого абстрактная живопись получала свое, отличное от других, истолкование. Каждый исходил из своего видения, мироощущения, опыта.

Любой язык искусства в то время менее всего воспринимался как универсальный стиль, позволяющий выделить определенный круг его приверженцев и адептов. Скорее, он открывался как род знания, лично завоеванного художником и принадлежащего только ему. «Художники с каким-то удивлением смотрели на мир,— пишет Л. Кропивницкий.— ...Если прежде он был одним для всех, то теперь он стал для каждого особым. Каждый создал этот мир для себя...»

К стилю не стремились — он возникал, отражая жизнь индивидуального сознания в мире идей и форм.

И вряд ли стоит пытаться классифицировать все это искусство, прибегая к таким условным определениям, как «реализм», «абстракционизм», «сюрреализм» и прочее.

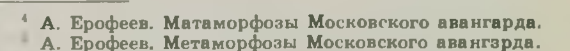
Однажды осенью 1958 года газета «Московский комсомолец» «прокатила» в отделе уголовной хроники творчество Оскара Рабина, обругав никому не известного художника «жрецом помойки номер восемь». В деревню Лианозово, где среди грязных бараков, собак и паровозов жил герой, повалил народ. Это было началом странной мировой известности Рабина.

Действительно, в доме Рабина по воскресеньям давно уже устраивались публичные показы работ, на которые съезжалось очень много людей. Здесь бывали И. Эренбург, С. Рихтер, Б. Слуцкий, А. Волконский, поэты-смогисты, не говоря уж о художниках и искусствоведах. Здесь демонстрировались произведения практически всех «лианозовцев», и эти воскресные вернисажи, собственно, и превратили Лианозово, по словам Г. Маневич, в своего рода культурный центр.

Домашние выставки в конце пятидесятых — шестидесятых регулярно устраивались немногими. Несколько персональных выставок — Д. Плавинского, В. Немухина, Л. Мастерковой, не считая М. Кулакова, чьи работы составляли постоянную экспозицию,— были организованы в квартире искусствоведа И. Цирлина; он снимал ее в бывшем особняке Ф. Шаляпина на Новинском бульваре. Примерно в то же время у режиссера А. Румнева выставлялись московские художники А. Зверев и А. Харитонов.

Эти, последние, заслуживают специального разговора. Дело в том, что ни Зверев, ни Харитонов формально не были связаны с какой-нибудь определенной группой, да и Плавинский, хотя и дружил с «лианозовцами», по-видимому, не отождествлял себя с их кругом. Но если по этой причине обойти их мол-

Окончание на стр. 93.

[4] А. Ерофеев. Матаморфозы Московского авангарда.
[5] А. Ерофеев. Метаморфозы Московского авангарда.

Ю. Соболев, «Срубленное дерево», 1972 год.

Ю. Соостер, «Лагерная жизнь»

М. Рошаль, В. Скерсис, Г. Донской, «Мы качаем красный насос», 1975 год. Рекламный щит.

В. Янкилевский, «Взгляд современности». Триптих № 11, 1974 год.

Статья доктора биологических наук С. Сперанского «Феномен Сарнова и что с ним делать» была опубликована в № 9, 1990. В редакцию пришло много писем и даже небольших статей, посвященных этой публикации. С некоторыми из них мы решили познакомить читателей.

«Значительный ученый — всегда диссидент»...

Трудно не согласиться с мыслью доктора биологических наук С. Сперанского о важности нетривиальных публикаций в научно-популярных журналах. Такие публикации особенно полезны в том случае, когда нетривиальные научные результаты могут быть использованы в различных научных дисциплинах, в технике, медицине и т. д. Журнал «Знание — сила» заслуживает всяческого поощрения за публикацию статей С. Сперанского хотя бы потому, что разработанный и кратко описанный им метод работы с мышами и другими животными может значительно улучшить достоверность результатов исследования во многих областях знания.

Однако заслуга популярного журнала, публикующего подобные серьезные статьи, не только в полезности информации для специалистов в разных областях знаний. Иногда такая публикация может быть единственной возможностью для автора выкрикнуть свою правду. И это, последнее, очень печально.

Наука в любой стране существует в форме социальной организации (иногда говорят — социального института). Независимо ни от страны, ни от характера (научная, религиозная, политическая или какая угодно) все социальные организации имеют много общего, в частности, принцип самосохранения. Об этом писал еще А. А. Богданов.

В сталинскую и послесталинскую эпохи сохранение социальных институтов в СССР обеспечивалось «сверху». Государство назначало и защищало начальство, начальство заботилось о порядке, о сохранении норм организации. С работы выгоняло преимущественно начальство. Поэтому, как ни парадоксально, многие советские ученые, хотя и подчинялись нормам профессии, внутренне чувствовали себя сравнительно свободно: ни генетики, ни кибернетики не подвергались остракизму.

Другое дело в Соединенных Штатах, обществе несравненно более свободном, чем тогдашний (не теперешний) СССР. Здесь оберегать эти институты «сверху» некому, и социальная организация нужна ее членам, потому что она их защищает. Например, Американская медицинская ассоциация (АМА) охраняет своих членов и от конкуренции, и от государства, стремящегося понизить цену здравоохранения, и от ответственности за человеческую смертность. АМА практически закрыла иностранным врачам возможность практиковать в США, она регулирует количество студентов в медицинских вузах. Она же создает нормы лечебной практики, и если врач лечит в соответствии с этими нормами, он не ответствен за смерть пациента. А в Америке любят судить врачей больше, чем где бы то ни было. В результате АМА, наверно, одна из наиболее консервативных социальных организаций во всем мире: за «порядком» следят сами ее члены.

Диссидент — это человек, который хочет изменить некоторые нормы социальной организации. Чем значительнее, обоснованнее и полезнее его предложение, тем более он опасен для социальной организации в ее существующей структуре. В этом смысл вольтеровского: «Лучшее — враг хорошего». В этом смысл парадоксальности социальной свободы. Вот почему значительный ученый, который, по определению, ломает сложившиеся нормы научных представлений, — всегда диссидент, или, как говорил А. Любищев, дилетант.

Профессиональные журналы — это органы профессиональных (социальных) организаций. Они, по определению, служат сохранению своих организаций, и потому во всем мире профессиональные журналы очень неохотно публикуют действительно революционные работы. Общий механизм отсева — апробация коллегами. Казалось бы, что плохого? Однако рецензенты — это ведущие специалисты, корифеи, хранители профессиональных норм. Изменение норм профессии угрожает не только целостности всей организации, но и им лично. Вот и не пропускают.

То, что С. Сперанский назвал «феноменом Сарнова», думаю, правильнее назвать действием закона сохранения социальной организации. Проблема же заключается в том, что консервативность находится в противоречии с эффективностью. Для эффективности нужна свобода. Свобода разрушает организацию, пугает ее членов. Организация становится консервативной, слишком неэффективной и вводит свободу...

А нужна гармония между эффективностью (свободой) и стабильностью, защищенная законом, который выше сиюминутных интересов большинства. Но это касается уже не только науки. Примером такого закона в идеале является Конституция США, которая защищает диссидента от большинства (первая поправка, в частности). Однако в реальной жизни закон не всегда работает. Так свободная пресса становится зависимой от рынка, борется за свой рынок и для этого ограничивает себя... интересами большинства, то есть того же рынка. А большинство, как мы убедились, не любит диссидентов. Хороший же научно-популярный журнал, как «Знание — сила», давая свободу талантливому автору, помогает профессиональной организации выйти из тупика неэффективности и тем самым помогает всему обществу.

Савелий САВВА,
директор Монтерейского института альтернативной медицины
Монтерей, Калифорния

От восторга до шока, или Глазами практика

Трудно усмотреть родство между психологией и токсикологией, пусть и гигиенической. Но, очевидно, в каждой отрасли науки рано или поздно возникает фигура такого ученого, который редуцирует порог в нашем восприятии непривычного.

Статья С. Сперанского «Феномен Сарнова и что с ним делать» вызвала у меня, психолога, сложную реакцию. А беспокоит вот что: как бы не осталось незамеченным и непринятым то, что нужно и заметить, и принять! Как бы феномен Сарнова не сработал в восприятии тех, кому прежде всего адресована статья С. Сперанского! Как бы та же удобная для восприятия легкость его языка не помешала увидеть значительность предмета его статьи!

Взять хотя бы сюжет об открытии феномена Сарнова. Было бы ошибкой расценить его как красную байку ученого. Речь идет о реальном психологическом явлении, чем и объясняется его универсальность. До статьи С. Сперанского это явление бытовало без собственного имени и без должного к нему внимания, тогда как у его «родного брата» с незапамятных времен есть имя — «истина устами младенцев»... В зеркально симметричном феномену Сарнова положительном явлении фигурировали бы не «младенцы», а «неофиты», «непрофессионалы» и просто «посторонние» люди, чье восприятие и мышление не сковано научными догмами, не предопределено модой и инерцией всех укоренившихся установок. У них больше возможностей, чем у профессионалов, заметить нечто, вопреки парадигме, или увидеть уже известное в неожиданном ракурсе. Проще сказать, их головы достаточно свободны для неординарных свежих мыслей.

Однако «феномен Сарнова» — имя для явления с отрицательным знаком: это утрата, происходящая под действием профессионализации качеств, профессионально же и необходимых. И прежде всего утрачиваются свобода мысли, непредвзятость суждения и непредубежденность отношения. Неизбежно ли подобное абсолютно для всех? Не думаю. И не это важно. Важнее вопрос, временна ли такая утрата или процесс необратим?

Он необратим лишь, когда на почве повышенной инертности психических процессов вырастает железная убежденность в безупречности собственного мышления. Но человек достаточно самокритичный, озабоченный состоянием своих когнитивных способностей, будет знать и помнить о феномене Сарнова, он сможет позаботиться о его предупреждении или устранении у самого себя и сможет помочь в этом отношении другим. И пусть мои коллеги-психологи не сетуют, что крестным отцом феномена оказался не профессиональный психолог, а биолог! Мы, к сожалению, тоже не застрахованы от действия феномена Сарнова! Нам остается лишь принять всерьез и с благодарностью предложенное С. Сперанским.

В моем беспокойстве шевелится надежда: а вдруг статья С. Сперанского окажется той магниевой вспышкой, которая, высветив феномен, поможет исправить его тяжелые последствия и предупреждать их в дальнейшем. «Тяжелые» — это не преувеличение.

Как-то в наш психоневрологический диспансер был доставлен (под конвоем!) и насильственно госпитализирован человек, занимавший пост начальника энергоснабжения в одном из областных городов. Предлогом для госпитализации послужили повторявшиеся жалобы на то, что он стал быстро уставать в своем кабинете после ремонта, а у его сотрудников во время летучек неизбежно возникала головная боль. Санэпидстанция по его просьбе взяла пробу воздуха и «ничего не нашла».

В подобных случаях госпитализированный не может доказать психиатрам, что он психически здоров (феномен Сарнова!). Нелегкая это задача и для психолога, даже если он располагает данными самых тщательных экспериментально - психологических исследований. В конце концов удалось добиться для этого человека освобождения от угрозы неснимаемого диагноза и от госпитализации. Но то, что уже вошло в его жизнь, неотвратимо искорежило его будущее и отразилось на судьбах его детей.

Аналогичные случаи — увы!— не единичны. Почти двадцать лет работая в «доме скорби», я вижу реальное действие феномена Сарнова в психиатрической службе, зависимость здоровья и судеб людей от результатов работы многих НИИ. Если бы мы могли устанавливать потенциал вредности того или иного материала, вещества, цвета, звука и т. п. в каждом конкретном случае, возможно, пошла бы на убыль и профессиональная склонность психиатров к гипердиагностике. Так что мне, патопсихологу, практическое значение открытия С. Сперанского, ставшее темой его докторской диссертации, трудно переоценить. Отсюда и радость, и надежда... Но вот что тревожит. С. Сперанский пишет: «Традиционная форма опыта и оценки результатов, неправильность которой доказана нами с полной очевидностью, продолжает существовать... повсеместно!»

И это — в науке! Отвергается то, чем просто и дешево обеспечивается оперативность и надежность! Значит, целая армия научных сотрудников как работала, так и будет работать? Вхолостую, а то и во вред людям! Значит, нам, практикам, так и не увидеть того, что мы ждем от науки?..

Да простится мне повышенная эмоциональность! Непосредственное участие в тысячах конкретных человеческих судеб с их болью, с многолетней непрерывной кумуляцией чужих страданий не могло не выработать обостренной чувствительности ко всему, что прямо или косвенно грозит бедой. Да и возможно ли принять спокойно этот нонсенс: статус ученого перекрывается позицией пассивного лабораторного обывателя?..

Закономерно, что журнал «Знание — сила» в наше многотрудное время обращается к нравственно-этическому облику признанных мыслителей и творцов науки. И в этом плане хотелось бы устранить в психологии читателей привычный барьер между наследием уже ушедших и тем, что дают и могут дать ныне здравствующие ученые. Вот сказал свое слово в науке и на страницах этого журнала бесспорно интересный исследователь, едва ли достигший апогея самореализации. Хочется верить, что признанный дар подобных людей будет должным образом оценен и принят «с легкой руки» вашего журнала.

Н. ЖУТИКОВА,
психолог
г. Новосибирск

Вальдорфская педагогика

То, о чем пойдет речь на этих страницах, можно назвать педагогическим новшеством только для нашей страны. Ведь вальдорфской педагогике уже семьдесят лет.

В 1919 году, в послевоенное трудное для Германии время, в Штутгарте открылась маленькая школа для детей рабочих фабрики «Вальдорф Астория», отсюда и название. Об истории первой вальдорфской школы написано немало интересных воспоминаний, некоторые из них сегодня опубликованы и у нас. Самым главным в школе было то, что она возникла по инициативе *родителей,* хотевших, чтобы их дети учились «не так». Не менее важно, что у ее истоков стоял Рудольф Штейнер — философ, ученый, исследователь творчества Гёте, создатель нового человекопознания, давший много новых импульсов не только в педагогике, но и в других областях практической человеческой деятельности — в медицине, сельском хозяйстве, искусстве.

Вальдорфское движение выросло из маленького семечка, той самой школы на табачной фабрике, как растет живое растение. За пятьдесят лет — около ста школ (правда, надо учесть, что на эти годы пришлась вторая мировая война, когда вальдорфские школы были запрещены в Германии). За следующие десять лет — еще примерно сто школ, и география их расширяется; еще десять лет — еще примерно триста школ во всем мире. В наши дни существует около пятисот школ и тысяча детских садов, а кроме того — множество учреждений лечебной педагогики, там учатся дети с нарушениями развития. Характерный признак вальдорфских школ: раз открывшись, они, за редчайшими исключениями, уже не распадаются и не закрываются. Они живут дальше, как веточки дерева, и каждый четверг во всем мире собираются вальдорфские учителя на учительские коллегии в своих школах и ощущают причастность к общему делу.

Ж. Шарден. «Мальчик с волчком».

Сегодня вальдорфская педагогика — это целый мир, в котором выходят журналы (иногда школы имеют даже собственные печатные издания), готовят новых учителей, течет бесконечно разнообразная и все же в чем-то существенном схожая жизнь. Встречаются большие школы в прекрасных зданиях необычной современной архитектуры, но вот создана школа в старом гараже, посреди района бедняков. Есть школы, несущие дух культурных традиций Средней Европы, есть школа в Японии, в которой празднуются буддистские праздники...

Попытки рассказать о внешней стороне жизни одной-двух школ неизбежно напомнят историю о трех слепых, описывающих слона. Тем не менее можно упомянуть о некоторых основных признаках — в надежде, что люди, всерьез заинтересовавшиеся вальдорфской педагогикой, на этом не остановятся, а станут смотреть глубже.

Самая главная фигура в школе — это «классный учитель», человек, который на протяжении восьми лет, с первого по восьмой класс, преподает все основные предметы: родной язык и литературу, живопись, математику, физику, зоологию, ботанику, историю, географию и т. п. Основные предметы преподаются «эпохами»: три-четыре недели — один предмет, затем другая «эпоха» — иной предмет. Это относится к «главному уроку» — два часа утром, каждый день. Затем, ближе к середине дня, дети занимаются искусствами — живописью, рисованием, музыкой, особой формой музыкального движения — эвритмией и иностранными языками. Все это, естественно, для разных возрастов по-разному. Очень много внимания уделяется ручному труду — от работы с мягкой непряденой шерстью в первых классах до обработки камня — в двенадцатом. Ручной труд во всех классах одинаков и для мальчиков, и для девочек. Школы и детские сады коллегиально самоуправляемы — директоров нет, как нет и никаких высших инстанций над ними. Оценки в школах отсутствуют, стандартные учебники тоже.

Ученики вальдорфских школ по окончании школы должны сдавать (правда, не во всех странах) экзамены наравне со всеми остальными учениками государственных школ — таково требование государства.

Восточная Европа, пережившая за последние один-два года буквально тектонические социальные сдвиги, не имевшая до того почти никакой возможности развивать эту уже прочно стоящую на земле и действительно свободную педагогику, спешит наверстывать отобранные у нее годы — школы возникают в Польше, Венгрии, Чехословакии, не говоря уж о бывшей Восточной Германии.

Как в сказке про волшебное колечко, которое нельзя ни купить, ни украсть — только получить в подарок от чистого сердца, свободную вальдорфскую школу нельзя создать искусственно никаким декретом и никаким властным усилием. Сколько бы ни мечталось о райской жизни для детей при взгляде на уже живущие школы в Европе или Америке, тому, кто хочет создать такую школу, нет другого пути, кроме как терпеливо и неспешно растить школу на том месте, где она должна быть.

У нас интерес к вальдорфским школам нарастает стремительно — по мере того, как появляются статьи, заманчиво рассказывающие об этой, прочно запрятанной до последних лет педагогике. Одна за другой рождаются отдельные инициативы — в Москве, в Ленинграде, в Иркутске, в Эстонии, Грузии, Армении, в Туве,— приезжают учителя и доценты учительских семинаров читают лекции, после которых остается извечный вопрос «что делать?».

1 октября 1990 года в Москве открылся Московский вальдорфский учительский семинар — первое учебное заведение такого рода в нашей стране*. Это значит, что люди, которые хотят стать учителями отечественных вальдорфских школ, могут теперь получить соответствующее образование не в Европе, а в Москве. Семинар пока очень невелик, но ведь и само вальдорфское движение начиналось с малого. Наверное, история движения впоследствии отметит эту дату — свободная вальдорфская педагогика в огромной части мира, обладающей невероятным духовным потенциалом, спустилась до земли и встала на землю.

Лекция Георга Кюлевинда была прочитана для студентов семинара — взрослых людей, объединенных общим стремлением и надеждой. И хотя все присутствующие на лекции были знакомы уже с вальдорфской педагогикой — кто год-два, а кто и гораздо больше, но и для них прочитанное явилось поразительным по цельности и глубине. Самая основа, которая часто остается неясной за бесконечным разнообразием внешних заманчивых подробностей школьной жизни, с той абсолютной простотой, которая есть лишь результат огромного пути, звучит в этой вводной лекции.

Лекция читалась на немецком языке и тут же устно переводилась на русский. То есть у слушателей было время воспринять каждую фразу, до какой-то степени «переварить» ее, увидеть самого лектора, его мудрую улыбку и точные жесты, задуматься над обращенным к залу вопросом — короче говоря, *пережить* эту лекцию. Если вы сможете прочесть ее так же, не торопясь, внимательно вслушиваясь в каждую фразу и вдумываясь в то, что за ней стоит,— это может дать вам не меньше, чем десятки книг по методикам и планам вальдорфских школ.

М. ШАСКОЛЬСКАЯ

* В Эстонии уже открыты три маленькие школы и, возможно, к моменту выхода этого номера журнала появятся еще где-нибудь, но подготовки учителей пока не было.

Г. Кюлевинд Школа сознания

У нас, к сожалению, только один вечер, и я хотел бы в этот вечер сказать о вальдорфской педагогике в более общей форме. Если вы размышляли над вопросом, что такое хорошая педагогика, то в результате, вероятно, пришли к выводу, что сказать это трудно. Потому что настоящая хорошая педагогика связана с потребностями времени — в двух различных смыслах. Во-первых, в различные культурные эпохи существовало разное понимание хорошей педагогики. Во-вторых, когда ребенок растет, хорошая педагогика должна расти вместе с ним.

В настоящую эпоху тоже можно найти старые педагогические методы. В дзэн-буддистском монастыре, например, вы увидите, что начинающий монах, послушник два года только работает в саду, чистит, убирает и т. д. Но пока он занят подобными делами, он *вблизи учителя,* мастера. В этом вся суть. Он может наблюдать за мастером, подражать ему — как он ходит, как берет чашку чая,— все, что видит вокруг мастера. Но это не внешнее подражание. Он изучает, каков мастер внутри, подражает ему внутренне. Так же подражает и хороший актер. Ведь хороший, настоящий актер не наблюдает в каждом отдельном случае подробности поведения, но у него развивается *чувство* — каков другой человек; и он знает, как этот человек будет смеяться, плакать, жестикулировать.

И вот ребенок так же подражает в течение приблизительно семи лет и еще немного позже. Хорошая педагогика для та-

кого возраста состоит в том, что при ребенке присутствует хороший человек. И это переносится на ребенка. С годами многое изменяется, ребенка надо научить писать, считать. Маленькие дети очень одарены. Каждый здоровый маленький ребенок необычайно одарен. Это можно видеть на примере того, как любой нормальный ребенок научается родному языку. Всем известно, как трудно изучить иностранный язык взрослому. Но здесь хотя бы уже есть родной язык и умение мыслить, думать. А представьте, что перед вами стоит задача выучить иностранный язык, когда у вас нет родного и вы не умеете думать. И ведь каждый ребенок это может! Вот почему я говорю, что он невероятно одарен.

Вопрос стоит скорее так: каким образом взрослые теряют способности? Куда уходит одаренность маленького ребенка и почему? Как сделать, чтобы она сохранилась для позднейшей жизни или хотя бы для ее части? *Это-то и есть цель вальдорфской педагогики.*

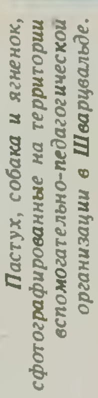
Обычная педагогика во всем мире совсем другая. Она рассматривает ребенка как маленького взрослого, который просто глуп и не умеет делать многое из того, что умеет взрослый. Поэтому такая педагогика старается сообщить «маленькому взрослому» как можно больше знаний.

А что, собственно, происходит, когда слишком рано хотят сообщить ребенку много знаний? Я поверну вопрос немного по-другому: как можно воспрепятствовать развитию способностей? Например, у ребенка есть математические способности. Как можно воспрепятствовать их раскрытию? У вас есть предложения?

Из зала: — *Надо заставлять его как можно больше заниматься математикой, причем все время проверять, хорошо ли он это делает.*

— Это приблизительно так, но можно еще более ярко сформулировать.

Пастух, собака и ягненок, сфотографированные на территории вспомогательно-педагогической организации в Шварцвальде.

Рисунок и музыка — обязательные элементы воспитания в вальдорфских школах.

Из зала: — *Давать материал в наиболее усложненной форме.*

Из зала: — *Давать в очень сухом виде эти цифры, без всяких образов, оторванными от жизни.*

— Это прекрасные предложения. Но широко используется вот такой способ. Математика развивалась долгое время. И очень надежно можно подавить математические способности ребенка, преподавая ему при изучении математики только последнее слово. То есть не проходить с ним все то развитие, которое прошла математика.

Вопрос: — *Понятно, что это плохо. Но есть противоположный ход. Ребенку, например, начинают давать аксиоматику Евклида. Или изучение языкознания начинают с самых древних языков — латыни, древнегреческого.*

— Это тоже распространено и тоже плохо, но не столь ужасно. Я продолжу, и, может быть, моя мысль будет вам яснее. В антропософии мы говорим о том, что живем в эпоху души сознательной. И особенность души сознательной состоит в способности человека наблюдать процессы, протекающие в его собственном сознании. С маленьким ребенком невозможно говорить о процессах, происходящих в его сознании, о мышлении, о слове и т. д. У него нет еще души сознательной. (В настоящее время душа сознательная начинает проявляться довольно рано — в 8—10 лет.)

И душа сознательная принесла много плодов. Так, современное естествознание — ее плод, хотя и не самый лучший. Чтобы заниматься естествознанием, нужно иметь определенную развитость душевной жизни. Например, нужно достаточно хорошо мыслить. Наука в свою очередь породила технику. Многие люди пользуются различными аппаратами. Вот, скажем, утюг. Однако знает ли домашняя хозяйка, пользующаяся им, как он устроен? Или знаем ли мы, как изготовляется ванна? Мы окружены вещами, мы используем их, но не представляем, как они сделаны и что составляет их сущность.

Сравним эту ситуацию с той, что существовала в эпоху Петра Великого. У него тоже была ванна, но, по всей вероятности, деревянная. И глядя на нее, на простое деревянное корыто, человек знал, как оно сделано, хотя бы приблизительно. Ныне люди приобретают готовые вещи и не задумываются о том процессе, который привел к этому результату — конкретной вещи. Мы, так сказать, одаряемся плодами души сознательной. Иными словами, мы не проходим того пути, который привел к развитию души сознательной. Это значит, что мы живем как бы *в плохой школе.*

Основной принцип вальдорфской педагогики начинает прилагаться уже тогда, когда ребенок получает куклу, свернутую из простой салфетки. У нее есть голова и какое-то тело. А все остальное, что еще есть в человеке и что можно видеть в кукле, доверено фантазии ребенка. И для ребенка подобная ситуация нормальна. По сути дела ему и этого не надо — можно дать просто, к примеру, кусок дерева, и ребенок прекрасно будет с ним играть и скажет: это ведьма. И он способен даже испугаться ее. Только взрослый не должен говорить: нет, у тебя просто кусок дерева. Ребенок это и так знает, но у него есть фантазия. В следующий момент тот же кусок дерева станет лошадью, а взрослый и не заметит этого.

В России есть прекрасный кукольник Образцов. Он много раз бывал в Будапеште, и я был поражен его искусством. У него много вещей сложных в техническом отношении, но меня увлекло другое. Он взял простой деревянный шарик с дыркой и надел его на палец. И это стало ребенком. Он спеленал его, спел ему, ребенок заснул, проснулся, надо было менять ему пеленку... Потом тот же шар сделался злой собакой, и артист «сдерживал собаку», чтобы она не укусила зрителей, кормил ее и т. д. Это — как в вальдорфской педагогике. Сущность ее — *никогда не давать что-то готовое.* Не говорят: дело обстоит вот так, и это надо выучить. Дается очень мало, и ребенок должен сам восполнить остальное — фантазией, мышлением, чувством.

Со временем я вообще пришел к идее, что мир создан по принципам вальдорфской педагогики. Просто мы того не замечаем. Я имею в виду теорию познания Штейнера. Я не буду ее сейчас объяснять, но на одном примере попытаюсь сделать понятной для вас.

Представьте, у вас есть хорошая, содержательная книга, к примеру, изречения Будды, Библия, может быть, «Философия свободы» Штейнера. Мы читаем ее, что-то понимаем и на время откладываем. Через года два начинаем читать снова и восклицаем: «Я никогда не читал эту книгу!» Но мы видим в ней свои пометки... Однако теперь она говорит нам совершенно другое. Не потому, что мы забыли свое прежнее понимание: просто способность понимания повысилась. Снова читаем книгу, откладываем, а через два года берем ее опять. Раньше этого предложения не было... И так повторяется десять, двадцать раз.

Б. Ермолаев, шкатулка «Первомайский праздник в Палехе», 1975 год.

Что же составляет действительность книги? Каждый раз мы думаем: вот оно! Ведь черным по белому написано... Но при новом чтении книга говорит иное. И опять с пеной у рта мы утверждаем: вот содержание! Когда подобное происходит в пятый раз, мы уже не совсем уверены. Мы на опыте убедились: что-то с этой действительностью не так, она меняется. Меняется в зависимости от того, как мы ее понимаем. Что-то в нас восполняет ее.

Из чего состоит книга? Для тех, кто не умеет читать,— из бумаги и краски, что-то черненькое на бумаге. Кто немного научился читать, тот видит буквы. Кто умеет больше — найдет слова, затем предложения и т. д. Действительное содержание книги зависит от того, насколько мы ее можем дополнить. Это суть штейнеровской теории познания. Ничего другого.

Мир восприятий, в котором мы живем, природа — такая же книга. Мы способны прочесть в ней не очень много. Мы можем назвать в ней какие-то «буквы» — дуб, береза, трава, медведь, волк. Буквы. Больше ничего. Постепенно мы, быть может, научаемся прочитывать больше. Тогда, встретив человека, который видит камень, растение, слона, мы скажем: ты еще не научился читать то, что существует на самом деле. Здесь нечто другое.

Итак, мы живем в окружающем мире, как в вальдорфской школе. То, что к нам приходит «неготовым», мы должны восполнять. И чтобы лучше понимать, мы должны все больше восполнять из нас самих. Почему мы не замечаем этого? Мы делаем мало усилий, чтобы стремиться лучше понимать. Если человек остановился на буквах, ему не приходит в голову, что их можно сложить в слова. И мы не осознаем, что мы постоянно восполняем — скажем, понятиями. Вот почему вальдорфская школа — не что-то выдуманное. *Это естественное воспитание, потому что так устроен мир.*

Если вы это понимаете, вы понимаете, почему уроки в вальдорфских школах проходят именно так. Чтобы вникнуть в их суть, нужно еще знать, как в ребенке связаны между собой мышление, чувство и воля. У взрослых познание протекает по большей части в мышлении. У ребенка не так. И у древних народов тоже. И у тех народов, которые живут сегодня, как древние. Например, в Бразилии еще встречаются народности, у которых «чувствующее» отношение к природе. Они очень близки природе. Если спросить такого индейца, как выглядит лист дуба в сравнении, скажем, с листом розы, он не знает. И нарисовать не сможет. Как же — ведь он так близко с природой живет! Почему?

Из зала: — *Зачем ему это рисовать, когда он в этом живет?*

— Он чувствует. Мы способны узнать дерево, например дуб, только посмотрев форму листьев, кору. Индеец же подходит ближе и чувствует: дуб. Нечто подобное происходит у детей, когда они рисуют дерево. Можно сказать: ребенок недостаточно хорошо наблюдает. И это действительно так. Он воспринимает что-то существенное. И это совсем не реалистично.

Плохой педагог скажет, что рисунок нехороший, неточный. И рисунки древних народов похожи на детские. Выделяется именно что-то характерное, остальное дополняется фантазией, чувством. Внутренне он знает, о чем идет речь. Это разумное чувство. Оно не оторвано от мышления. В таком чувстве растворено мышление. В ходе развития мышление высвобождается из чувства, но очень важно, когда и каким образом. Вот почему в первые годы преподавание ведется так, чтобы понимание сопровождалось чувством. Точнее, *понимание должно быть ведо́мо чувством.* Поэтому в вальдорфских школах много занимаются искусством. Именно в искусстве мы понимаем чувством, взрослые тоже. Одним лишь мышлением нельзя ни создать, ни понять произведение искусства.

В вальдорфской педагогике по сравнению с другими методами разделение чувства и мышления задерживается. Иногда это немного пугает родителей, поскольку дети позже начинают читать и писать. Родителям лучше знать о подобных вещах заранее. Для ребенка это означает, что он дольше живет в чувстве звуков, букв, слов, предложений.

Наблюдая ребенка, который только научился или учится говорить, вы заметите, что он обращается со словами, как с реальными предметами. Играет с ними, создает свои собственные. Удивительно, но «сочиняя» их, он делает это вполне в соответствии с грамматическими и фонетическими законами родного языка. По словам, созданным ребенком, можно судить, какие они — русские, немецкие или венгерские.

Законы языка строги: об этом много известно, но дети-то этого не знают, однако сохраняют их. Один пример. В венгерском языке слово не может начинаться с двух согласных. И венгерский ребенок *не создаст* слово с двумя согласными вначале. Это великолепно! Это чувствующее отношение к языку, к речи, к слову. Оно тотчас исчезнет, если ребенок рано учится читать, писать и т. д.

Вопрос: — *Есть методика, по которой рано учатся читать и писать. Говорят, результаты хорошие.*

— Это хорошо, лишь когда преследуется цель — научить абстрактно мыслить. Подобная методика дает только результат, не процесс. Наше письмо алфавитное. Ему предшествовали другие формы — в картинках, например. А здесь развитие от картинок до алфавитного письма у ребенка отнимается.

Такое воспитание с подчеркнутым интеллектуализмом имеет значительные последствия. Мышление быстро освобождается от разумного чувства, о котором мы говорили. Чувство это становится неразумным. И тогда всем известно, что происходит. Рождается эгоизм, не чувствование, обращенное вовне, а чувство самого себя. Последствия особенно заметны после полового созревания — пустынная духовная жизнь.

Если же это высвобождение протекает медленно и позже, то чувство не остается без мышления. Остается резонанс в чувстве для истины, для первичных интуиций человечества — истины, красоты, добра. Если мышление покидает чувство, силы, содержащиеся в чувстве, уходят в область подсознательного, того, что в психологии называется бессознательным.

Вопрос: — *Как поступать, если ребенок в два с половиной года спрашивает, что это за буква? Отвлекать внимание?*

— Можно назвать букву. Не надо отвлекать внимание, если оно естественно,— пусть ребенок наблюдает. Вообще возникают большие проблемы, когда родители не знают сути вальдорфской педагогики. Тогда они могут вне школы делать с ребенком то, что не соответствует духу вальдорфской педагогики. Вот почему перед основанием вальдорфской школы надо долго работать с родителями будущих учеников.

Школа — это не только учителя и ученики, это и родители. У нас много публичных лекций. Моя первая задача — как можно сильнее испугать родителей. Я говорю: если вы отдали ребенка в вальдорфскую школу, это для вас еще бо́льшая авантюра, чем для ваших детей. Не думайте, будто, устроив ребенка в вальдорфскую школу, вы можете ничего не делать с ним дома. *Родителям предстоит учиться больше, чем детям.*

Еще проблема — соседские дети. Они в первом классе хорошо читают и пишут, много смотрят телевизор, у них — необыкновенные игрушки, например кукла с закрывающимися глазами, и т. д. Родителей еще можно как-то воспитать, но соседей!.. Эта проблема тоже падает на плечи родителей. Должен ли ребенок ходить в гости к соседям? Запрещать нехорошо. Но там он усядется перед телевизором...

Что делать? Родители должны больше времени проводить с детьми. Рассказывать хорошие сказки, петь, музицировать. Тогда ребенка не будет притягивать к себе телевизор, а позднее — рок-музыка. Если в школе или семье не позаботились ввести в обучение хорошую современную музыку, ребенок в определенном возрасте обязательно увлечется рок-музыкой. Ребенок с музыкальными способностями, воспитанный на Шуберте и Чайковском, обязательно впадет в это увлечение. Избежать его можно, только давая хорошую современную музыку: тогда рок будет скучен. Но даже когда ребенок увлекся рок-музыкой, не надо делать из этого трагедию. Если он хорошо воспитан, то со временем все пройдет.

Вопрос: — *Что такое хорошая современная музыка?*

— Шостакович, Прокофьев, много есть современных хороших композиторов. Барток. Его цикл «Микрокосмос» — школа игры на фортепьяно от начала до первого концерта. Кто занимался на таком материале, не увлечется рок-музыкой. Это известно по опыту...

Несколько слов об учителе. Педагогика есть инструмент. Если я не умею играть на скрипке, зачем мне скрипка Гварнери? То же и с педагогикой. Вальдорфская педагогика ничего не может без хорошего учителя. Вот сейчас господин Штёклин* заткнет уши, а я вам скажу по секрету...

Господин Штёклин, заткните, пожалуйста, уши.

Если бы я был отцом и выбирал школу для своего ребенка, то выбрал бы государственную школу, где гениальный учитель первого класса, а не вальдорфскую, где учитель первого класса слаб. Идеал, конечно, гениальный учитель в вальдорфской школе.

У гениального учителя есть способность. Не знания, а именно способность. То, что он изучает в семинаре, он потом не должен все время припоминать. Знания изменяются, трасформируются в способность. Подобные вещи можно сравнить с умением писать, мы же не вспоминаем при письме того, что делали, когда этому учились. Учителю нужно быть в известной степени ребенком, точнее — снова стать им из собственной сознательной работы. Что это за работа? Есть методы преподавания, но очень хороший венгерский педагог сказал: нам необходимы не методы, а установки. Однако такие установки лишь тогда станут реальностью, когда за ними стоит личность.

Гениальный учитель должен уметь импровизировать. Знать, что́ нужно каждому ребенку в данный момент. И о любом предмете знать, как преподавать его, чтобы не нарушить способности ребенка. Этому можно научиться только на практике. В нашей вальдорфской школе я наблюдал подобное у одной учительницы. До начала преподавания она была столь скромна и неуверенна, что я боялся, справится ли она с работой. Но начав, она развила такую способность к импровизации, на какую я и не надеялся! Позже я прочел у Штейнера (текста нет, поэтому цитирую приблизительно): ваше знание не пригодится, если в начале года вы знаете, *как* преподавать. Удача придет, если во время учебного года вы поймете, что это такое — хорошо преподавать. А с начала другого года все должно начаться заново.

Что ждет вас как вальдорфских учителей? Если вы станете хорошим учителем, вы никогда в духовном смысле не уйдете на пенсию, никогда не скажете: я уже знаю, как надо. Этого никогда нельзя знать. Конечно, надо заниматься методикой, но методы необходимо забыть, чтобы они превратились в способности. Если выводя каждую букву, человек вспоминает, как она пишется, значит, он еще не научился писать.

Существует важная вещь, которой я хочу закончить. Воспитывая учителя, мы много занимаемся искусством. Я бы вообще не стал называть это учительским семинаром, скорее — воспитанием учителя. Но наряду с ним существует и школа сознания. Она необходима по трем причинам.

Первая состоит в том, что сознание современного человека нездорово, поскольку мышление оторвано от чувства. А значит, больны и чувство, и воля. Вторая причина: проходя школу сознания, человек развивает интуицию. У него возникает больше творческих идей. Есть еще и третья причина: приобретение познаний более высокого рода.

Но мы должны быть скромными людьми — и говорим, что занимаемся упражнениями для оздоровления своей внутренней жизни и развития интуитивных способностей. До сих пор только в немногих учительских семинарах по вальдорфской педагогике занимаются этими упражнениями практически...

Вот то, что я хотел сказать вам. Я желаю вам успеха. ●

* Феликс Штёклин (Швейцария) — преподаватель живописи и немецкого языка, проработавший в вальдорфских школах много лет.

А. Баранов,
кандидат филологических наук

Необходимость свободы или свобода справедливости?

Кривое зеркало идеологии, в которое самозабвенно смотрелось наше общество на протяжении более чем семидесяти лет, треснуло. Но другого зеркала еще нет, и все попытки «перестроить» общественное сознание наталкиваются на неосознаваемое, но совершенно явное сопротивление социума. Осколки идеологического зеркала — представления о мире равенства, где одни «более равны, чем другие»,— больно ранят нас. Хорошо ли мы понимаем, каково устройство общественного сознания? Из каких структур оно состоит? Что движет нами в обществе «тотального дефицита»? Мир языка — вторая действительность, и взгляд лингвиста оказывается в ряде случаев наиболее удобным способом проникновения в общественное сознание, позволяющим прогнозировать его дальнейшие изменения.

Анализ современных публицистических текстов и материалов политических дискуссий свидетельствует: есть отчетливая тенденция противопоставлять свободу равенству и справедливости. Недавно проведенное исследование, выполненное в Институте США и Канады АН СССР*, показало, что если справедливость и равенство фигурируют как важнейшие ценностные категории более чем в трети выступлений делегатов первого Съезда народных депутатов СССР, затрагивавших проблемы ценностей, то свобода в точном смысле — истинная свобода, свобода личности — встретилась лишь в пяти-шести выступлениях (из приблизительно двухсот), а «свобода печати», «свобода мнений», «суверенитет республик» и прочее — в десятой части выступлений. В остальных случаях основное внимание обращалось на законность, дело, дисциплину (чуть менее трети выступлений) и альтернативность выбора (приблизительно шестая часть выступлений). Если учесть, что и законность, и дисциплина тяготеют к справедливости, то подавляющий приоритет справедливости и связанных с нею категорий оказывается абсолютно очевидным.

Наиболее часто это противопоставление обосновывается тем, что равенство и справедливость как идеал общественный имеют более глубокие корни в русской культуре (основной аргумент — концептуальный мир русской общины), чем идеал индивидуальной свободы, связываемый в нашем сознании скорее с идеей анархии и бунта, чем с прочной демократической традицией. Не будем вдаваться в тонкости исторической аргументации (тем более что можно припомнить, например, и идеи вольности, не менее ярко выраженные в русской культуре), зададимся «детским» вопросом: а что, собственно, подразумевает современный политизированный наш язык под категориями свободы, с одной стороны, равенства и справедливости — с другой? Вопрос тем более не праздный, что любой политический язык пользуется одними и теми же словами и стоящими за ними понятиями (в том числе ценностями) для обоснования совершенно различных действий.

Ценности, которые мы обсуждаем

В нашем политическом мышлении равенство и справедливость часто выступают в обличье «социальной справедливости», и само это определение «социальная», невольно заставляя с подозрением относиться к обычной, «не социальной» справедливости, безошибочно связывает идею равенства людей с распределением благ.

Такое — распределительное — понимание справедливости-равенства без труда вычитывается в типичных схемах аргументирования на съезде: «поскольку есть и у других, то и у нас должно быть», «поскольку мы голосуем один раз, то и другие должны голосовать один раз», «Я не знаю, что хочет московская делегация, но есть квота, и все должны ее придерживаться», «если одни депутаты часто выступают в средствах массовой информации, то и мы должны часто выступать в средствах массовой информации», «Почему Адамович, Шмелев выступают чаще, чем другие депутаты?», «Мы производим больше всех, а получаем меньше всех!». Магия равенства побуждает к парадоксальным утверждениям типа «Все депутаты равны — все удостоены доверия, нет ни умных, ни дураков».

* Баранов А. Н., Сергеев В. М. Структура дискуссий на Первом съезде народных депутатов СССР: свобода или справедливость? Москва, 1989 год. Препринт доклада, представленного на советско-американский симпозиум по взаимозависимости.

Справедливость и равенство позволяют не только требовать, но и защищаться от обвинений. Для этих случаев типично использование риторических фигур, основанных на идее равенства в плохом: «Да, я плох, но и другие не лучше», «Я замешан, но и другие замешаны», «Все несут ответственность за это, и я, конечно, тоже». Вот весьма характерное рассуждение: «Я и другие работники партийных, советских и правоохранительных органов несут ответственность за такое положение». Распределение порций зла на всех по принципу равенства не только снимает ответственность за зло, но и нивелирует само зло, ставя его в один ряд со стихийными бедствиями.

Иными словами, действия, которые мы склонны оценивать как справедливые и несправедливые, касаются перемещения от одного человека к другому или сохранения некоего ресурса — от добра и зла, от политических прав до метража жилплощади. Легко выделить и основные «строительные блоки» этого «мира справедливости»: субъект распределения (тот, кто осуществляет распределение ресурса), адресат распределения (тот, кто получает ресурс или его отдает), ресурс распределения (материальные и духовные блага, власть и т. п.) и, наконец, параметр распределения — то, по какому принципу происходит распределение ресурса. А два понимания равенства — «пусть у меня будет то же, что и у тебя», «пусть у тебя будет то же, что и у меня» — отражают исходные позиции человека по отношению к ресурсу. При недостатке ресурса в первом случае выражено пожелание разделить материальные блага, а во втором — их отсутствие. Именно поэтому категория «социальной справедливости» в условиях неустойчивости экономической жизни и дефицита ресурсов заставляет общественное сознание выбирать только разрушительное понимание равенства: «пусть тебе будет так же (плохо), как и мне».

Таким образом, социальная справедливость — это не что иное, как текстологический вариант справедливости при распределении особо дефицитных ресурсов. Ничего специфически «социального» в нем нет. Пока мало кто говорит о социальной справедливости применительно к рутинным покупкам, например спичек, однако распределение квартир, машин, дачных участков явно нуждается в установлении социальной справедливости. (Правда, динамика развития экономических и политических процессов в нашем обществе такова, что за время подготовки этой статьи в сферу дефицита попали уже и спички. Вполне может статься, что к моменту публикации в этой сфере окажутся все ресурсы, поддерживающие биологическое существование человека, все больше и больше подтверждая «диагноз» нашему общественному устройству, поставленный ему замечательным русским философом С. Франком: «Социализм есть мировоззрение, в котором идея производства вытеснена идеей распределения...»)

И до тех пор, пока именно такое понимание равенства — как дележа ресурсов — будет приоритетно для нашего общественного сознания, не остается в нашей жизни сколь-нибудь реальных шансов *равенству возможностей*. Или — что то же — *равенству свобод каждой личности*, когда можно говорить о состоянии истинной свободы, направленной исключительно во внутренний мир человека. Увы, свобода в истинном смысле весьма экзотична для нашего общественного сознания и далеко не всегда отвечает нашему социальному опыту. И, может быть, поэтому психологический механизм вытеснения категории истинной свободы из политического сознания столь же прост, сколь просто она «устроена».

Истинная свобода не допускает компромиссов — либо она есть, либо ее нет, или она переходит в качественно иную форму. Истинная свобода плохо вербализуема. О ней заходит речь лишь в том случае, когда возникает угроза ее потерять. И здесь уже появляется возможность подменить истинную свободу ее суррогатом — внешней свободой — и сопрячь с идеей

«...поскольку есть и у других, то и у нас должно быть».

«...поскольку мы голосуем один раз, то и другие должны голосовать один раз».

«Социализм есть мировоззрение, в котором идея производства вытеснена идеей распределения... Душа социализма есть идеал распределения... Моральный пафос социализма сосредоточен на идее распределительной справедливости»

С. ФРАНК

Эдуард Гороховский, «Враги народа», 1988 год.

«Я не знаю, что хочет московская делегация, но есть квота, и все должны ее придерживаться».

«...если одни депутаты часто выступают в средствах массовой информации, то и мы должны часто выступать в средствах массовой информации».

справедливого распределения. То есть в этой ипостаси свобода уже становится ресурсом и получает цену, тогда как истинная свобода бесценна. Превратив же истинную свободу в ресурс, ее можно отдать, подарить, даровать, обеспечить, отнять, отобрать, передать в другие руки и т. д., то есть «социально справедливо» распределять, как табак, мыло, автомобили, дачи... (Так свобода, кстати, и становится осознанной необходимостью, реально воплощенной во всем известном философском откровении. И, видимо, только очевидная, саморазоблачающаяся абсурдность уберегла нас от официальной формулы: «Приговорить гр. Петрова к лишению осознанной необходимости сроком...», хотя однажды мы вплотную подошли к ней — вспомним «юридический» термин времен военного коммунизма: «высшая мера социальной защиты».)

Ценности, которые нам выбирают

Высокий рейтинг справедливости и равенства — отражение совершенно специфической идеологии справедливости, захватившей значительную часть других ценностных категорий,— справедливость для нас уже не только распределение, но и истина, правда, способ жизни. «Совершенно справедливо» — говорим мы, имея в виду «правильно», «истинно». Гипертрофированный ценностный статус справедливости способствует живучести целого ряда мифов общественного сознания, то и дело воскрешаемых в политических дискуссиях. Один из таких мифов — образ врага.

Справедливость и внешняя свобода оказываются сходными в том, что требуют существования внешнего врага: в первом случае это враг всей ситуации справедливого распределения, а во втором — враг реализации желаний и намерений.

На этом сходство справедливости и свободы кончается, так как семантический мир истинной свободы в принципе не допускает появления внутренних врагов: в этом мире практически нет места влиянию социума. Но для существования мифа большего и не требуется — сделано главное: высокий социально-политический статус справедливости поглотил категорию свободы, сведя ее к свободе внешней, и уже ничто не мешает нашему сознанию видеть все сложности на пути социального, политического и экономического развития общества — вне зависимости от того, соответствует ли это действительности или нет,— в происках врагов «социальной справедливости».

Такая мифология позволяет даже построить классификацию внутренних врагов: новейший враг справедливого распределения периода перестройки — «административно-бюрократическая система» — проходит по статье врага-субъекта распределения, а «кулаки», «врачи-убийцы», современные кооператоры, «эгоисты рабочие», относятся к врагам-адресатам. В образе «врагов народа» и «малого народа» (в терминологии И. Шафаревича) объединены и субъекты, и адресаты распределения. Реальная жизнеспособность мифа о внутренних врагах в очередной раз подтверждена на Втором Съезде народных депутатов СССР, длительно обсуждавшем проблемы борьбы с преступностью, что, разумеется, отодвинуло на задний план задачи социального переустройства нашего общества и в том числе вопрос о собственности.

Вот почему, приступая к анализу ценностей в политических дискуссиях, мы должны ясно представлять себе, что нам следует искать реальное содержание ценностной позиции говорящего. Во всяком случае, когда читаешь в интервью одного члена Верховного Совета СССР: «Да, я всегда буду против: они хотят свободы для себя, а я — справедливости для всех!», трудно не вспомнить предостережение Вольтера: «Они пользуются мыслью, чтобы обосновать свои несправедливости, а словами — для того, чтобы скрывать свои мысли».

Заметим, что искажение может быть как намеренным, так и невольным. В этом смысле поиск истинных ценностей говорящего вполне сопоставим с поиском улик при раскрытии преступления. Содержание ценностей и связанных с ними слов до сих пор представляется обычному человеку неясным, эфемерным и часто вызывает невольное чувство опасности, поэтому воспользуемся другим путем, протоптанным еще в Древнем Риме и определяющим направление поиска преступника: «Кому выгодно?» «Кому выгодно» эксплуатировать веру в «справедливое» распределение, скрывая в высказываниях истинный смысл высказывания?

«Почему Адамович, Шмелев выступают чаще, чем другие депутаты?»

«Мы производим больше всех, а получаем меньше всех!»

«Все депутаты равны — все удостоены доверия, нет ни умных, ни дураков».

«Земля у нас богата, порядку только нет»,— не без ехидства констатировал классик. Представление о том, что все хорошо, вот только порядку не хватает, введем порядок (читай: установим правильные принципы распределения, проконтролируем) — и все будет замечательно, совершенно естественно вписывается в идею социальной справедливости. Средством наведения порядка — еще одной мифологемы общественного сознания — видится глобальный контроль: контроль над распределением, контроль над распределяющим и адресатом распределения, контроль над контролирующим контролера распределения, контроль над распределяемым ресурсом и т. д. Стремление ко всеобъемлющему учету и контролю поддерживается и идеей равенства — равное, унифицированное, легче контролировать и учитывать. Именно поэтому особенное, специфическое, выделяющееся из общей массы часто вызывает раздражение и воспринимается общественным сознанием как опасность.

Порядок и социальная справедливость, поддерживая друг друга, образуют устойчивую понятийную молекулу, сопротивляющуюся малейшему чужеродному влиянию. В мире «справедливости и порядка» невозможно даже ставить вопрос об их существовании, а это выводит за рамки обсуждения саму ситуацию распределения. В такой модели мышления выход из кризиса видится лишь в бесконечном улучшении принципов распределения, в «ускорении» (непонятно чего и как), в неограниченном «совершенствовании механизмов» (распределения, учета и контроля) и т. п. Излишне говорить, что ценность «свобода» не имеет никаких точек соприкосновения с идеей такого «порядка».

«Вот приедет барин — барин нас рассудит»,— зафиксировал другой классик естественную логику обыденного сознания. Вера в справедливого субъекта распределения (государя, вождя, начальника и т. п.) абсолютно необходима для существования мира, заключенного в координаты «справедливости и порядка», в противном случае рушится вся схема распределения, основанная на признании теми, кто получает, полномочий того, кто контролирует и дает. И в этой ситуации идея справедливости естественно трансформируется в патернализм (вспомним: «отец народов», «лучший друг советских физкультурников»), парализующий любую инициативу тех, кто получает. И наоборот, семантический мир свободы не совместим ни с верой в субъекта, ни с мифологемой патернализма.

Как видим, доминирующее положение справедливости обеспечивает живучесть перечисленных мифологем общественного сознания, а живучесть мифологем, в свою очередь, обеспечивает высокий общественный статус «социальной справедливости». Фактически этот замкнутый круг стал идеологической и моральной основой различных форм карточного распределения среди «равных и более равных», которые, возникнув сразу после Октябрьской революции, в куда более усложненных формах (справедливость — дело тонкое!) продолжают существовать и по сей день, несмотря на деятельность многочисленных комитетов и комиссий по привилегиям.

Ценности, которые нам нужны

Не будем обманываться. Дело не в том, что справедливость сама по себе плоха, а в том, что не одной справедливостью жив человек. Попытки установления справедливости всегда

«Да, я всегда буду против: они хотят свободы для себя, а я — справедливости для всех!»

для кого-то будут несправедливостью, поскольку невозможно выбрать такой принцип распределения, который удовлетворит всех. Гибкость и жизненность общественного организма прямо связаны с плюрализмом ценностных категорий, и категория свободы — одна из тех ценностей, которые могут помочь избавиться нашему общественному сознанию от весьма опасных мифологем, влекущих общество в пучину бесконечного распределения и перераспределения и превращающих государство в осажденную крепость — в единственный «форпост справедливости» в этом лучшем из миров, или, как выразился один публицист, в «последний незамутненный источник справедливости». В таком государстве-крепости все вопросы мироздания уже решены — язык в нем нужен не для познания действительности, не для диалогов, а для поддержания идеологического «статус кво».

Таким образом, вслушавшись в политический язык эпохи застоя с позиций сегодняшнего дня, можно сделать вывод о его чисто ритуальном характере. Важно было не столько содержание того, что говорится, сколько форма и сам факт произнесения, подтверждавшие статус кво — дальнейшее развитие «развитого социализма» — и создававшие впечатление незыблемости системы. Роли и реплики такой политической коммуникации уже заранее определены: с одной стороны руководство и докладчик, а с другой — другое руководство (рангом пониже), группа скандирования, аплодисменты, переходящие в овации, и прочее.

«...дело делать — это не с кафедры красивые слова говорить».

Перестроечные процессы, затронувшие в первую очередь сферу социальной коммуникации, вдруг привели к осознанию очевидного: оказалось, что с избирателями надо разговаривать на обычном человеческом языке. Проблемы политики неожиданно стали проблемами чисто лингвистическими и культурными. Неумение логично и доходчиво излагать свои мысли (а может быть, и желание их сокрыть), с одной стороны, и откровенно неуклюжие попытки языкового манипулирования общественным сознанием, а часто и просто недостаток образования — с другой, привели к явному падению общественного престижа некоторых групп политических деятелей. Столь неожиданный поворот привел в замешательство тех политиков, которые резко противопоставляли слову дело, и вызвал очередную волну антиинтеллектуализма. Нас всерьез стали убеждать, что «дело делать — это не с кафедры красивые слова говорить».

«Настоятельно прошу оградить меня от этих интеллектуалов...»

Антиинтеллектуализм, увы, весьма характерен для нашей политической культуры (или бескультурья?). Он ведет к диалогу глухих, когда упреки жителю Москвы, баллотировавшемуся в Удмуртии, вызывают обвинения в оскорблении национального чувства удмуртского народа. Однако приверженцам антиинтеллектуализма следует иметь в виду, что время политических ритуалов уже проходит и любое дело в демократическом обществе невозможно без слова. Вне диалога нет общественного согласия, а вне согласия трудно рассчитывать на преодоление существующего кризиса при любой перспективе, и можно только посочувствовать тому народному депутату РСФСР, который на первом же съезде воскликнул: «Настоятельно прошу оградить меня от этих интеллектуалов...»

Мы стоим у колыбели русского политического языка новой эпохи, отличающегося от новояза брежневских времен ориентацией на естественное человеческое общение. И сейчас особенно необходим постоянный — в первую очередь личностный — «лингвистический мониторинг», отделяющий ритуал и политическую мифологию от языка новой политики и нового мышления, оперирующего не «псевдоименами» типа «воля народа», «всенародное обсуждение», «регулируемый рынок», «личная собственность», «ответственность и деловитость», за которыми ровно ничего не стоит, а реалиями нашей жизни — проблемами приватизации собственности, экономической и политической свободы, права, демократии и плюрализма.

«Дымящийся» гриб

Род почвенных грибов-звездовиков насчитывает около пятидесяти видов. Эти грибы относятся к дождевикам. Кому, например, у нас не известен «дедушкин табак»! На снимке — один из звездовиков, произрастающих в Северной Америке. Как только в середину гриба ударят крупные капли дождя, в воздух тут же поднимутся тысячи микроскопических спор. А это значит — род продолжается.

Цвета наших успехов

Успехи и неудачи имеют разные цвета,— утверждает Карлтон Вагнер, консультант по окраске автомобилей компаний «Шевроле», «Дюпон», «Мерседес-Бенц». И ему можно верить, поскольку он изучал реакцию людей на различные сочетания цветов. Вот некоторые из наблюдений Вагнера.

Если вы идете к начальнику просить о повышении зарплаты, лучше всего надеть темно-синюю или серую юбку либо брюки и белую блузку или рубашку. Это сочетание создает деловой вид и впечатление серьезного отношения к своей работе.

Появляясь в отделе кадров учреждения, куда собираетесь поступить на работу, вновь отдайте предпочтение серому, темно-синему или бежевому. Не забывайте, что яркие цвета сделают вас очень выделяющимся и излишне независимым в глазах окружающих.

Больные люди, которых вы намереваетесь посетить, лучше всего воспринимают розовое. Впрочем, годится и сочетание черного с каким-нибудь ярким цветом, интенсивность которого еще более подчеркивается черным. В такой ситуации избегайте размытых цветов и особенно маслянисто-желтого, который чисто психологически усиливает беспокойство больного.

Когда женщина стремится привлечь внимание мужчины, ей может помочь палитра ярких тонов или загадочно черное одеяние с красными аксессуарами — шаль, пояс, туфли... Мужчина же имеет больше шансов понравиться дамам, если предпочитает светло-синие тона или бордо.

ЕСТЬ ЛИ У ВАС ФАНТАЗИЯ?

Бурное время, в которое мы живем, наполнено событиями, еще год назад казавшимися чистой фантазией. А сейчас мы уже фантазируем о чем-то другом, каждый по-своему. Так что объекты фантазии меняются, но важно, что человек продолжает фантазировать. Это можно проверить на себе, впрочем, не принимая результатов слишком серьезно (как в любом тесте), если ответить «да» и «нет» на следующие вопросы и суммировать соответствующие баллы.

	Да	Нет
1. Занимаетесь ли вы рисованием?	*2*	*1*
2. Часто ли грустите?	*1*	*2*
3. Когда рассказываете какой-нибудь подлинный случай, прибегаете ли к вымышленным подробностям для украшения?	*1*	*0*
4. Проявляете ли инициативу в работе?	*2*	*1*
5. Размашистый ли у вас почерк?	*1*	*0*
6. Руководствуетесь ли вы в одежде больше собственным вкусом, чем модой?	*2*	*1*
7. Когда скучаете на совещании, рисуете ли одни и те же фигурки?	*0*	*1*
8. Когда слушаете музыку, возникают ли у вас образы, связанные с мелодией?	*1*	*0*
9. Любите ли писать длинные письма?	*2*	*1*
10. Снятся ли вам иногда необыкновенные сны?	*1*	*0*
11. Представляете ли себе место, в которое стремитесь попасть, но знаете его только по рассказам знакомых?	*1*	*0*
12. Часто ли плачете в кино?	*1*	*0*

14—16 баллов: у вас буйная фантазия. Если сумеете умело ею воспользоваться, жизнь может стать гораздо богаче и принести много радости также и людям, окружающим вас.

9—12 баллов: ваша фантазия — не из самых слабых, и только от вас зависит, сумеете ли вы ее доразвить.

5—8 баллов: вы — реалист, не витаете в облаках. Но дефицит фантазии еще никому не навредил.

Б. Хазанов

История безответной любви

Определяйте слова, сказал один мудрец, и половина споров станет ненужной. Русское слово «интеллигенция» не имеет эквивалента в западноевропейских языках; хотя оно более или менее точно воспроизводит латинское слово intelligentia, которое встречается еще у авторов первого века, смысл его существенно иной. Интеллигент в России — совсем не то, что на Западе — интеллектуал.

Что же именно? К сожалению, — а может быть, к счастью, — совет Декарта в нашем случае невыполним. Полистав словари, убеждаешься, что в определениях, притязающих на научность, исчезло что-то очень важное. Это «что-то», возможно, и составляет душу интеллигенции. Ибо интеллигенция, это странное порождение русской жизни, не может быть описана ни как чисто социальный, ни как чисто культурный, ни как вполне психологический феномен. Если представить себе общественную группу, которая противопоставила себя обществу, если представить культурный слой, стремящийся разрушить культуру, если, наконец, представить себе партию, у которой нет лидера, нет устава, нет политического влияния и политических полномочий, если вообразить некий орден, чуждый всякой дисциплины и организации, то, может быть, мы приблизились бы к пониманию интеллигенции.

Но не проще ли сказать: интеллигент — это судьба. Удовлетворит ли кого-нибудь такая дефиниция? Если бы мы имели возможность опросить русских образованных людей разных эпох, что они думают о себе как об общественной группе, получили бы мы одинаковый ответ? И все же общим для всех было бы убеждение, что для того, чтобы понять, что значит быть интеллигентом в России, надо им *быть*, совершенно так же, как понять Россию можно, только если в ней живешь. Итак, согласимся, в определение интеллигенции входит невозможность дать ей четкое определение, и выразим скромную надежду, что смысл и природа русской интеллигенции, величие и ирония ее судьбы хотя бы отчасти станут яснее для нас, если из темных дебрей нашего опыта мы оглянемся на ее прошлое.

В черновиках стихотворения Пушкина «Памятник» упомянуто имя Радищева. Этого человека можно считать родоначальником русской интеллигенции.

Александр Николаевич Радищев, напечатавший в 1790 году «Путешествие из Петербурга в Москву» на домашнем печатном станке, поплатившийся за это смертным приговором и помилованный императрицей, которая заменила виселицу ссылкой в Сибирь, был первым русским писателем послепетровской эпохи, чья точка зрения на положение в стране радикально разошлась с точкой зрения правительства. Под фразой, открывающей его книгу: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала», могли бы подписаться все поколения интеллигенции; внуками Радищева, сознавали они это или нет, были и дважды умерший на эшафоте Рылеев, и эмигрант Герцен, и Некрасов, и Достоевский.

* Борис Хазанов. Идущий по воде. Статьи и письма. Издательство «Страна и мир», Мюнхен, 1985 год.

П. Я. Чаадаев.

К. С. Аксаков.

Если Радищев был дедушкой интеллигенции, то ее отцом стал Петр Чаадаев. От первого она унаследовала сочувствие угнетенным; второй научил ее философствовать. Чаадаев — загадочная фигура, его биография — это чередование пятен света и тени, бо́льшая часть его рукописного наследия исчезла, а оставшиеся сочинения даже в России известны немногим. Единственный сохранившийся портрет изображает российского европейца двадцатых годов, надменного щеголя в высоких воротничках, с бритым моложавым лицом и сверкающим черепом. Блестящий гвардейский офицер, герой войны с Наполеоном, Чаадаев внезапно оставил службу и укатил в чужие края. В Эрлангене он подружился с Шеллингом и вел с ним долгие беседы, в Париже встречался с Ламенне, в Риме стоял в толпе, благоговейно взиравшей на «священного старца в тройной короне». Спустя несколько лет он вернулся в Москву, где вел жизнь одинокого чудака-философа, изредка появляясь в салонах и смущая светскую публику желчными парадоксами. Когда в середине тридцатых годов один московский журнал напечатал его «Философическое письмо» — первый из цикла опытов об историческом пути России, автор был объявлен сумасшедшим, журнал закрыт, а издатель сослан.

С тех пор почти восемьдесят лет ничто из написанного им не появлялось в подцензурной печати. Перед революцией, когда цензурные ограничения были сняты, сочинения Чаадаева вышли в свет, но в СССР он вновь состоит как бы под негласным запретом. Это легко понять. Советский патриотизм сороковых, пятидесятых или даже восьмидесятых годов мало отличается от патриотизма николаевской выделки, впечатляющую декларацию которого мы лишь теперь можем оценить по достоинству: «Прошлое России величественно, ее настоящее великолепно, что же касается будущего, то оно превосходит все доступное самому дерзкому воображению». Между тем Чаадаев, по крайней мере в первом «Письме», поставил России едва ли не самый безнадежный диагноз. Эта страна выпала из мировой истории. Существование нации, подобно жизни отдельного человека, должно иметь какой-то высший смысл, у народов и государств есть свое назначение, которое реализуется в их истории. Наследница «гнусной» Византии, Россия отлучила себя от великого человеческого единства, каким представлялся философу западноевропейский мир, и обречена на затхлое бездуховное существование где-то на обочине столбовой дороги, по которой шествуют цивилизованные народы. Ее история бессмысленна. Ее прошлое позорно, настоящее малосимпатично, а будущее более чем сомнительно. В России историю поглотила география. Таков был, по выражению Осипа Мандельштама, «строгий перпендикуляр», проведенный Чаадаевым к извечной славянской мечте о золотом веке, будто бы достижимой ценой прекращения истории и самодовольной уверенности, что Россия сама в себе — целый мир.

Стоит заметить мимоходом, что такой взгляд на тысячелетнюю святую Русь как на

«Салон Елагиных». Рисунок Э. Л. Дмитриева-Мамонова.
Слева направо: Д. М. Свербеев, Д. А. Валуев, В. А. Панов (сидит спиной), И. В. Киреевский (за столом), А. С. Хомяков (читает), А. А. Елагин (хозяин; сидит в кресле), К. С. Аксаков (с поднятой рукой), С. П. Шевырев и В. А. Елагин (стоят друг против друга), А. Н. Попов (стоит, заложив руки в карманы), бульдог Фомка, П. В. Киреевский (с трубкой).

Миниатюра «Византийский герб». На листе изображен герб Византии — двуглавый орел с короной и с заключенной в круг монограммой династии Палеологов.

страну без собственной культуры и цивилизации был не только нов, но, что существенней, вовсе не обязательно означал, что на этой стране надо поставить крест. В памятной записке Лейбница, поданной на имя Петра Первого, где великий немец, одинокий и уставший от европейских интриг, излагал план развития просвещения и науки в России, указывалось как на особое преимущество на ее нетронутость цивилизацией: здесь можно строить наново, на пустом месте и, следовательно, в самом лучшем и современном исполнении; тогда как Европа, отягощенная грузом прошлого, вынуждена лишь латать и подновлять старое. Как бы ни отнестись к такому заявлению, сколько в нем веры в Россию, в ее будущее! Но явление Чаадаева, этого юноши-старика, само по себе опровергало тезис о доисторической девственности России и отсутствии у нее культурного самосознания: такие мыслители приходят скорее для того, чтобы подвести баланс прошлого, нежели для того, чтобы возвестить о будущем. Более поздние из дошедших до нас «Писем» говорят о том, что Чаадаев нащупывал какие-то пути из тупика. Кажется, он считал желательным, чтобы Россия примкнула к католицизму. Порой сквозь отчаяние у него прорываются совсем другие ноты: неожиданная и горделивая уверенность в том, что Бог уготовил России особое, еще неведомое будущее.

Не станем углубляться в чаадаевскую, далеко не расшифрованную метафизику истории; достаточно сказать, что «Философические письма», как и другие сочинения (например, записка для графа Бенкендорфа, написанная в 1832 году в связи с запрещением журнала «Европеец»), обозначили момент, начиная с которого русская мысль устремилась по двум магистральным руслам. От московского отшельника берут начало западничество и славянофильство — два взаимоисключающих варианта русской идеи, или, лучше сказать, два рецепта спасения страны. В том, что эту страну надо «спасать», что в ней что-то неладно, новорожденная интеллектуальная этика не сомневалась, и это, может быть, составляло ее главную отличительную черту. С той поры две веры то и дело сталкивали друг с другом два стана интеллигенции.

Сейчас очень трудно говорить об этих двух направлениях, отрешившись от наших сегодняшних представлений. Концепцию западничества можно условно назвать «французской», ибо она питалась идеями французских просветителей XVIII века; от них она восприняла идею социального прогресса, понимаемого как постепенное приближение к идеалу народоправства, равенства сословий, свободы и суверенности человеческой личности. В столице Петра на берегу Невы стоит памятник царю-преобразователю — всадник в лаврах, с рукой, простертой к горизонту. Там, за стрелкой Васильевского острова, — золотой полог зари. «Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?» Разумеется, «там» — на Западе! Просвещение народа, отмена крепостного права, конституция. Пока еще мало кто отваживался договорить до конца, что все это значит: что народоправство несовместимо с самодержавием, равенство сословий означает ликвидацию сословий, а суверенитет личности осуществим в этой стране лишь ценой разрушения всей системы вековых институций и ценностей. Прежде надо было решить главный вопрос.

Точку зрения славянофилов, у которых было много общего с романтиками Йены и Гейдельберга, можно назвать «германской». В этом смысле их источники были свежее. Сама же концепция выглядела нарочито архаической. Поэт, философ и историк Алексей Хомяков рассказывал, как однажды в детстве он читал папскую буллу и нашел ошибку. Он спросил у гувернера, который учил его латыни и греческому: можно ли считать папу римского непогрешимым, если он делает орфографические ошибки? Этот анекдот, если угодно, скрывает в себе зерно будущего отношения славянофилов к Западной Европе. (К славянофильству восходит и столь распространенная среди русской интеллигенции манера рассуждать о «Западе» in toto, по-русски говоря — чохом, смело обобщая весьма разнообразные явления и вынося за скобки все, что отличает немцев от французов, французов — от итальянцев, континентальных жителей — от англичан; нигде, быть может, единство и целостность Европы не чувствуют так отчетливо, как в России.) Стихи Хомякова хорошо выражают это отношение: «О грустно, грустно мне! Ложится тьма густая на дальнем Западе, в стране святых чудес...» Ассоциация Западв с закатом, угасанием, упадком напрашивается сама собой. Одновременно с Кьеркегором Хомяков видит тупик, в который зашла рационалистическая мысль: этот тупик — философия Гегеля, наиболее очевидное свидетельство разложения отвлеченного, оторванного от основ бытия рассудка. Гегелевское «абсолютное знание» о духе есть самоубийство духа. Истинное знание о мире, постижение его последней тайны лежит по ту сторону логики. Оно требует всех способностей человека: в нем соединены непосредственное восприятие мира, «разумная зрячесть» и вера в Бога. Западному человеку такая полнота знания, такая открытость миру давно уже не под силу. Почему? Потому что Запад отпал от живой веры, от восточного христианства.

Как и у западников, за точку отсчета новой русской истории принимается реформа Петра; но она представляется стихийным бедствием, свалившимся на мирную, благодатную, истинно христианскую и в высшей степени своеобычную страну. Реформа расколола русское общество, породив оторванное от национальной почвы культурное меньшинство, она стремилась привить нации чуждые ей формы жизни, разрушить самое

дорогое — целостное жизнеощущение. Но, слава Богу, народ не поддался этой заразе. К народу, хранителю сказок и песен, носителю самобытной религиозности, нужно вернуться, ибо западные нормы общественной и государственной жизни не пригодны для России — у нее свой путь.

Символом западничества был Петербург, российское окно в Европу, изумительный город, построенный русскими мужиками среди финских болот, под руководством итальянских и французских архитекторов. Город туманов, влажных ветров, несущих дыхание Атлантики, с прямыми летящими проспектами, гранитными набережными и мостами, с классической стройностью и барочным великолепием Зимнего дворца, чугунным ангелом, обнимающим латинский крест на вершине Александрийского столпа, и золотым шпилем Петропавловской крепости, стерегущей морские ворота России от шведов. Символом славянофильских упований, напротив, оставалась старая Москва, древняя столица князей, полувосточная красота которой поразила Наполеона, Москва, сгоревшая и отстроенная заново, чья прихотливая, чувственная, органически национальная женственность как бы противостояла военно-дисциплинарному, мужскому и официальному духу Петербурга; город невысоких домов и кривых запутанных переулков, в белой кипени яблонь, в крестах бесчисленных монастырей, город, где в неширокой реке, огибающей кремлевский холм, отражаются башни с орлами и за зубчатой стеной грозно блещут купола соборов, похожие на древнерусские шлемы; город, чьи улицы, расходясь лучами, продолжаются в почтовые тракты, исчезая в бескрайних просторах России. Сравнение и противопоставление двух столиц, являющих собой как бы два лица национального мифа, на протяжении всего девятнадцатого века было излюбленной темой русской журналистики, зачином и рефреном вечного спора о двух стезях развития России.

В дальнейшем дороги славянофилов и западников разошлись еще круче: одна линия вела к реакционному православно-монархическому почвенничеству, другая — к революционному терроризму «Народной воли». Но не зря автор «Былого и дум» сравнил «наших» и «не наших» с византийским орлом, у которого было две головы, смотревшие в разные стороны, на Запад и на Восток, а сердце билось одно. У поклонников Европы и апологетов русской самобытности было куда больше общего, чем им казалось. Это общее предопределило стиль мышления, равно свойственный людям, чьи идейные расхождения подчас достигали такого накала, что каждый мог воскликнуть, как Белинский: «Я жид по натуре и с филистимлянами рядом не сяду!» Теперь они все сидят рядом, за одним столом, все равно дороги нам, но можем ли мы сказать, что нам безразлично, из-за чего они ломали копья?

Тогда-то и сложился окончательно тип русского интеллигента, в кружках московских юношей сороковых годов, питомцев университета, перед которым и сейчас еще стоят почернелые фигуры Герцена и Огарева; тогда сформировался его нравственный и психологическй облик, который с поразительным постоянством, напоминающим постоянство биологического генотипа, воспроизводился в каждом следующем поколении и черты которого сохранились и в сегодняшних русских интеллектуалах, вопреки всему, что постигло страну. Очертить этот тип можно, в известной мере игнорируя историю, ибо дать систематический очерк эволюции русского общественного самосознания и его носителя — интеллигенции — в краткой статье невозможно. И дело не только в недостатке места. Если можно говорить о смысле истории, то он должен находиться вне самой истории. Русский интеллигент XIX века, каковы бы ни были его взгляды на исторический процесс, всецело ощущал себя внутри этого процесса. Вместе с тем интеллигент был единственным человеком, для которого поиски смысла жизни были едва ли не дороже самой жизни и разгадка смысла истории — важнее истории. Ему не приходило в голову, что он сам был воплощением этого смысла, который выделила из себя — чтобы не сказать «извергла» — русская жизнь. Здесь заключена суть того, что объединяло людей разных поколений и делало похожими друг на друга бойцов враждебных станов. Но, будучи носителями символа, они по необходимости оказывались отлученными от реальной истории, они были лишними, ненужными в этой стране, которая медленно, но неотвратимо двигалась навстречу туманному будущему, не слыша их заклинаний и не принимая их жертв. Таков парадокс русской интеллигенции, вытекающий из ее природы; такова драма ее судьбы.

Мы должны представить себе интеллигенцию и «интеллигентность» не только как особый тип сознания, но и как особый образ жизни. Русский интеллигент выработал свои формы общения и быта, вне которых представление о нем становится отвлеченным.

Рассказ Тургенева о том, как он посетил больного, задыхающегося, пылко разглагольствующего Белинского, стал хрестоматийным. В разгар спора входит хозяйка дома, чтобы пригласить гостя к столу. «Постойте, куда же вы? — восклицает Белинский. — Какой обед, если мы не решили главного вопроса — есть ли Бог?..» Предания в этом роде стали своего рода клеймами, окружающими лик русского интеллигента. Одержимость главными вопросами — его отличительная черта, но не менее характерны для него и способы решать эти вопросы, и уверенность, что это можно и нужно сделать сейчас, немедленно, и обстановка, в которой он это делает. Русский интеллигент как будто на всю жизнь остался студентом. Карьера его не интересует. Он крайне нерасчетлив,

О. Рабин. «Пьяная кукла». 1972 год.

«не умеет жить», вечно сидит в долгах. Его темноватая, небогато обставленная квартира не прибрана, всюду валяются книги. Хозяин неряшлив и ведет довольно безалаберный образ жизни. Все здесь делается кое-как — кое-как едят, кое-как спят. Любимое времяпровождение — сидение в тесном кругу друзей до поздней ночи, за стаканом остывшего чая или рюмкой водки, в густом папиросном дыму,— и бесконечные словопрения.

О чем здесь говорят, волнуются, кричат до хрипоты? Все о том же. Уходят годы и сменяются поколения, но темы не меняются. Россия и Запад, наука и вера, история, Бог, народ. Есть что-то угнетающее в этом бесконечном коловращении русской мысли — и что-то трогательное, почти героическое, словно кучка людей толчется на краю обрыва. Словно каждое поколение оставляет следующему одни только вопросительные знаки, гипнотизирующие интеллигента, сохраняющие для него необъяснимое очарование и странную актуальность. Русский интеллигент склонен к смелым, часто скоропалительным обобщениям, он мыслит широкими категориями, прозаическая работа мысли — осторожный анализ, неторопливое взвешивание всех «за» и «против» — ему не по вкусу. Объекты действительности в его уме превращаются в яркие, почти художественные образы; сам того не замечая, он тяготеет к гиперболизациям и упрощениям. Загипнотизированный идеей или охваченный праведно-разрушительным пафосом, он не слушает возражений. Релятивизм и европейский вкус к компромиссу вызывают у него отвращение. Западные учения и теории усваиваются на лету, в виде суммы конечных выводов, мгновенно и решительно принимаются на веру либо столь же безапелляционно отвергаются. История становится историософией, философия превращается в философствование. Религия, искусство, мораль — все валится в одну кучу. Все это придает мышлению русского интеллигента черты неотразимого очарования и какого-то неистребимого дилетантизма. Но надо

понять его роль и место в обществе, чтобы оценить значение этих ночных диспутов, оценить роль интеллигентских кружков в развитии русской мысли и культуры.

Русский интеллигент одинок. Это, можно сказать, его главный признак, его фатум. Он видит себя как бы на узкой полоске ничейной земли. Но если враждебность правящей бюрократии, этих каменных уступов власти, кажется интеллигенту чем-то само собой разумеющимся, то равнодушие и непроницаемость огромного и живущего внеисторической жизнью народа составляет для него источник недоразумений и страданий.

Причины его одиночества, его неприкаянности в собственной стране понять нетрудно. Преобразования Петра не изменили традиционного — централизованного и авторитарного — характера политической власти в России. Напротив, они его укрепили, сотворив в качестве придатка к феодальной аристократии чиновную бюрократию, причем этот придаток становился все более могущественным. Условием такой власти могло быть только полное и безоговорочное отстранение огромного большинства нации от управления страной. Это отверженное большинство называлось в России народом. Величайшей и незыблемой опорой бюрократического режима была согнутая в три погибели, широкая и способная вынести все на свете спина русского крепостного мужика: этот Антей стоял, расставив ноги в лаптях, и смотрел вниз — в землю. Он олицетворял производительные силы страны, он кормил своим трудом и помещика-землевладельца, и чиновника-бюрократа, и интеллигента. У двух первых это обстоятельство не вызывало угрызений совести; такой порядок казался им естественным. Зато интеллигенту было горько и стыдно. Слишком очевиден был контраст, зрелище социальной несправедливости слишком бросалось в глаза, чтобы русский интеллигент, воспитанный в школе европейского просвещения и либерализма, мог спокойно предаваться ученым или литературным занятиям, служить на государственной службе, наконец, просто жить в свое удовольствие. Надо было что-то делать с этой страной или хотя бы вопрошать себя и других: что делать? Вести разумный и равноправный диалог с властью было невозможно — интеллигенция познала это на собственном горьком опыте. Но и те, о ком она радела, ее не слышали и не понимали. Нечего было и мечтать о том, чтобы разговаривать на равных с крестьянином, чей образ жизни и мировоззрение почти не менялись на протяжении нескольких веков.

(Для характеристики численного соотношения между образованной частью общества и народом можно напомнить, что еще в 1895 году, в начале последнего царствования, четыре пятых населения России были неграмотны. В деревне жило около 85 процентов населения. В девяти русских университетах обучалось 14 тысяч студентов*.)

Так чуть ли не с самого начала интеллигенция осознала тягостную двойственность своего положения. Она сделалась не только мыслящим мозгом общества, но и его больной совестью. Совесть — незваный гость; будучи органической частью общества, интеллигенция оказалась в конфронтации с ним. В итоге — русская интеллигенция, все помыслы которой были устремлены к родной стране, повисла в воздухе. В этом состояло то, что Георгий Федотов назвал сочетанием идеализма с беспочвенностью. Положение интеллигентов в России до смешного напоминало положение чуждого и окруженного всеобщей подозрительностью этнического меньшинства. Они и говорили на непонятном для всех языке, и вели себя не так, как все. Попытки «слиться» с народом оканчивались плачевно. Когда юные славянофилы сороковых годов, следуя своим убеждениям, обрядились в «исконно русское» платье, народ на улице принимал их, по свидетельству мемуариста, за персиян. Когда весной 1874 года интеллигентная молодежь двинулась «в народ» и сотни, если не тысячи, петербургских студентов и курсисток, переодетых крестьянами, под видом мастеровых разъехались по деревням, чтобы открыть глаза народу на его бедственное положение, мужики сначала слушали их с недоумением, а потом стали доносить на них властям, и в конце концов вся рать борцов за народное благо, мальчики и девочки очутились в полицейских участках и острогах.

Разумеется, интеллигенту и в голову не приходило винить в подобных недоразумениях простой народ. Лишь изредка он давал волю своей горечи и раздражению. («Нация рабов, снизу доверху все рабы», — вырвалось однажды у Чернышевского.) Но господствующее настроение было иным. Существует некая доминанта просвещенного русского сознания — ее не назовешь иначе, как культ простонародья. Этот культ наложил печать на всю русскую культуру XIX века — живопись, музыку и, конечно, литературу; примеры его бесчисленны. Тургенев признается, что его единственное утешение в дни невзгод и печальных дум о родине — русский язык, и добавляет: но такой язык мог быть дарован только великому народу. Знаменитого романиста не смущало то, что этот народ не в состоянии читать его книги и даже не подозревает об их существовании.

Достоевский рассказывает, как в детстве его, перепуганного мальчика, успокоил и приласкал мужик Марей — сильный и добрый крестьянин, шагающий в поле за плугом; это воспоминание вырастает в некий символ, и мужик Марей под пером автора «Дневника писателя» превращается в мифологическую фигуру. В «Анне Карениной» Левин косит траву вместе с крестьянами, и чувство, которое овладевает им и передается читателю, можно сравнить с чувством верующего, когда он причащается святых тайн. Между Толстым и Достоевским не было ничего общего; друг о друге они отзывались сдержанно и никогда не встречались. Но в одном они были заодно, и это было тем, что объединяло всю интеллигенцию. Поразительно, до какой степени единодушны были в своем поклонении народу люди разных убеждений, бойцы всех станов, и западники, и почвенники, и реакционеры, и юные республиканцы, и замшелые монархисты. И автор «Кому на Руси...», и автор «Выбранных мест из переписки с друзьями». И Рахметов, и Шатов. И Лев Толстой, и полубезумный Федоров. Поразительной была эта уверенность, что именно русский простой народ, пусть нищий, пусть невежественный, владеет сокровенной истиной, что только у него надо учиться праведной жизни. Только здесь, в темной избе, где на деревянной лавке, накрывшись тулупом, лежит уставший за день крестьянин, на печи спит его семья, а в углу, перед почернелым ликом византийской Богородицы, всю долгую ночь мерцает неугасимая лампада, — только здесь приютилось подлинное христианство.

Мы должны с особым вниманием задержаться на этой точке интеллигентского сознания, потому что она повлекла за собой неожиданные последствия. Впрочем, такие ли уж неожиданные? «Коль любить, так без рассудку!» — восклицает граф Алексей Константинович Толстой. Достоевский признавался, что во всем он доходит до крайности, до предела; это очень русская черта. Русский интеллигент не довольствовался выражением сочувствия трудовому люду. Его исступленный демократизм принял, по крайней мере у многих и лучших, самоубийственный характер; его безнадежная любовь влекла его к мученическому венцу. Сострадание к униженным и оскорбленным, желание хоть чем-нибудь им помочь вылились в готовность распять себя во имя любви к своему кумиру, принести в жертву народу все ценности, которыми владел интеллигент. Другими словами, они обернулись враждой к культуре.

Поистине здесь кроется какое-то вековое недоразумение, сдвиг понятий, не постижимый для иностранца. Уважение к человеку труда, прежде всего к крестьянину — всеобщему кормильцу, к нелегкой жизни, которую он ведет, сочувствие к бедняку превратилось в этой стране во что-то совсем другое, стало источником самобичевания и поклонения тьме. Русская жизнь позволяет понять этот сдвиг. По-видимому, в Европе не существовало столь глубокой пропасти между рабочим людом и людьми духа, не было такого антагонизма между трудом и культурой. Нигде так остро не чувствовали, что читать умные книжки, спорить и рассуждать — стыдно, когда рядом с тобой кто-то вкалывает с утра до ночи; нигде труд не был таким проклятием, нигде он не был так прочно соединен с нищетой, нигде, кроме как в России, не было такого навязчивого сознания, что если ты не встаешь засветло, не всовываешь руки в дырявое тряпье и не плетешься на каторжную работу, не пашешь, не сеешь, не надрываешься, не роешь своими ногтями каналов и на своих костях, как на шпалах, не прокладываешь железные дороги, если ты ничего этого не делаешь, то потому, что кто-то делает это за тебя, и, значит, ты со своими книгами — дармоед и захребетник. Ни в какой другой стране стыд, сознание неоплатного долга перед народом не сочетались с такой истовой верой в народ и готовностью стать перед ним на колени.

Нигде слова Нагорной проповеди «Блаженны нищие духом» не были поняты так, как в России, ибо в России они были поняты буквально. Нигде нищета духа не была окружена таким ореолом святости, ибо противоположное состояние — духовное богатство, сложность и утонченность — связывалось с представлением о богатстве материальном. Те же великие учителя, которые заповедали русскому интеллигенту долг служения простым людям, внушили ему мысль о ненужности всего того, что недоступно этим людям, о тщете науки, о греховной сути всякого эстетизма и утонченности, о великом грехе искусства. Творец «Войны и мира» осудил собственное творчество (за несколько десятилетий до него то же сделал Гоголь — и швырнул в огонь рукопись второго тома «Мертвых душ»). Достоевский устами своего alter ego Шатова объявил русский народ народом-богоносцем. Завороженная этой наркотической идеей, интеллигенция стала напоминать монашеский орден, секту самоубийц. Проповедь Шатова — ответ «Бесам». Но и сами бесы — террористы семидесятых годов — лишь внушали себе и другим, что их зловещие подвиги служат делу освобождения народа, — истинным побудительным мотивом была не польза, а жертвенность. Пропасть между трудом и богатством и укоренившаяся в народе уверенность в неправедном, небожеском происхождении всякого благосостояния переосмыслены как противостояние труда и культуры. Русская литература, свет и разум страны, взглянула на себя глазами своих любимых героев — косноязычного Акима из «Власти тьмы», слабоумной Хромоножки. Парадокс заключался в том, что антикультурная проповедь русских писателей отлилась в формы, которые сами по себе были порождением высокой и изощренной культуры. Но эта культура несла в себе предчувствие гибели ее носителей.

Вражду к культуре можно считать специфически русским явлением. Традиция западноевропейского нигилизма, достаточно поздняя, не имеет с ней ничего общего. Ничего подобного не знали в Западной Европе, где можно было ставить вопрос, хороша или нет та или иная философия, но никому не приходило в голову, что само по себе занятие

* Б. Хазанов ошибается: 25 тысяч студентов. (Ред.)

философией предосудительно, что искусство — роскошь, оскорбляющая бедняков, а наука — развлечение для праздноболтающих. На Западе занимались логическим обоснованием веры и нравственности. На Западе сменяли друг друга век Возрождения, век Разума и век Просвещения. На Западе прозвучал чистый, как хрусталь, голос Паскаля, сказавшего: «Все наше достоинство в разуме… будем стараться правильно мыслить, вот основа морали». В России же, чтобы не обидеть народ, уверяли себя и других, что культура есть зло, что ум и просвещение — орудие дьявола; в России думали, что если Христос обратился к ученикам со словами: «Будьте как дети…», то это значит, что нужно в самом деле вернуться к детской непосредственности, к букварям и сказкам, что всякое размышление губит веру и условием праведности может быть только отречение от мысли. Об этом хорошо написал наш современник Бенедикт Сарнов: он назвал этот комплекс мазохизмом русской интеллигенции. И в конце концов интеллигенция подожглась и сгорела во имя любви к народу, а народ этого даже не заметил, и тощие коровы сожрали тучных, но сами не стали толще, и кривые избы, повалившиеся заборы, громадные расстояния, грязь, скука, холод и невылазная нищета сгубили все, отравили всякую радость жизни, вытравили или поставили под сомнение все свежее, сильное, свободное, оригинальное и талантливое; под бременем беспросветной бедности все это стало казаться непозволительным и непристойным.

История безответной любви — вот как можно было бы назвать полуторавековую историю русской интеллигенции, и, как многие истории такого рода, она окончилась самоубийством. «Если ненавистное счастие истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земли не останется… тогда воспомни, что ты человек, воспомяни величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. Умри». Радищев, написавший эти слова, проведя шесть лет в Восточной Сибири, вернулся — и принял яд. Поистине эта смерть была пророческой. С сороковых годов прошлого века, начиная с собраний кружка, который посещал Достоевский, все легальные и нелегальные оппозиционные и революционные группы были группами интеллигентов. Даже партия, называвшая себя рабочей, состояла по большей части из интеллигентов. Но революция, на которую молилась интеллигентная молодежь, которую она раздувала изо всех сил, стала ее самосожжением. Была ли ее искупительная жертва оправдана?

Новое государство провозгласило себя обетованной землей человечества — первым в мире государством трудового народа. Опыт трех поколений показал, что это государство по своей несправедливости и жестокости оставило далеко позади старый самодержавный строй. Но интеллигенция,— по крайней мере, та, которая осталась в стране,— была готова воспринять эту жестокость как расплату за грехи прошлого. Она все еще была охвачена апокалиптическим восторгом. Величайший поэт русского двадцатого века призывал «слушать музыку Революции» — это что-нибудь да значило.

В 1922 году из страны была выслана большая группа писателей, философов и ученых — цвет интеллигенции; точно повторились знаменитые слова, произнесенные в 1794 году в Париже перед казнью Лавуазье: «La République n'apas besoin des savants» («Республике не нужны ученые»). Но высылка была гуманной мерой. Другие — многие тысячи блестяще образованных и одаренных людей — окончили свои дни в лагерях.

Вместе с этими последними римлянами гуманитарная культура страны исчезла, казалось, навсегда. Ее заменила всеобщая грамотность и идейно-политическая унификация. В лице нового привилегированного слоя режим приобрел черты общественного порядка, который древние называли охлократией, владычеством черни. На протяжении многих десятилетий после смерти Ленина ни один из руководителей страны не умел правильно говорить по-русски. Ближайшее окружение вождей, а за ним и вся партийная и государственная бюрократия подстраивались к этому эталону, так что порой казалось, что фраза Ленина о том, что кухарка будет править государством, подтвердилась — хотя кухарка так и не стала Генеральным секретарем КПСС, культурный уровень правящего класса приблизился к уровню кухарки. Слово «интеллигент» стало бранным. Культурная революция обернулась одичанием. Духовный стандарт общества упал так низко, что страна стала напоминать древнюю империю, завоеванную варварами; этими варварами, однако, были ее собственные дети. Времена, когда русская литература покорила мир, казались античной древностью; ее место заняла убогая советская литература. Ничего или почти ничего не осталось от изумительного искусства, от оригинальной философии серебряного века. Не было больше ни творцов, ни носителей, ни потребителей этой культуры.

И, однако, Феникс воскрес. Он восстал не из пламени, не в столбе света, ослепившем мир, и даже не из золы. Из ничего.

Может быть, это и есть самое удивительное, что демонстрирует нам поздняя осень русской истории,— возрождение интеллигенции. Многое, очень многое переменилось. До неузнаваемости изменились структура и самый облик русского общества. «Народ» исчез. Этот священный пароль интеллигенции, слово, под которым подразумевалась в первую очередь компактная масса патриархального русского крестьянства, в меньшей степени — мелкий городской люд (сохранявший, впрочем, связь с деревней и крестьянскую психологию), плохо подходит к нынешнему населению СССР, где сельские жители составляют меньшинство, а земледельцев в собственном смысле — и того меньше. Оно поголовно грамотно, в подавляющем большинстве своем безрелигиозно и подвергается ежедневному и повсеместному воздействию средств массовой информации, целиком поставленных на службу партийно-государственной идеологии. К этому надо прибавить возросшую роль и активность национальных окраин. Бывшая Российская империя и при новом режиме остается государством архаического типа, со строго централизованным военно-полицейским и бюрократическим управлением, огромной территорией и пестрым многонациональным составом,— империей в том смысле, в каком это слово применялось к Риму и Византии, острие и основание этой пирамиды образуют русские. Но они составляют лишь половину населения страны. В целом метаморфоза столь велика, что еще сорок лет назад Георгий Федотов считал возможным говорить о формировании новой нации: он сравнил судьбу русского народа с судьбой греков IV века, чуть ли не на глазах одного поколения превратившихся в другой этнос — в византийцев.

Изменилось значение слов. Это относится и к слову, которое стоит в заголовке. Говоря об интеллигенции, мы, конечно, не имеем в виду термин государственной идеологии и статистики. Речь идет о людях, сравнимых по своему духовному и психологическому облику с интеллигенцией старой России. И вот перед лицом свершившихся перемен снова задаешь себе вопрос: возможно ли такое сравнение, не обольщаемся ли мы?

Я понимаю, что попытки реконструировать социально-психологический тип прошлого создают опасный соблазн. Соблазн отождествить себя с благородным предком, изобрести для себя знатную родословную; соблазн пренебречь историей и попросту забыть о том, что с нами стряслось за последние шестьдесят или семьдесят лет. Нечего и говорить о том, что нынешняя интеллигенция дышит совсем другим воздухом, чем старая. Выросшая в закрытом обществе, она заметно уступает ей в собственно культурном отношении; даже лучшие ее представители не свободны от некоторого провинциализма. Зато она располагает уникальным опытом жизни в тоталитарном государстве и со снисходительной умудренностью взрослого взирает на иные игры западных интеллектуалов.

Все изменилось, и все повторяется, и через сто лет мы напоминаем старых русских интеллигентов, если не дворян, то разночинцев, московских вечных студентов восьмидесятых годов, мы переняли их образ жизни, их неряшливость, их тоску, их любовь к полуночным словопрениям над остывшим чаем. Бог знает, откуда это взялось, ведь чуть ли не половина из нас — не русские по крови. Говорят, лет восемьдесят назад во Франции небывалый мороз уничтожил виноградники, но была привезена из-за моря и посажена американская лоза и дала такое же вино, как было прежде. Так и новые русские интеллигенты — наследники тех, прежних, хоть топор и вырубил все ее корни.

Интеллигентов немного — во много раз меньше, чем просто людей с высшим образованием. Но они находят друг друга. Внутренние разногласия дробят их на более или менее самостоятельные группы, но все они едины в своем презрении к деспотическому режиму. Беспомощные и уязвимые, как всякий, кому оружием в жизненной борьбе служит мысль и слово, они находят в себе силу противостоять мертвящему окружению и в сущности неистребимы. Это она, все та же или почти та же, ничего не забывшая, хотя и многому научившаяся российская интеллигенция, «гнилая», согласно классическому определению Ленина, та самая, презренная «образованщина» с ее неповторимым и невозможным ни в какой другой стране духовным складом, неумением существовать в шорах определенной профессии, специальности, ученой или литературной карьеры, с ее особой религиозностью, редко конфессиональной, чаще выступающей в одежде религиозного свободомыслия либо агностицизма, с ее одержимостью историософскими проблемами, которые она причудливо мешает с политикой, с ее неизлечимым дилетантизмом, другое имя которому — универсализм. Со всеми ее достоинствами и всеми недугами. Именно в этой среде, в немноголюдных, но достаточно многочисленных интеллигентских кружках, сосредоточенных в крупных городах советской империи либо перебравшихся за рубеж (дробление интеллигенции на внутреннюю и эмигрантскую — традиция столь же давняя, как и существование самой интеллигенции), идет невидимая внешнему миру творческая работа, которая может показаться безнадежной и бесперспективной, но которая представляет собой единственную форму духовной жизни, заслуживающую этого названия.

Но сколь бы сильно ни давало себя знать происхождение современной интеллигенции, от одного наследственного недуга она, по-видимому, исцелилась — от веры в «народ». Мучительный роман русской интеллигенции с народом окончен. В социальном плане это означает осознание глубоких перемен, совершившихся в обществе; в психологическом — освобождение от власти коллективного бессознательного, от жажды раствориться в темной и безличной народной стихии. Существенная перемена в самосознании интеллигенции или, по крайней мере, значительной ее части состоит в том, что она не чувствует себя более обязанной ни власти, ни народу, не испытывает желания быть чьим-либо слугой, не стремится удобрить собой национальную почву, но начинает — если я не ошибаюсь — ощущать себя истинным субъектом истории. Сейчас невозможно сказать, насколько оправданны такие притязания. Но если для этой страны осталась какая-то надежда, если существует шанс, что Россия когда-нибудь займет подобающее ей место в кругу свободных народов,— этот шанс и эту надежду можно связывать только с интеллигенцией. ●

Лауреаты журнала 1990 года

В 1990 году журнал опубликовал около семисот материалов — статей, репортажей, очерков, интервью, рассказов, повестей, информаций. Лучшими среди них признаны:
Я. ГОРДИН, «Распад, или Перекличка во мраке», №№ 10, 11, 12.

Г. ГОРЕЛИК, «Загадка 1937 года в свете истории физики», № 4; «О чувстве прекрасного, или Физико-этические проблемы мироздания», №№ 9, 10.

В. КРИВОРОТОВ, «Утраченные альтернативы», №№ 2, 3; «Вехи, взлеты и падения особого пути России», №№ 8, 9.

Б. РОДОМАН, «Наука, чуть было не онемевшая», № 9; «Ведаем ли мы, что творим, или Пейзаж России», № 10.

Г. БЕЛЬСКАЯ, Т. ШАНИН, «Иное всегда дано», № 9.

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ ЛАУРЕАТОВ

Галина Петровна БЕЛЬСКАЯ — журналист, историк, редактор отдела гуманитарных наук. Наш многолетний сотрудник и автор. Считает, что ее сотрудничество в журнале — не работа, а способ жизни.

Яков Аркадьевич ГОРДИН — известный писатель, историк. Впервые в нашем журнале статьи Гордина появились в 1988 году. «Реальная наша история не противоположна официальному варианту, она просто другая. И эта другая история и есть история великой страны, которая, умываясь кровью, с мученическим упорством сопротивлялась «безумной власти»... И величие нашей истории — и прошлых веков, и в особенности века двадцатого — в подвиге выживания».

Геннадий Ефимович ГОРЕЛИК — старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР. Область профессиональных интересов — история теоретической физики и социальная история науки. Автор, встреча которого с журналом не могла не произойти. Иллюстрировать это утверждение, по мнению редакции, могла бы цитата из опубликованной у нас статьи: «Широкий взгляд на историю, охватывающий и ее гуманитарные, и естественнонаучные плоды, помогает уяснить, что на древе человеческой цивилизации неоткуда взяться муляжам. Все плоды на этом древе... вырастают сами, питаясь соками от одного ствола».

Виктор Федорович КРИВОРОТОВ — историк. В прошлом году впервые его статьи появляются на страницах нашего журнала. В русской истории, которой он занимается, его интересуют скорее проблемы стереотипов, проблемы исторической наследственности, нежели непосредственно конкретные события. «Своеобразие исторического пути России состояло в том, что каждый раз следствием реформ оказывалась еще большая архаизация общественных отношений... Реформы становились все более разрушительными, а в результате сталинского погрома, под тяжестью тоталитарной деспотии гражданское общество было полностью ликвидировано».

Борис Борисович РОДОМАН — один из лидеров географической мысли в нашей стране. Он создатель теории формирования географического пространства и его влияния на общество. Многие хозяйственные проблемы вызваны «сопротивлением» пространства. Заслуга В. Родомана еще и в том, что своими прекрасно написанными статьями он сумел ввести в обыденный оборот многие сугубо научные понятия. Вот что он писал: « ...Народ, обходящийся без географии, подобен слепорожденному, не понимающему, что такое зрение. Общество, приступившее к перестройке, увлеклось пересмотром своей истории. Оно должно вспомнить и о географии».

Теодор ШАНИН — историк, экономист, профессор Манчестерского университета. Интервью «Иное всегда дано» — первая публикация профессора Шанина в нашем журнале. «Когда собираешься думать о будущем, надо прежде всего поставить вопрос — как справиться с ошибками мышления, ибо каждый период мировой истории имеет свой главный миф».

Б. Парамонов

Канал Грибоедова

Статья третья*

Забытый конфликт

Коли мы сумели увидеть в декабризме аристократическую оппозицию по преимуществу, своего рода «боярский» бунт, мы сможем не только ввести это движение в контекст истории — тем самым поставив под вопрос «западническую» трактовку декабризма, выводившую его исключительно из влияний, испытанных русским офицерством во время заграничных антинаполеоновских походов,— но и самую русскую историю увидеть под другим углом зрения, более острым, дающим картину более выпуклую, стереоскопическую. В ней обнаружится тогда конфликт, едва ли не важнейший на большей части ее протяжения: конфликт центральной власти с боярской, а затем дворянской аристократией. Наше самодержавие окажется тогда в некоем роде весьма проблематичным: не «вечной формой», не платоновской идеей русской государственности, как полагал, допустим, Карамзин, но процессом, становлением и непрерывной борьбой. Тот факт, что в этой борьбе оно сумело одержать весьма внушительную победу, заставляет видеть в нем живую силу политический принцип, явивший свое превосходство — хотя бы в той же силе — над всеми иными, то есть принцип «органический». То, что самодержавие в конце концов погибло, совсем не означает, что оно извечно было камнем на пути русского движения. С другой стороны, обнаруживается имманентная традиция свободы на Руси,— по крайней мере, традиция борьбы за свободу, питающаяся русским прошлым, а не только синхронными европейскими влияниями.

Русские историки, не связанные расхожей либеральной идеологией, то есть историки государственной школы главным образом, хорошо понимали и убедительно демонстрировали позитивную роль самодержавия в отечественной истории. Но нам важно сейчас найти у них не эту итоговую оценку, а как раз описание процесса, складывания исторической формы русской государственности. И вот нынешний читатель историографической классики выясняет, что пресловутая «централизация» совсем не была фактором, автоматически рушащим плюрализм власти. «Централизация» и «самодержавие» отнюдь не синонимичны. Национальное и даже государственное единство отнюдь не изначально было в России связано с концентрацией монархической власти. Другими словами, у русской аристократии были все основания претендовать на роль совсем не меньшую, чем та, которую в конце концов усвоило себе самодержавие.

По С. М. Соловьеву, «...то время, которое с первого раза кажется временем разделения, розни, усобиц княжеских, является временем, когда именно было положено прочное основание народному и государственному единству».

Как известно, для С. М. Соловьева это единство обеспечивалось элементарным фактом родственной связи князей Рюрикова дома, с исследования которой он и начал свою работу над историей России. Открытие Соловьева — в установлении факта коллективного владения русской землей. Если угодно, здесь, в этом институте Рюриковичей, а отнюдь не в единовластии был русский «генотип».

Этот порядок,— по крайней мере, идея такого порядка, а следственно, и соразмерная идеология,— сохранялся и много позже, уже тогда, когда, согласно тому же Соловьеву, отношения родовые были сменены отношениями государственными, или, в более знакомых нашему читателю терминах, когда Русь из киевского периода перешла в московский.

В. О. Ключевский говорит:

«Не думайте, что с исчезновением великих и удельных княжеств тотчас без следа исчезал и удельный порядок, существовавший в северной Руси. Нет, этот порядок долго еще действовал и под самодержавной рукой

* Окончание. Начало — в №№ 3 и 4 за этот год.

московского государя... Власть московского государя становилась не на месте удельных властей, а над ними, и новый государственный порядок ложился поверх действовавшего прежде, не разрушая его, а только образуя новый, высший ряд учреждений и отношений... Все это помогло новым титулованным московским боярам, потомкам князей великих и удельных, усвоить взгляд на себя, какого не имели старые нетитулованные московские бояре... Руководя всем в объединенной северной Руси, потомки бывших великих и удельных князей и в Москве продолжали смотреть на себя, как на таких же хозяев Русской земли, какими были их владетельные предки; только предки, рассеянные по уделам, правили Русской землей по частям, а потомки, собравшись в Москве, стали править всей землей и все вместе... Образование национального великорусского государства отразилось в боярском сознании своего рода теорией аристократического правительства».

Ключевский говорит далее, что такое сознание послужило образованию системы, известной под названием «местничество». Но ведь не только этому — также и целому периоду долгой борьбы аристократии с царями за политическое преобладание. Общеизвестны этапы этой борьбы: олигархическое правление бояр в малолетство Ивана IV, царствование Шуйского и его подкрестная запись, попытки бояр в Смутное время отойти к Польше на началах ограничения королевской власти (договор 4 февраля 1610 года М. Салтыкова и его товарищей с королем Сигизмундом) и т. д., и т. д. Мы увидим далее, что эта борьба за власть не кончается даже после декабристов, хотя некоторые историки, тот же Ключевский к примеру, говорили, что декабризм знаменует окончательное поражение аристократии в борьбе за политическое преобладание с царизмом.

И тогда уже цари начинают искать и создавать себе союзников для борьбы с аристократическими претензиями. Один из немаловажных резервов этой борьбы — опора на правительственный аппарат, на бюрократию — формирование ее из «низких» слоев населения.

Ключевский:

«Еще князь Курбский с боярской досадой писал, что большинство московских дьяков его времени, самых преданных слуг московского государя, вышло из "поповичей и простого всенародства"».

Другой резерв — апелляция к народу, к массам, то, что позднее стали называть демагогией. Иван IV, удалившись в Александровскую слободу, шлет оттуда два письма: одно боярам, выказывающее немилость, второе — простому люду с жалобой на бояр. Так же и Борис Годунов ждет, когда на царство его попросит народ, а не просто выберут бояре; эта «просьба» соответствующим образом организуется. Чувствуя свою нелегитимность, Годунов, с одной стороны, выдумывает некое «завещание» Ивана Грозного, дающее якобы санкцию его царствованию, с другой — предпринимает вполне серьезные попытки опереться на народ: известно, что он готовил меру, точно определяющую повинности и оброки крестьян, имевшую целью ограничить эксплуататорский произвол землевладельцев. Перенесясь на 200 лет вперед, мы сталкиваемся с точно такой же ситуацией: Павел I, ненавидимый ближайшим окружением, старается приобрести репутацию «мужицкого царя» и издает указ о трехдневной барщине; при всей номинальности этой меры, она важна как показатель тенденции царей — усиливать свою политическую роль, играя на социальных противоречиях аристократии и народа.

Ключевский говорит, что у Годунова имелась вполне разумная и перспективная альтернатива: воспользовавшись фактом избрания его боярами, легализовать этот порядок и сделать земские соборы, интегральной частью которых была боярская дума, подлинно представительным учреждением — править в дальнейшем, опираясь на них, и тем самым создать некий многообещающий прецедент, по существу — положить начало русскому парламентаризму. Слов нет, это было бы движением в лучшую сторону. Но мы говорим сейчас не о том, что могло бы быть, а об имевшем место реальном развитии русского политического быта. Нас интересуют не оценки, а фактическое положение дел, его по возможности адекватное описание. И пытаясь дать это описание, мы не можем пройти мимо отмеченного уже факта — усилия русских царей придать «народный» характер институту самодержавия. Понимание этого тем более необходимо, что в нынешней русской (советской) исторической литературе — и в сознании людей, обращающихся к истории,— существует весьма одностороннее представление о решающей роли дворянства в укреплении самодержавия, выдвинутого царями на первое место в противовес амбициозному боярству. Нельзя отрицать того, что такая политика действительно имела место и сыграла определенную роль, но она не была исключительной и постоянной. Само дворянство отнюдь не однозначно и не безусловно включило себя в этот порядок. Достаточно вспомнить «тушинцев» и вообще Смутное время: ведь салтыковский договор с поляками 4 февраля 1610 года, выработавший гораздо дальше идущий конституционный проект, чем позднейшая его боярская редакция 17 августа того же года, был делом рук именно «средних классов» — столичного дворянства и дьячества. Дворянство много раз колебалось — идти ему за царем или выдвинуть собственный (конституционный, представительный) порядок; и если оно сорвало инициативу «верховников» в 1730 году, то это не значит, что его собственные попытки создать себе независимый статус именно в этом году и закончились. Впереди было еще почти столетие дворцовых переворотов и 14 декабря.

Нельзя пройти мимо одного редко вспоминаемого, а по существу просто забытого, события из русской истории: того плана «аристократической децентрализации», как называет его Ключевский, который бояре пытались провести в 1681 году. Этот план предполагал раздел государства на крупные наместничества, во главе которых должны были стать несменяемые, пожизненные правители из бояр. Так что, если искать источники федералистской конституции Никиты Муравьева, то их следует видеть не только в проекте Новосильцова или в письмах Курбского, но и в этой боярской попытке.

Как видим из всех этих примеров, боярство совсем не было сломлено репрессиями Ивана Грозного. Более того, постепенно происшедшее вытеснение старого боярства новым служилым классом не означало еще ликвидацию самого этого конфликта царей с аристократией — безразлично, старой или новой.

Коснемся одного чрезвычайно значимого эпизода этой борьбы, выразившейся на сей раз в деятельности так называемого Верховного Тайного Совета — некоего органа коллективной аристократической диктатуры, создавшейся после короткого царствования Екатерины I. Существует на эту тему ценная работа А. А. Кизеветтера, в которой приемлемо все, кроме ее названия. Называется она «У истока сословной монархии». Смысл исследования Кизеветтера, на наш взгляд, противоречит этому титлу, ибо тенденция, намеченная деятельностью Совета, вела как раз к дальнейшей автономизации самодержавия как политической структуры. Сам Кизеветтер пишет здесь, что в исследуемой ситуации сословные интересы дворянства одержали верх над интересом государственным. Следует считать, что самодержавие складывалось в то время как орган защиты этих сословных интересов? Этот вывод отнюдь нельзя извлечь из работы Кизеветтера. Он говорит о том, как дворянство — в лице упомянутого Совета,— использовав временное ослабление царской власти, сумело добиться весьма ощутимых привилегий.

Но какого рода это были привилегии? Прежде всего, уменьшение служебного бремени. Был сделан шаг в направлении, зафиксированном позднее в Указе о вольности дворянской: ослаблялась непременная связь между службой дворянина и его имущественными обстоятельствами. Так, например, две трети всех офицеров и рядовых из дворян были на год отпущены в принадлежавшие им деревни. Этот отпуск давался без сохранения содержания, но зато он обеспечивал возможность дворянам привести в порядок их хозяйственные дела, от которых их ранее отрывала пожизненная служба. Другой пример мероприятий Совета — расширение прав дворян на торговую деятельность. При Петре I только младшие сыновья дворянских семей могли заниматься торговлей — теперь это разрешили всем. Было даже произведено уменьшение подушной подати с крестьян, но для того, чтобы соответствующий излишек мог получить сам дворянин. Был принят еще ряд мер, облегчающих хозяйственные движения дворянства.

Вывод Кизеветтера:

«Все это еще очень далеко от превращения дворянина из служилого человека в привилегированного земле- и душевладельца. Но это уже, несомненно, первый шаг к такому превращению. Мы стоим тут у самого истока грядущей сословно-дворянской монархии».

Вправе ли мы делать такой вывод? Вправе ли его делать сам Кизеветтер, совсем, кажется, не склонный к марксистскому толкованию зависимости политической власти от экономически привилегированного класса? Кизеветтер не заметил второй стороны того процесса, начало которому, безусловно, было положено деятельностью Верховного Тайного Совета: экономическая независимость дворянства, вскоре появившаяся для него возможность отделаться от обязательной службы и осесть в его хозяйственно автономных «гнездах» были в то же время средством удаления его от власти, от возможности активного воздействия на центровую политику. Несомненно, начало такому порядку положили сами дворяне — он сулил им сиюминутную выгоду, но воспользовалось таким порядком в политических целях самодержавие. Это стало осознанной и планомерной политикой Екатерины II. Отсюда идут ее пресловутые раздачи земли и крепостных. Это была не прихоть царственной любовницы, а выверенный и точный политический ход, клонящийся все к той же цели — к концентрации власти самодержцем.

Р. Пайпс в своей весьма спорной книге «Россия при старом режиме» совершенно, однако, правильно отметил, что сама эта раздача земель велась таким образом, чтобы избежать сосредоточения колоссальных земельных богатств в одном месте. Создавалась своего рода дворянская чересполосица. «Феодальные» тенденции тем самым в неизмеримой степени ослаблялись.

У этой царской политики, нечаянно извлеченной из алчности «нового класса», был еще один выгодный для центральной власти аспект: дворянство оставлялось с глазу на глаз с крепостными. Иногда возникает соблазн в таких событиях, как пугачевщина, видеть своего рода царскую провокацию.

Существует неоспоримый тезис о поголовном закрепощении крестьян при Екатерине II; отсюда следует якобы, что ее эпоха была торжеством дворянства как класса. Но торжество это весьма проблематично: владение землей и душами отнюдь не стало безусловным, несмотря на такие, казалось бы, бесспорные триумфы дворянства, как Указы 1762 и 1785 годов, освобождавшие их от обязательной службы и тем самым от условного владения. Самодержавие среди прочего политикой «вольностей дворянских» усиливало социальный конфликт в деревне и делало это вполне сознательно — это было средство давления на дворян призраком мужицкого бунта, призраком, временами вполне материализующимся.

Интересно и другое: в самих низах продолжающееся закрепощение понималось как чисто дворянская злокачественность, а не как царская политика. Это и значит, что расчет самодержавия оправдался, что его патерналистский образ оказал нужное действие. Дело не в том, что, допустим, в пугачевщине «немка» Екатерина воспринималась чуждой народу и выдвигался в противовес ей мужицкий царь Петр Федорович; дело в том, что при этом институт самодержавия сохранял в народном сознании свой демократический характер. На этом, собственно, и был построен феномен самозванства. Более того: именно тогда, в XVIII веке, появились народные идеологи, выдвигавшие именно такую концепцию. Ярчайшая фигура здесь — Иван Посошков. В книге его «О скудости и богатстве» говорится, что «помещики крестьянам не вековые владельцы, а истинный их владелец — самодержец всероссийский, помещики же владеют крестьянами временно». Показательна судьба Посошкова: он адресовал свою книгу Петру I, а после смерти его, в августе 1725 года, был посажен в Петро-

павловскую крепость, где и умер; то есть уморили его аристократы, всячески боявшиеся установившейся связи «царь — народ» и воспользовавшиеся упадком самодержавия после Петра, для того чтобы свести счеты с идеологом царского патернализма.

В 1924 году в Петрограде вышло исследование С. И. Тхоржевского «Народные волнения при первых Романовых», в котором этот тезис — об общем антидворянском интересе царей и мужиков — был высказан наконец-то с полной определенностью, во весь голос. Говоря об установке крестьянского сознания, Тхоржевский описывал его следующим образом: «достаточно одного царского слова, чтобы разразилась резня господ», и понимание этой ситуации считал присущим дворянам. Когда историки народнического толка — Костомаров, Щапов,— критикуя построения государственной школы, выдвигали на первый план в русской истории народные движения, они упускали из виду один факт: эти движения были включены в систему правительственной политики.

Мы можем судить о настроениях тогдашней, XVIII века, аристократии и по непосредственным источникам. Она имела свой рупор: князя М. М. Щербатова. Конечно, это был в некотором роде «самиздат» той эпохи, сочинения Щербатова были собраны и напечатаны уже после его смерти. Его, однако, знали: один из дворянских заговоров при Екатерине II в числе своих планов имел выдвижение Щербатова на царский трон. Крайне интересно, что сочинение Щербатова «О повреждении нравов в России» Герцен, начиная в Лондоне вольную русскую прессу, издал под одной обложкой с книгой Радищева: «диссидентский» характер дворянского публициста XVIII века четко ощущался. При этом консервативные установки Щербатова, его «архаизм» нисколько не мешали его оппозиционности, а наоборот, мотивировали и аргументировали ее. В лице Щербатова, таким образом, мы имеем дело с некой традицией, с уже устоявшимся типом русского оппозиционного мышления; и тип этот — «боярский», от Курбского идущий. Эту традицию не смог прервать даже Грозный царь.

Щербатов для нас тем более любопытное явление, что мы разворачиваем картину русского прошлого, исходя из Грибоедова: конечно, сам Грибоедов — это некая модификация сердитого высокородного диссидента. Еще и еще раз подчеркнем: в русской оппозиционности крайне важен этот национальный, «славянофильский» мотив — не только западные идеи становились у нас источником политического критицизма.

Щербатову в русской исторической литературе относительно повезло — о нем в начале века был написан ряд содержательных работ. Тогдашние западные идеи не могли его по-настоящему сформировать, он выражал русский опыт. Щербатов знал Монтескье и старательно его переписывал; в частности, из Монтескье он извлек мысль об аристократическом правлении как едва ли не наихудшем («тихость в рассуждениях и исполнении»). Но все эти теории мгновенно забывались, когда Щербатов заговаривал о деле, жизненно важном и волнующем его. Собственная его программа — типичное аристократическое правление с главной чертой «сенатского», «вельможеского» ограничения монархии. Чрезвычайно заметно — да и не скрывается — крепостничество Щербатова, он даже за то, чтобы и государственных крестьян продать дворянам по 80 рублей за душу. В Екатерининской комиссии Щербатов развивал и защищал программу, которую иначе как корыстно-сословной не назовешь, в частности он настаивал на исключительном праве дворян владеть крепостными. В щербатовском «социальном романе» — «Путешествие в землю Офирскую г. С. швецкого дворянина» — все те же аристократические проекты, но уже с одной выразительнейшей подробностью: Щербатов за то, чтобы императоры были отделены от народа, чтоб не допускались никакие контакты такого порядка. Нельзя не увидеть в этой реакции на тот факт, который мы старались извлечь из-под обломков русского прошлого, факт идеологической связи, установившейся между самодержавием и крестьянами; тут-то Щербатов и ощущал главную для аристократии опасность.

Щербатов был чуть ли не единственным человеком, усмотревшим в политике Екатерины II ущемление, а не возвышение дворянских интересов (может быть, и не единственный, но писать об этом решился он один). Он понял Екатеринину игру: под видом устройства корпоративных дворянских интересов отвести дворян от реальной власти, от возможности влиять на высокую политику (подобный ход сделал Николай I в свое время, а именно — после 14 декабря). Щербатов резко критиковал Жалованную грамоту 1785 года. Много лет спустя оценки Щербатова подтвердила историческая наука: А. А. Кизеветтер, лучший у нас знаток эпохи Екатерины II, считает, что Грамота 1785 года и Учреждеиие о губерниях были антидворянскими мерами.

Постепенно в русской исторической литературе это мнение — о патерналистском характере и «демократической» ориентации самодержавия — распространялось более и более. Оно делалось уже чем-то вроде общего места.

Вот что писал, к примеру, евразиец Г. В. Вернадский в своем любопытном «Начертании русской истории»:

«Вся дальнейшая (с Екатерины II.— *Б. П.*) политика русских государей была построена на постоянном лавировании между различными сословиями. Против политических требований дворянства правительство всегда выдвигало крестьянский вопрос. Боязнь отмены крепостного права и потери таким образом социальной почвы под ногами заставляла дворянство, в его целом, постоянно склоняться перед императорской властью».

Сам Вернадский в качестве примера такого лавирования приводит историю с известным указом о вольных хлебопашцах. Он был принят в царствование Александра I 20 февраля 1803 года — в ответ на дворянскую фронду в сенате. 16 января сенат устроил обструкцию проекту правительственного постановления о запрещении отставки офицерам, не дослужившимся до обер-офицерских чинов. Сенат указал, что проект нарушает Жалованную грамоту 1762 года о вольностях дворянских. В ответ последовал указ о вольных хлебопашцах. Практическое значение его было ничтожно,

но ведь он и не имел той цели, к которой якобы был направлен,— освобождения крестьян добровольной акцией их владельцев. Цель его была другая — припугнуть дворян, напомнить им о том, что против них в распоряжении царей всегда имеется громадная сила крестьянства.

Правительство, однако, не только пугало дворян, но и само их пугалось. 14 декабря 1825 года сделало этот испуг чуть ли не перманентным состоянием правительственной политики.

Хотя такой кит русской историографии, как В. О. Ключевский, и говорит, что восстание 14 декабря знаменовало гибель русского дворянства как политической силы, Николаю I эта истина не могла быть так ясна, как последующему историку. Крупнейшая уступка, сделанная им дворянству,— законодательное закрепление земледельных владений помещиков на правах частной собственности. Этим, однако, не ограничилась его политика по отношению к дворянству. Один из серьезнейших русских историков, С. Ф. Платонов настаивает на том, что политика Николая I была резко и осознанно антидворянской. Это мнение должно быть учтено для того, чтобы понять настоящий характер так называемой «николаевской реакции». Еще более активно стала разыгрываться правительством крестьянская карта. За время царствования Николая I было принято 108 разного рода указов и постановлений, облегчающих участь крестьян,— больше, чем за все предыдущие царствования. Но дело даже было и не в этом облегчении, а в самой установке на правительственное регулирование социальных отношений в деревне. В. В. Леонтович, в своей «Истории либерализма в России» оценивший акт 19 февраля как «второе освобождение дворян», склонен считать ликвидацию крепостной зависимости крестьян сокровенным желанием самого дворянства. Он объясняет последнее обстоятельство сознанием несовместимости юридических порядков, которым подчинялись дворяне и крестьяне.

Не легче ли предположить другое — и материал книги Леонтовича дает всяческие основания для этого,— что такое желание было вызвано прежде всего непрекращающимся нажимом правительства, теми ста восемью мерами, которые обрушивались на русских помещиков в течение почти тридцати лет николаевского царствования? Создавалось психологически неизбежное настроение неуверенности в собственных правах, в сознание возвращалась идея условного владения, старого крепостного (до 1762 года) порядка, коли указанное закрепление земли в частную собственность постоянно сопровождалось все большим вмешательством правительства в отношения помещиков с крестьянами. Дворяне были заинтересованы в десятинах куда больше, чем в душах. Декабристы это поняли раньше других, отсюда их «революционность» — желание сохранить в своих руках политическую инициативу в этом важнейшем вопросе русских социальных отношений.

Мнение Ключевского о декабризме как конце политической роли дворянства тем более можно поставить под вопрос, что даже 19 февраля, как это ни покажется неожиданным, только развязало новые его политические амбиции. Это история дворянского — «флигель-адъютантского» — конституционализма шестидесятых годов. Дворянство требовало конституции, участия в правлении как компенсации утраченных экономических привилегий; обратно-пропорциональная связь этих двух измерений дворянского бытия на этом примере особенно ощутима. Дело зашло так далеко, что дворянский конституционализм и вызванная им оппозиционная деятельность дали побег в политическую эмиграцию — князь П. В. Долгоруков, бывший, пожалуй, наиболее яркой фигурой этого движения. Долгоруков составил себе европейское имя как специалист по русской генеалогии: очень характерное занятие для выразителя и защитника дворянских амбиций.

Но к этому времени правительство имело уже поддержку не просто в бессловесной и бесписьменной массе русского крестьянства, но и среди авторитетных представителей русского общества. Его уже нельзя было отождествлять с дворянством — место сословных интересов заняли в нем мотивы идеальные. Как писал позднее Макс Вебер, именно это и было главной слабостью русского либерализма — отсутствие в нем связи с прямыми социальными интересами тех или иных общественных слоев. «Освобождение» мыслили не прагматически, а идеалистически. Здесь достаточно будет назвать имя К. Д. Кавелина. При всей его, уже интеллигентской, скромности это был судьбоносный человек — это именно он привил русскому либерализму патерналистскую идеологию. Он и был наш, если угодно, главный народник — «на свой салтык», как сказал бы Герцен. Со времени реформы наше либеральное движение развивается под знаком народолюбия, а не свободолюбия. Оно усваивает правительственные идеологические стандарты. Н. Осипова в острой, провокативной статье настаивает на том, что другого либерализма — кроме правительственного или ориентированного на сотрудничество с правительством — в России и не было, и Кавелин был пророком его. Кадеты для Осипова — ие либералы, а типичные радикалы. С последним согласен и Леонтович. Но как характерно, что этим радикалам была свойственна патерналистская установка в крестьянском вопросе, отчего они и выступили столь резко против реформы Столыпина. И эта партия всерьез называла себя партией народной свободы. Кавелин, во всяком случае, самый яростный противник «дворянской» конституции, и борется он с ней не только в шестидесятые годы.

Как писал в свое время Б. Н. Чичерин, жизнь убедила его, что в России правительство было выше и просвещеннее общества. Эти слова вспоминаются и тогда, когда думаешь о реформе Столыпина. В его лице самодержавие раньше всех у нас отказалось от патерналистской идеологии и практики. Была принята политика либеральная, «манчестерская». Но это уже ничего не дало — не потому, что внутренние возможности режима были исчерпаны, а из-за неблагоприятных внешних обстоятельств, которые, впрочем, можно при желании назвать и судьбой.

Сюжеты, представленные выше, помимо своего объективно-исторического интереса (бесспорного и вне авторской их трактовки), наводят на ряд вопросов, имеющих непо-

средственное касательство к нашему настоящему, а может быть, и будущему. Сформулируем эти вопросы.

1. В какой мере изучение русского прошлого руководительно для анализа и оценки сегодняшней ситуации? Другими словами, существуют ли черты сходства в русском прошлом и советском настоящем, которые позволяли бы, методом более или менее приблизительной аналогии, извлекать из нашего прошлого уроки для будущего? И если таких сходств не существует, если коммунизм создает реальности, не имеющие никаких параллелей в русской истории, то правомерно ли изучение таковой вне и помимо чисто академического интереса?

2. Эти самые общие, можно сказать абстрактные, вопросы конкретно детализируются при обращении к существующей литературе. Так, точка зрения, согласно которой коммунизм — в традиции русской истории и которая вызывает наиболее страстное противление со стороны, можно сказать, всякого русского, не приемлющего коммунизм,— эта точка зрения может быть представлена в значительно смягченной форме, когда сам коммунизм (тоталитарный социализм) понимается как причина русской регрессии к прошлому. Такое понимание высказывал неоднократно П. Б. Струве, назвавший социализм «регрессивной метаморфозой». Вопрос: в число черт «московского государства», которые Струве находил восстановленными — в порядке некоей реакционной инволюции — в советском социализме, можно ли включить характеристики правительственного патернализма и функционирования власти в конфликте с аристократической элитой?

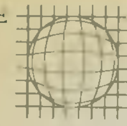
3. Можно ли, далее, считать нынешнюю номенклатуру социальным аналогом прежней аристократической элиты, в течение многих векол, как мы видели, оспаривавшей приоритет верховной власти? Можно ли борьбу Сталина и Хрущева с партийной верхушкой, окончившуюся, соответственно, сначала поражением, затем победой последней, считать аналогом «забытого конфликта» русской истории? Можно ли вообще рассматривать нынешнюю партократию как режим — по формально структурным своим характеристикам — «аристократический» (не в силу «аристократизма», благородства его носителей, конечно, а в чисто политическом смысле — как власть определенной касты, даже клики)? Можно ли, наконец, провести некоторую — опять же чисто формальную — параллель между практикой «нового класса», этого коллективного собственника советского государства, и теми «отношениями русских князей Рюрикова дома», о которых писал С. М. Соловьев? И какого рода выводы возможны из этих (гипотетических) параллелей?

4. Не есть ли один из этих выводов, что то «экономическое отчуждение от власти», которое было в нашей истории правительственным методом преодоления аристократической оппозиции (экономическая компенсация за отнятую политическую власть), что этот метод может быть действен и в сегодняшней ситуации, конечно, при непременном условии, что в нынешней правящей верхушке найдется активная группа (как нашлась она в Китае), решившаяся на такую политику? В каких формах можно мыслить эту экономическую компенсацию советской, коммунистической номенклатуры? За какую плату она согласится уступить власть?

Как видим, все перечисленные вопросы выстраиваются в некий логически последовательный ряд, они вытекают один из другого, но только при условии принятия исходной посылки: о нынешней ситуации в СССР как уже моделированной в русском прошлом. Автор, со своей стороны, решительно настаивает на том, что нельзя говорить о развитии коммунизма из русского прошлого, что в созданном коммунизмом порядке виновата не русская традиция, а сам коммунизм, что коммунизм был прерывом русского развития, «реакцией», регрессом, инволюцией, что дух, действовавший в русской истории, вел ее в сторону общеевропейского либерального развития (Столыпин) — в сторону, прямо противоположную собственной же традиции «вотчинного» государства, с его слиянием собственности и суверенитета,— каковая традиция тем самым преодолевалась и отбрасывалась,— что коммунизм, таким образом, есть не плод русской эволюции, а движение вспять, по нисходящим ступеням. Но все сказанное не избавляет, однако, от впечатления о существовании некоторого весьма заметного сходства в чисто политической ситуации, слагавшейся раньше и наличной теперь, с такими ее элементами, как класс коллективных собственников, как власть, потенциально способная вступить с ним в борьбу, как глубочайшая необходимость для дела развития (спасения) страны ступить на путь частнособственнических хозяйственных отношений. Можно, наконец, заметить, что конфликт верховной власти и правящей элиты — тот едва ли не главный конфликт русской истории, который мы постарались выявить в предлагаемой работе,— не только уже наблюдался в советской истории (Сталин, Хрущев и их борьба — или попытка такой борьбы — с партийной верхушкой), но и на наших глазах начинает приобретать весьма впечатляющее оживление: в советской прессе идет сейчас самая настоящая атака на «среднее звено» управления — министерства и ведомства — с одновременными попытками привлечь «низы» к этому нападению. То есть обнаруживаются признаки того, что высшая власть (гипотетический актив реформаторов) начинает осознавать «демагогические» возможности прямой связи с массами против элиты — сюжет, чрезвычайно заметный именно в русской истории. Назовите это «бонапартизмом» или даже «неосталинизмом», или «культурной революцией» на советский манер, но если это действительно приведет к концу партократии, то цель оправдает средства. Конечно, принципиальная реализация этой возможности предполагает нажим власти на партийную элиту (а не на исполнителей-министров). Но эту прослойку вряд ли удастся просто покорить — от нее, по-видимому, придется откупиться.

Автор сочтет свою скромную задачу выполненной и представленный им набросок русского прошлого в его возможных связях с будущим оправданным, если поднятые им на последних страницах вопросы помогут развернуть их обсуждение с какой угодно степенью полемического накала.●

ВО ВСЕМ МИРЕ

Сам себе врач

Сотрудник Монеллского центра химической чувствительности в американском городе Филадельфия Ларри Кларк обнаружил, что скворцы вплетают в свои гнезда стебли тысячелистника, грубого золотарника, дикой моркови и других растений, токсичных для некоторых бактерий и насекомых. «Эти растения могут уменьшить количество паразитов в гнезде на 80 процентов»,— считает Кларк.

Рисунок Л. Лион

Изучение... смерти

В американском городке Пемброк-Пайнс, в штате Флорида, открылся Международный институт исследования смерти. Это учреждение с таким необычным названием ставит своей целью объективное изучение всех сторон процесса, завершающего всякую человеческую жизнь, а также сбор информации, относящейся к так называемым «жизни после смерти», «перевоплощению душ», к связи загробного мира с нашим и тому подобным явлениям, требующим проверки.

При институте создается «трибунал» из специалистов в самых различных областях знаний — в области естественных наук, медицины и юстиции, в который входят также профессиональные танатологи («танатос» по-гречески означает «смерть»). Этот «трибунал» будет приглашать на свои заседания лиц, готовых выступить со свидетельствами, относящимися к необычным явлениям в данной области. Свои протоколы и отчеты институт и его «трибунал» намерены предавать широкой гласности. Директором института стал видный американский юрист и танатолог Артур С. Бергер.

П. Дельво. Вот человек!

Загадочное существо

Время от времени в зарубежной печати появляются сенсационные сообщения о неожиданных открытиях новых видов животных. Некоторые из этих сенсаций оказываются мифами, другие — действительностью.

Однажды в редакцию американского журнала «Аляска» поступила фотография весьма странного существа длиною шесть сантиметров и небольшое письмо, где говорилось, что во время ловли крабов отец и сын подняли с морского дна незнакомое животное. Никто из тех, к кому они обращались, не смог объяснить, что же они выловили.

Биологи Флориды и Аляски, которым редакция предоставила возможность ознакомиться с фотографией загадочного существа, ничего определенного сказать не смогли. Некоторые подозревают фальсификацию, однако другие считают, что на фотографии запечатлено реально существующее, но не знакомое науке животное.

«Леонардо, ты не прав!»

Эти слова произнесли ученые из Иерусалимского центра библейских исследований после анализа росписи «Тайная вечеря», сделанной Леонардо да Винчи на стене трапезной миланского монастыря Санта-Мария делле Грацие. По их мнению, великий художник допустил ряд ошибок. Сопоставляя многочисленные еврейские и римские источники, а также

Леонардо да Винчи. «Тайная вечеря».

библейские сказания, исследователи пришли к выводу, что Христос и его ученики не сидели, как у Леонардо, а возлежали около стола, что было в традициях времени.

Исследователи во главе с американским ученым Джимом Флеммингом считают, что главное несоответствие между произведением великого художника и евангельским сюжетом — место Иуды Искариота за столом. В Евангелии от Матфея говорится: «И когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Они весьма опечалились и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи? Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня» (глава 26, с. 21—23). На картине Леонардо Иуда изображен почти в конце пасхального стола, что исключает возможность опустить руку в блюдо Иисуса.

Ножи из камня

Нет, речь идет не об археологических находках, а о новейшей продукции японской компании «Киосера». Это один из ведущих в мире производителей промышленной керамики. Предлагаемые компанией ножи с керамическими лезвиями сделаны из материала тверже стали. Если верить рекламе, этим ножом можно резать даже камень и металл. Но выпускают их больше с рекламной целью, дабы оповестить мир о рождении «нового каменного века». И действительно, промышленная керамика используется уже для термоизоляции космических кораблей, в производстве движущихся деталей машин, для упаковки радиоактивных отходов...

По прочности и термоустойчивости промышленная керамика превосходит металлы и пластмассы. Пока она больше всего применяется в электронной промышленности, но привлекает также и автомобильных конструкторов. Правда, до тех пор, пока керамические детали не станут менее хрупкими, газотурбинные двигатели из «камня» будут работать лишь на испытательных стендах.

В. Пелевин

Правитель

Как известно, наша Вселенная находится в чайнике некоего Фань Шэна, продающего всякую мелочь на базаре в Чанъаии. Но вот что интересно: Чанъани уже несколько столетий как нет. Значит, Фань Шэн уже давно не сидит на тамошнем базаре, а его чайник давным-давно переплавлен или сплющился в лепешку под землей. Этому странному несоответствию, тому, что Вселенная еще существует, а ее вместилище уже погибло, можно, на мой взгляд, предложить только одно разумное объяснение: еще когда Фань Шэн дремал за своим прилавком, в его чайнике шли раскопки развалин бывшей Чанъани, зарастала травой его собственная могила, люди запускали в космос ракеты, выигрывали и проигрывали войны, строили телескопы и танкостроительные...

Отсюда уместно и начать.

Чжана Седьмого в детстве звали Красной Звездочкой. А потом он вырос и пошел работать в коммуну.

У крестьянина ведь какая жизнь? Известно, какая. Вот и Чжан приуныл и запил без удержу. Так, что даже потерял счет времени. Напившись с утра, он прятался в пустой рисовый амбар на своем дворе, чтобы не заметил председатель Фу Юйши, по прозвищу Медный Энгельс. (Так его звали за большую политическую грамотность и физическую силу.) А прятался Чжан потому, что Медный Энгельс часто обвинял пьяных в непонятном — в конформизме, перерождении — и заставлял работать бесплатно. Спорить с ним боялись, потому что это он называл контрреволюционным выступлением и саботажем, а контрреволюционных саботажников положено было отправлять в город.

В то утро, как обычно, Чжан и все остальные валялись пьяные по своим амбарам, а Медный Энгельс ходил по пустым улицам, ища, кого бы послать на работу. Чжану было совсем худо, он лежал животом на земле, накрыв голову пустым мешком из-под риса. Вдруг издалека, от самого дворца культуры, где был репродуктор, донеслись радиосигналы точного времени. Семь раз прогудел гонг, и тут...

Не то Чжану примерещилось, не то вправду, к амбару подъехала огромная черная машина. Даже непонятно было, как она прошла в ворота. Из нее вышли два толстых товарища в темных пиджаках, с выпуклыми глазами на розовых лицах и красными флажками на лацканах, а за рулем остался шофер с усами, как у креветки. Двое огляделись по сторонам и вошли в амбар. Чжан откинул с головы мешок и, ничего не понимая, уставился на гостей.

Один из них приблизился к Чжану, подергал его за ладонь и сказал:

— Мы прибыли из далекой земли СССР. Наш руководитель товарищ Леонид Брежнев приглашает вас к себе. Милости, как говорится, просим.

Чжан и не слыхал никогда о такой стране. «Неужто,— подумал он,— председатель на меня донос сделал и это меня за саботаж забирают? Говорят, они при этом любят придуриваться». От страха Чжан даже вспотел.

— А вы сами-то кто? — спросил он.

— Мы референты,— ответили незнакомцы, взяли Чжана за рубаху и штаны, кинули на заднюю лавку и сели по бокам. Шофер завел мотор, и машина тронулась.

Странная была поездка. Сначала вроде ехали по знакомым местам, а потом вдруг свернули в лес и нырнули в какой-то тоннель. Машину тряхнуло, и Чжан зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что едет по широкому шоссе, по бокам которого стоят косые домики с антеннами, бродят коровы, а чуть дальше поднимаются вверх крутые горы, смыкающиеся над головой; из-за них казалось, что дорога идет внутри огромной пустой трубы.

Чжан всю жизнь провел в своей деревне и даже не знал, что рядом есть такие высокие горы. Стало ясно, что они едут не в город, и Чжан успокоился.

Дорога оказалась долгой. Через пару часов Чжан стал клевать носом, а потом и вовсе заснул. Ему приснилось, что он назначен председателем коммуны вместо Медного Энгельса и идет по безлюдной пыльной улице, ища, кого бы послать на работу. Подойдя к своему дому, он подумал: «А что, Чжан-то Седьмой, небось, лежит в амбаре пьяный... Дай-ка зайду посмотрю».

Вроде бы он помнил, что Чжан Седьмой — это он сам, и все равно пришла в голову такая мысль. Чжан очень этому удивился даже во сне, но решил, что раз его сделали председателем, то перед этим он, наверное, научился партийной бдительности и это она и есть. Он дошел до амбара, приоткрыл дверь и видит: точно. Спит в углу, а на голове мешок. «Ну подожди»,— подумал Чжан, поднял с пола недопитую бутылку пива и вылил прямо на накрытую мешком голову. И тут вдруг над головой что-то загудело, завыло, застучало — Чжан замахал руками и проснулся. Оказалось, это на крыше машины включили штуку, которая вертелась, мигала и выла. Теперь все машины и люди впереди стали уступать дорогу, и двое спутников Чжана даже покраснели от удовольствия.

Чжан опять задремал, а когда проснулся, было уже темно, машина стояла на площади в незнакомом городе, и вокруг толпились люди, близко их, однако, не подпускал наряд милиции в синих мундирах.

— Что же, на минутку надо выйти,— с улыбкой сказал Чжану один из спутников.

Чжан заметил, что чем дальше они отъезжали от его деревни, тем вежливее вели себя с ним эти двое.

— Где мы? — спросил Чжан.

— Это Пушкинская площадь города Москвы,— ответил референт и показал на тяжелую металлическую фигуру, отчетливо видную в лучах прожекторов рядом с блестящим и рассыпающимся в воздухе столбом воды; над памятником и фонтаном неслись по небу горящие слова и цифры.

Чжан вылез из машины. Несколько прожекторов осветили толпу, и он увидел над головами огромные плакаты: «Привет товарищу Пятакову от трудящихся Москвы!» Еще над толпой мелькали его собственные портреты на шестах. Чжан вдруг заметил, что без труда читает на чужом языке, но не успел этому удивиться, потому что к нему сквозь милицейский кордон протиснулась небольшая группа людей — две женщины в красных, до асфальта платьях, со сверкающими полукругами на головах и двое мужчин в красных рубашках. Они несли перед собой что-то темное, маленькое и круглое, похожее на переднее колесо от трактора «Шанхай». Один из референтов прошептал Чжану на ухо, что это так называемый хлеб-соль. Слушаясь его же указаний, Чжан бросил в рот кусочек хлеба и поцеловал одну из девушек в нарумяненную щеку.

Тут грянул оркестр, состоявший из треугольных цинов и медных юев, и площадь закричала:

— Уррр-ааа!!!

Чжана посадили в машину и повезли дальше.

— А кто такой товарищ Пятаков? — спросил он, когда площадь осталась позади.

— Это вы теперь товарищ Пятаков,— ответил референт.

— Почему это? — спросил Чжан.

— Так решил товарищ Брежнев,— ответил референт.— Его любимого полководца генерала Пятакова недавно убили у южной границы, и вы — как бы живой памятник и продолжатель его дел...

«Во дела!» — подумал Чжан, но вслух ничего не сказал.

Скоро машина остановилась у большого кирпичного дома.

— Здесь вы будете жить, товарищ Пятаков,— сказал кто-то из референтов.

Чжана провели в квартиру, которая была убрана роскошно и дорого, но с первого взгляда вызвала у Чжана нехорошее чувство. Вроде бы и комнаты были просторные, и окна большие, и мебель красивая, но все это было каким-то ненастоящим, отдавало какой-то чертовщиной — хлопни, казалось, в ладоши посильнее, и все исчезнет.

Но тут референты сняли пиджаки, на столе появились водка и мясные закуски, и через несколько минут Чжану сам черт стал не брат... Потом референты засучили рукава, один из них взял гитару и заиграл, а другой запел приятным голосом: «Мы — дети Галактики, но самое главное — мы дети твои, дорогая Земля!» И еще спел много незнакомых прекрасных песен: про то, как хорошо лежать ночью у костра и глядеть на звездное небо, про строгую мужскую дружбу, про что-то непонятное, невыразимое, от чего сжималось сердце и хотелось перевернуть всю свою жизнь...

Чжан проснулся. Было утро; один из референтов тряс его за плечо. Чжану стало стыдно, когда он увидел, в каком виде спал, тем более что референты были свежими и умытыми.

— Прибыл первый заместитель! — сказал один из них.

Чжан увидел, что его латаная синяя куртка куда-то пропала, вместо нее на стуле висел серый пиджак с красным флажком на лацкане. Он стал торопливо одеваться и как раз кончил завязывать галстук, когда в комнату вошел невысокий человек в благородных сединах.

— Товарищ Пятаков! — возвестил он.— Леонид Ильич Брежнев пригласил вас сюда, чтобы предложить вам высокую должность.

— Смею ли мечтать о такой чести? — отозвался Чжан, с трудом сдерживая икоту.

Первый заместитель пригласил его за собой. Они спустились вниз, сели в черную машину и поехали по улице, которая называлась Большая Бронная. И вот они оказались у дома вроде того, где Чжан провел ночь, только в несколько раз больше. Вокруг дома был большой парк.

Первый заместитель пошел по узкой дорожке впереди, Чжан двинулся за ним, выслушивая объяснения референта.

За деревьями прятались десантники, переодетые морской пехотой. В кустах залегла морская пехота, переодетая десантниками. А у самого входа в дом несколько старушек с лавки мужскими голосами велели им остановиться.

Внутрь пустили только первого заместителя и Чжана. Они долго шли по каким-то коридорам и лестницам и наконец приблизились к высоким инкрустированным дверям, у которых на часах стояли два космонавта с огнеметами.

Чжан был перепуган и подавлен. Первый заместитель открыл тяжелую дверь и сказал Чжану:

— Прошу вас.

Чжан услышал негромкую музыку и на цыпочках вошел внутрь. Он оказался в просторной светлой комнате, окна которой были распахнуты в небо, а в самом центре за роялем* сидел Леонид Ильич Брежнев в белом пиджаке с пятью звездами на груди. Сразу было видно, что это человек необыкновенный. Он глядел на вошедших, но, казалось, не видел их; влетающий в окна ветер шевелил его волосы. На самом деле он, конечно, все видел — через минуту он убрал руки с клавиш, несколько раз гулко вздохнул, а потом сказал:

— С целью укрепления...

Говорил он так невнятно, что Чжан понял только, что будет теперь очень важным чиновником. Дослушав до конца, он почтительно поблагодарил правителя СССР и вышел.

Его отвезли домой, а вечером состоялся торжественный концерт, где Чжана усадили в самом первом ряду. Концерт был величественным зрелищем. Все номера удивляли количеством участников и слаженностью их действий; особенно Чжану понравился детский патриотический танец «Мой тяжелый пулемет» и «Песня о триединой задаче» в исполнении Государственного хора. Вот только при исполнении этой песни на солиста навели зеленый прожектор, и лицо у него стало совсем трупным, но Чжан ведь не знал всех местных обычаев. Поэтому он и не стал ни о чем спрашивать своих референтов.

Утром, проезжая по городу, Чжан увидел из окна машины длинные толпы народа. Референт объяснил, что все эти люди вышли проголосовать за Ивана Семеновича Пятакова, то есть за него, Чжана. А в свежей газете Чжан увидел свой портрет и биографию, где было сказано, что у него высшее

* Редкий музыкальный инструмент, напоминающий большие гусли.

образование и раньше он находился на дипломатической работе.

Вот так, в четвертом году правления под девизом «Эффективность и качество», Чжан Седьмой стал важным чиновником в стране СССР.

Потянулась новая жизнь. Дел у Чжана не было никаких, никто ни о чем его не спрашивал и ничего от него не хотел. Иногда только его призывали в один из московских дворцов, где он молча сидел в президиуме во время какой-нибудь речи; сначала он очень смущался, что на него глядит столько народа, а потом подсмотрел, как ведут себя другие, и стал поступать так же — закрывать пол-лица ладонью и вдумчиво кивать в самых неожиданных местах.

Появились у него лихие дружки — народные артисты, академики и генеральные директоры. Сам Чжан стал Победителем Социалистического Соревнования и Героем Социалистического Труда. С утра они всей компанией напивались и шли в Большой театр безобразничать с тамошними певичками и певцами; правда, если там гулял кто-нибудь более важный, чем Чжан, им приходилось поворачивать. Тогда они вваливались в какой-нибудь ресторан, и если простой народ или даже служилые люди видели на дверях табличку «Спецобслуживание», они сразу понимали, что там веселится Чжан со своей компанией, и обходили это место стороной.

Еще Чжан любил выезжать в ботанический сад любоваться цветами; тогда, чтобы не мешали простолюдины, сад оцепляли телохранители Чжана.

Народ очень уважал и боялся Чжана. Люди присылали ему тысячи писем, прося помочь в самых разных делах и обещая молить за это бога. Чжан иногда выдергивал из стопки какое-нибудь письмо наугад и помогал, из-за этого о нем шла добрая слава.

Но что больше всего нравилось Чжану, так это не бесплатная кормежка и выпивка, не все его особняки и любовницы, а здешний народ. Люди были трудолюбивые и скромные, с пониманием: Чжан мог, например, давить их сколько хотел колесами своего огромного черного лимузина, и все, кому случалось быть при этом на улице, отворачивались, зная, что это не их дело, а для них главное — не опоздать на работу. А уж беззаветные были, прямо как муравьи! Чжан даже написал в главную газету статью «С этим народом можно творить угодно», и ее напечатали, чуть изменив заголовок: «С таким народом можно творить великие дела». Чжан так и хотел сказать.

Брежнев очень любил Чжана. Часто вызывал его к себе и что-то бубнил, только Чжан не понимал ни слова.

Однажды, когда Чжан отдыхал в своем подмосковном доме, пришла весть о смерти Брежнева. Чжан перепугался и подумал, что его теперь непременно схватят. Он хотел уже было удавиться, но слуги уговорили его повременить. И правда, ничего страшного не случилось, наоборот, ему дали еще одну должность — теперь он возглавил всю рыбную ловлю в стране. Нескольких друзей Чжана арестовали, и установилось новое правление под девизом «Дисциплина и бдительность». В эти дни Чжан так перенервничал, что начисто забыл, откуда он родом, и сам стал верить, что находился раньше на дипломатической работе, а не пьянствовал дни и ночи напролет в маленькой глухой деревне.

В восьмом году правления под девизом «Обновление истоков» Чжан стал наместником Москвы. А в третьем году правления под девизом «Сияние истины» он женился, взяв за себя красавицу дочь несметно богатого академика,— была она изящной, как куколка, прочла много книг и знала танцы и музыку. Вскоре она родила ему двух сыновей.

Шли годы, правитель сменял правителя, а Чжан все набирал силу. Постепенно вокруг него сплотилось много преданных чиновников и военных, и они стали тихонько поговаривать, что Чжану пора взять власть в свои руки. И вот однажды утром свершилось...

Теперь Чжан узнал тайну белого рояля. Главной обязанностью правителя было сидеть за ним и наигрывать какую-нибудь несложную мелодию. Считалось, что при этом он задает исходную гармонию, в соответствии с которой строится все остальное управление страной. Правители, понял Чжан, различались между собой тем, какие мелодии они знали. Сам он хорошо помнил только «Собачий вальс» и большей частью наигрывал именно его. Однажды он попробовал сыграть «Лунную сонату», но несколько раз ошибся, и на следующий день на Крайнем Севере началось восстание племен, а на юге произошло землетрясение, при котором, слава богу, никто не погиб. Зато с восстанием пришлось повозиться: мятежники под черными знаменами с желтым кругом посередине пять дней сражались с ударной десантной дивизией «Михаил Суслов», пока не были перебиты все до одного.

С тех пор Чжан не рисковал и играл только «Собачий вальс», зато его он мог исполнять как угодно — с закрытыми глазами, спиной к роялю и даже лежа на нем животом. В секретном ящичке под роялем он нашел сборник мелодий, составленный правителями древности. По вечерам он часто листал его. Он узнал, например, что в тот самый день, когда правитель Хрущев исполнял мелодию «Полет шмеля», над страной был сбит вражий самолет. Ноты многих мелодий были замазаны черной краской, и уже нельзя было узнать, что играли правители тех лет.

Теперь Чжан стал самым могущественным человеком в стране. Девизом своего правления он выбрал слова «Великое умиротворение». Жена Чжана строила новые дворцы, сыновья росли, народ процветал, но сам Чжан часто бывал печален. Хоть и не существовало удовольствия, которого бы он не испытал, но многие заботы подтачивали его сердце. Он стал седеть и все хуже слышал левым ухом.

По вечерам Чжан переодевался интеллигентом и бродил по городу, слушая, что говорит народ. Во время своих прогулок стал он замечать, что, как ни плутай, все равно выходит на одни и те же улицы. У них были какие-то странные названия — Малая Бронная, Большая Бронная, эти, например, были в центре, а самая отдаленная улица, на которую попадал Чжан, называлась Шарикоподшипниковская. Где-то дальше, говорили, был Пулеметный бульвар, а еще дальше — Первый и Второй Гусеничные проезды. Но там Чжан никогда не бывал. Переодевшись, он или пил в ресторанах у Пушкинской площади, или заезжал на улицу Радио к своей любовнице и вез ее в тайные продовольственные лавки на Трупной площади. (Так она на самом деле называлась, но, чтобы не пугать народ, на всех вывесках вместо буквы «п» была буква «б».) Любовница, а это была молоденькая балеринка, радовалась при этом, как девочка, и у Чжана становилось легче на душе, а через минуту они уже оказывались на Большой Бронной.

И вот с некоторых пор такая странная замкнутость окружающего мира стала пугать Чжана. Нет, были, конечно, и другие улицы, и вроде бы даже другие города и провинции, но Чжан как давний член высшего руководства отлично знал, что они существуют в основном в пустых промежутках между теми улицами, на которые он всегда выходил во время своих прогулок, и как бы для отвода глаз.

А Чжан, хоть и правил страной уже одиннадцать лет, все-таки был человек честный, и очень ему странно было произносить речи про какие-то поля и просторы, когда он помнил, что и большинства улиц в Москве, можно считать, на самом деле нет.

Однажды днем он собрал руководство и сказал:

— Товарищи! Ведь мы все знаем, что у нас в Москве только несколько улиц настоящих, а остальных почти не существует. А уж дальше, за Окружной дорогой, вообще непонятно, что начинается. Зачем же тогда...

Не успел он договорить, как все вокруг закричали, вскочили с мест и сразу проголосовали за то, чтобы снять Чжана со всех постов. А как только это сделали, новый правитель влез на стол и закричал:

— А ну, завязать ему рот и...

— Позвольте хоть проститься с женой и детьми! — взмолился Чжан.

Но его словно никто не слышал — связали по рукам и ногам, заткнули рот и бросили в машину.

Дальше все было как обычно: отвезли его в Китайский проезд, остановились прямо посреди дороги, открыли люк в асфальте и кинули туда Чжана вниз головой. Чжан обо что-то ударился затылком и потерял сознание.

А когда открыл глаза, увидел, что лежит в своем амбаре на полу. Тут из-за стены дважды донесся далекий звук гонга, и женский голос сказал:

— Пекинское время девять часов.

Чжан провел рукой по лбу, вскочил и, шатаясь, выбежал на улицу. А тут из-за угла как раз выехал на ослике Медный Энгельс. Чжан сдуру побежал, и Медный Энгельс поскакал за ним мимо молчащих домов с опущенными ставнями и запертыми воротами; на деревенской площади он настиг Чжана, обвинил его в уклонизме и послал на сортировку яблок.

Вернувшись через три дня домой, Чжан первым делом пошел осматривать амбар. С одной стороны его стена упиралась в довольно большой бугор, сразу за которым проходил забор, отделявший двор Чжана от улицы. По этому бугру ползали большие рыжие муравьи. Чжан взял лопату и стал копать. Несколько раз воткнул ее в землю, и она ударила о железо. Оказалось, что под бугром — японский танк, оставшийся со времен войны. Стоял он в таком месте, что с одной стороны был заслонен амбаром, а с другой — забором, так что Чжан мог спокойно раскопать его, не боясь, что кто-то это увидит.

Когда Чжан открыл люк, ему в лицо пахнуло кислым запахом. Оказалось, что там большой муравейник. Еще в башне были останки танкиста. Приглядевшись, Чжан стал кое-что узнавать. Возле казенника пушки на цепочке висела маленькая бронзовая фигурка-брелок. Рядом, под смотровой щелью, была лужица, туда во время дождей капала протекающая вода. Чжан узнал Пушкинскую площадь, памятник и фонтан. Мертвый танкист почему-то был не в шлеме, а в съехавшей на ухо пилотке. Так вот, кокарда на этой пилотке очень напоминала купол кинотеатра «Мир». А на остатках щек у трупа были длинные бакенбарды,— только глянув на них, Чжан узнал два бульвара, подходивших к Трупной площади. Узнал он и многие улицы: Большая Бронная — это была лобовая броня, а Малая Бронная — бортовая. Из танка торчала ржавая антенна, Чжан догадался, что это Останкинская телебашня. Само Останкино было трупом стрелка-радиста. А водитель, видимо, спасся.

Взяв длинную палку, Чжан поковырял в муравьиной куче и отыскал матку — там, где в Москве проходила Мантулинская улица и куда никогда никого не пускали. Отыскал Чжан и Жуковку, где были самые важные дачи,— это была большая жучья нора, в которой копошились толстые муравьи длиной в три цуня каждый. А Окружная дорога — это был круг, на котором вращалась башня.

Чжан подумал, вспомнил, как его вязали и бросали головой вниз в колодец, и в нем проснулась не то злоба, не то обида; в общем, развел он хлорку в двух ведрах да и вылил ее в люк. Потом захлопнул люк и забросал танк землей, как было. И скоро совсем позабыл обо всей этой истории. У крестьянина ведь какая жизнь? Известно.

Чтобы его не обвинили в том, будто он оруженосец японского милитаризма, Чжан никогда никому не рассказывал, что у него во дворе японский танк. Мне же эту историю он поведал через много лет в поезде, где мы случайно встретились, она показалась мне правдивой, и я решил ее записать.

Пусть все это послужит уроком для тех, кто хочет вознестись к власти; ведь если вся наша Вселенная находится в чайнике Фань Шэна, что же такое тогда страна, где побывал Чжан! Провел там лишь миг, а показалось — прошла жизнь. Прошел путь от пленника до правителя, а оказалось — переполз из одной норки в другую. Чудеса, да и только! Недаром товарищ Ли Чжао из Хуачжоуского крайкома партии сказал: «Знатность, богатство и высокий чин, могущество и власть, способные сокрушить государство, в глазах мудрого мужа немногим отличны от муравьиной кучи». По-моему, это так же верно, как то, что Китай на севере доходит до Ледовитого океана, а на западе — до Франкобритании.

Цена «полушки», или Извозчик «командует парадом»

Раньше — на поезде, теперь — на лошадях

Уточним, речь идет о заброшенных железных дорогах США, которых в стране не так уж и мало. Тянущиеся на десятки тысяч километров, они занимают площадь более 400 тысяч гектаров. Недавно по инициативе Национальной федерации охраны живой природы была создана специальная фирма, поставившая целью превратить заброшенные железные дороги, точнее их полотна, в туристские тропы, которые можно использовать и для походов, и для прогулок на велосипедах, и даже для езды на лошадях. Это позволит десяткам тысяч туристов ближе познакомиться со своей страной.

В мире насекомых

Несколько лет назад у американского скульптора Петрика Бремера проявился необычный интерес к миру насекомых. Он долго наблюдал различных его представителей. Очарованный их изящными формами, Бремер решил делать статуи насекомых, разумеется, в сильно увеличенном виде. Длина некоторых из статуй — более двух метров. А точностью этих копий восхищаются даже энтомологи. Многие творения Бремера, изготовленные из дорогих пород дерева, например махагона, выставлены в Национальном музее истории природы в американском городе Смитсониане.

Отечественная печать пестрит в последние годы грандиозными суммами — «дело о 140 миллиардах рублей», «дело о 500 миллиардах». Миллионы уже как-то не привлекают внимание ни Кабинета министров, ни КГБ. В обыденной же жизни человек все чаще считает просто копейки.

И редакция вынуждена считать копейки: даже не копейки, а «полушки», то есть четвертушки копейки. Потому что именно четверть копейки остается в распоряжении редакции из подписной цены номера журнала — 80 копеек — после оплаты бумаги, полиграфических работ, распространения и других производственных расходов. Из этих «полушек» должно оплачиваться содержание редакции, зарплата ее сотрудников, гонорар авторов и художников — тех именно, кому журнал и обязан своим существованием. По итогам первого квартала расходы на эти первостепенные нужды были в два с половиной раза меньше, чем отчисления редакции в казну Союзпечати за доставку журнала подписчикам и распространение в розницу. Извозчик «командует парадом»! — вот реальный смысл неуклюжих действий органов государственного управления, принявшихся в минувшем году «освобождать прессу от оков административной системы». Или то была всего лишь декларация, а подлинная цель состоит в том, чтобы «укоротить» прессу экономическими методами?

Но вернемся к «делу о полушке». После многочисленных пересмотров цен на полиграфработы, бумагу и т. д. реальная себестоимость одного номера журнала сегодня достигает 90 копеек. И стало быть, каждый подписчик на каждый номер получает дотацию в 10 копеек. А так как в отличие от кабинета Павлова редакция не распоряжается печатанием новых денежных купюр, то и пришлось поднимать цену журнала в розничной продаже до полутора рублей. Таков, впрочем, обычный порядок: покупатель розницы не берет на себя долговременных обязательств перед редакцией — и платит поэтому дороже.

А что обещает будущее? Вот последняя (на середину апреля) новость: Союзпечать объявила о намерении значительно увеличить нормативы оплаты своих услуг. Для нашего журнала эти нормативы должны вырасти примерно в полтора раза. Что же будет с другими расходами? И с ценой журнала?

Редакция считает неразумным дальнейшее значительное повышение цены на журнал. Рост цен на просветительские издания — самый эффективный удар по культуре и образованию завтрашних поколений.

Отсюда ясный вывод:

Журнал ищет спонсоров.

Благотворительные взносы предпринимателей на просветительские нужды — давняя отечественная традиция. Сегодня она вновь становится необходимой.

Современные Морозовы, Третьяковы, Щукины — откликнитесь!

Фаниздату рынок не помеха, или Заметки о Сидорконе-1

В начале февраля сего года на базе отдыха неподалеку от Соснового Бора, что под Ленинградом, прошел второй семинар, посвященный проблемам издания фантастики — ИНТЕРПРЕСКОН-91.

В кругу фэнов он был обозначен как СИДОРКОН-1. Это в честь председателя ленинградского КЛФ «МИФ-ХХ», неутомимого организатора Александра Сидоровича.

Суровая и безнадежно нецивилизованная рыночная реальность заметно усложнила проблемы с «фаниздатом». Правда, государственные издательства готовы, кажется, перейти от хаоса и беззакония к крутому доперестроечному ordnung'у. С другой стороны, есть признаки истощения кооперативно-издательского клондайка. Фэн-продукция, напротив, растет и множится. Возможно, потому, что большими деньгами там не пахнет и люди просто занимаются любимым делом.

Четыре секции насчитал наблюдатель на семинаре НФ-прессы (фэнзинов), профессиональных НФ-журналов и альманахов, книгоиздания и (менялы все-таки вернулись в храм!) книжной торговли. Весь комплект, как на Западе...

Кстати, о Западе. Проведению семинара предшествовала мощная рекламная артподготовка: по словам Вл. Гакова, осенью совершавшего очередной рейд по «почти родной» Америке, очень известные и солидные НФ-деятели, например издатель «Локуса» Чарли Браун, неоднократно обращались к нему с вопросами, что такое «Интерпресскон», кто is who м-р «Сидоровитч» и шибко ли морозно зимой в Питере... Отрадно, что отечественный фэндом выскочил на международную арену. Вопрос теперь в том, кем на означенной арене выглядеть — атлетом, иллюзионистом или ковровым.

Заевшиеся американцы, наверное, испугались холодов и не приехали. Впрочем, и без них хорошо посидели с «интерами» из Болгарии и Норвегии.

Семинар открыл лично Борис Стругацкий. Он же раздавал слонов, сиречь премии Интрепресскона за лучшие произведения (проза и критика) последних двух лет, учредители премий — ТПО «Измерение», фэнзин «Сизиф» и сам мэтр-раздатчик.

Награждены: Вячеслав Рыбаков, Геннадий Мельников, Владимир Васильев, Сергей Переслегин, Владимир Шелухин. «Фонд фантастики» Всесоюзного совета КЛФ вручил премии за лучшие фэнзины их редакторам — Андрею Николаеву («Сизиф») и Сергею Бережному («Оверсан-информ»). На десерт литературно-издательское агентство «Грифон» возвестило об учреждении премии за лучшие произведения в жанре фэнтези, опубликованные тиражом не более 5000 экземпляров. Премии — 15, 10 и 5 тысяч рублей. Тоже деньги.

Поскольку было совершенно невозможно отпустить без премии знаменитого на весь мировой фэндом Бориса Завгороднего, ему по случаю вручили нечто с последнего Еврокона. Никто не забыт...

На пресс-конференции фэнов учили жить писатели-профи: Борис Стругацкий, Вячеслав Рыбаков, Андрей Столяров, Святослав Логинов, Андрей Балабуха и Александр Щербаков.

Итоги недельного сидения в Сосновом Бору: журнала, полностью посвященного НФ, нет и поныне. «Вот-вот» не считается, это состояние длится уже не год и не два... Фантастики издается чертова уйма, но качество ее в массе отвратительно до изумления. Но главное — хоть фантастика перестала быть дефицитом.

Спасибо перестройке и за это!

А. Б.

Глядя из цивилизованного рынка — на наш...

Американский журнал «Локус» в ноябрьском номере за прошлый год опубликовал письмо известного писателя-фантаста Роберта Силверберга, удивленного (мягко говоря) сведениями о готовящемся в СССР издании его романа «Замок лорда Валентина». Оно бы и хорошо, пишет Силверберг, да условия издания писателю, выросшему в условиях рынка цивилизованного, показались неприемлемыми: некое омское (!) то ли кооперативное, то ли самодеятельное фэн-издательство (малое предприятие, агентство, фирма)... сообщило через «фэн-прессу» о том, что «издание финансируется автором».

«Натурально, я ничего об этом не слыхал, — сообщает сам автор. — Но, с другой стороны, меня подобная новость мало удивила. Дюжина моих книг и отдельных рассказов были опубликованы в различных восточноевропейских странах, и я все эти издания финанси-

ровал — в том смысле, что пиратское издание всегда финансируется из кармана автора. По мере того, как эти страны входят в мир рыночной экономики, кое-что изменилось к лучшему, но если какой-то пират из Омска уже наложил свою лапу на «Замок лорда Валентина», мне предстоят тяжелые времена, чтобы найти законного издателя для этой книги.

Я узнал также, что процветающий венгерский журнал «Галактика» еще раз «увел» один из моих рассказов. Пару лет назад это издание, пиратски опубликовав четыре моих рассказа за полгода, радостно сообщило мне, что торжественно отпраздновало выход сотого номера журнала. Можете представить, как тепло я их поздравил с юбилеем. Но со временем даже венгры должны понять, если уж вступают в мировое сообщество издателей научной фантастики, что грабитель не может рассчитывать на иное отношение, когда он вылезет из своей норы».

Венгры, надо думать, поймут. А мы?

Информация:

Старейший фантаст планеты Земля! Абрам Рувимович ПАЛЕЙ родился в 1893 и пишет фантастику с двадцатых годов нашего века. Рассказы, повести, романы... Научно-фантастический роман «В простор планетный» несколько раз переиздавался. Несмотря на столь солидный возраст, автор продолжает трудиться на ниве НФ.

Вряд ли ошибемся, если скажем, что это старейший фантаст в мире.

Здоровья вам, Абрам Рувимович!

В феврале 1991 года, в возрасте 74 лет, скончался Александр Иванович ШАЛИМОВ, известный писатель-фантаст. Первые публикации — в 1962 году. Широкий диапазон творчества перекрывал темы и сюжеты — от сугубо научных гипотез до НФ-памфлета и приключенческой фантастики.

Книги А. И. Шалимова «Тайна Гремящей расщелины» (1962), «Когда молчат экраны» (1965), «Охотники за динозаврами» (1968), «Странный мир» (1972), «Возвращение последнего атланта» (1983) и другие знают все любители научной фантастики.

Выражаем свое соболезнование.

Всем, кто заинтересовался благотворительным фондом «Антитоксин» при ИНТОцентре (см. № 1 этого года), уточняем счет этого фонда: р/с 100608073 МФО 201638, Дзержинское отделение Жилсоцбанка г. Москвы.

А. Зеркалов. Лежащий во зле мир.

Начало на стр. 34

Иешуа есть страшная трагедия. Это подчеркивается образом Абадонны, символизирующим смерть-нирвану, и крошечной фигуркой «в луже крови разметавшего руки маленького ребенка».

Благо «вечного дома» по человеческому счету, по ощущению живой плоти не есть благо. И все же пусть «истинные дьяволы» оставили Мастера в живых — они убили в нем творца. Воланд же предал Мастера смерти, но возродил его творческую душу. Булгаковская оценка очевидна: смерть есть зло меньшее, чем творческая гибель.

Теперь мы в состоянии оценить отношение Булгакова к личной роли Сталина в его жизни. Этот «истинный дьявол» позволил ему жить в обмен на отказ от литературного творчества. Только невероятная работоспособность писателя, скорость, с которой он работал (и, как я убежден, читал), позволили ему в феноменально короткий срок создать такой роман, как «Мастер и Маргарита».

...Впрочем, он не успел его закончить.

Воланд сходится с тиранами в одном: человек для него только средство, но — огромное различие — средство творчества, сохранения культуры. Малозаметная деталь: он решается увести Мастера «туда» лишь после того, как Мастер отказывается работать «здесь» — «Меня сломали, мне скучно...» И еще деталь: «там» Мастер заканчивает роман. Булгаков ведь знал, что ему не суждено закончить «Мастера и Маргариту»...

Творчество — самостоятельная ценность, и ценность огромная. Поэтому оно служит центром особой системы философского и этического отсчета. В его координатах жизнь нужна затем, чтобы служить культуре; смерть страшна лишь потому, что с ней эта возможность кончается. Ради той же возможности творец имеет право на этический компромисс, он вправе заботиться о хлебе насущном.

В отношении к творчеству проявляется истинная суть общества. Если общество его поощряет, оно здорово, насколько это вообще возможно. Если оно стремится уничтожать рукописи, оно тяжко болеет и само обречено на гибель.

Проблема творчества была для Булгакова зоной истины. Здесь сбрасываются покровы со злодеяния и дарения, жизни и смерти, общества и человека, здесь сходятся расщепленные линии этики. Лишь в творчестве может актуализироваться мораль Иешуа — требование полного отказа от лжи и трусости, утверждение безграничной сострадательности и альтруизма. В реальном мире все это оказывается бессмысленным; но здесь — иное дело.

...Умирая, Булгаков говорил: «Может быть, это и правильно... Что мог бы я написать после «Мастера»?..»●

Н. Тамручи

Из истории московского авангарда

Начало на стр. 47

Д. Краснопевцев, «Две зеленые вазы с предметами», 1972 год.

И. Чуйков, «Без названия», 1969 год.

чанием, портрет московского «подполья» предстанет слишком упрощенным. Ведь в этой среде возникали не только различные сообщества единомышленников, в ней выделялись и свои лидеры, своя богема и, соответственно, свои меценаты. Причем формы процветающего здесь меценатства совершенно отвечали характеру и стилю жизни представителей этой столичной богемы. А как считает та же Галина Маневич, именно Зверев, Харитонов и Плавинский внесли в московскую атмосферу «дух Монпарнаса и Мулен Ружа, возрожденный ими в арбатских подвалах и подворотнях». Отличаясь «фантастической природной одаренностью, помноженной на пристрастие к алкоголю», они одним своим присутствием разрушали «скованность и многозначную серьезность».

«Зверев и Плавинский, эти два очень рано сформировавшиеся артиста, поражали своими работами не только московскую элиту, но и иностранных ценителей — от Сикейроса и Маркевича до Сартра. «Дуэт «Зверев и Плавинский» был живым воплощением московских легенд. Мифы о них антиномически соединяли в себе истории о создании ими шедевров и крайне экстравагантные и комедийные анекдоты их похождений»,— пишет Г. Маневич.

Не менее яркий словесный портрет А. Зверева дает В. Воробьев: «...Больная культура подполья выдвигала и своих апостолов — безупречные образцы вечности и величия свободного творчества. Таковым был Анатолий Зверев, московский бродяга, писавший «дрипингом» на дырявых мешках, кусках газет и оберточной бумаге. В 1957 году, в дни Международной художественной выставки в Центральном парке, он на глазах иноземной толпы закрасил фанерную стенку за один час и получил Золотую медаль фестиваля. Именитые абстракционисты Запада были потрясены совершенством живописной техники и неистовым темпераментом русского мастера».

Работы Зверева выставлял у себя и московский коллекционер Г. Костаки, собравший превосходную коллекцию русского авангарда начала века, и известный музыкант и композитор Андрей Волконский, который был близким другом И. Цирлина. На квартире Волконского регулярно показывал свои картины и другой замечательный художник — Владимир Яковлев, производивший на окружающих впечатление почти блаженного: полуслепой, страдающий тяжелыми депрессиями, он находил в живописи единственный выход для своей одинокой, наивной и трагической души. «Почти лишенный визуальной корреспонденции с внешним миром, Яковлев,— по словам Г. Маневич,— творил собственный трагически экспрессивный, наполненный и самодостаточный мир... Особое энергетическое горение, не поддающееся анализу, колористическое богатство образов, созданное В. Яковлевым... притягивали к себе людей. Среди них — и поэт Г. Айги, и киновед В. Свешников, позднее ставший священником, и Н. Котрелев, ныне известный специалист по русскому символизму, и все те художники, кто в среде богемы абсолютизировал безумие как форму обнаженного страдания, такие, как И. Ворошилов, и те, кто постепенно вытеснял себя из жизни, трагически завершив ее, как А. Бабиченко или В. Пятницкий. Или, наконец, время от времени привечавший их всех у себя М. Гробман, не лишенный духа собирательства, одним из первых в эпоху брежневской эмиграции покинувший пределы СССР».

То, о чем здесь идет речь,— «абсолютизация безумия» — требует пояснения, поскольку это достаточно важный компонент андеграундной культуры, без которого многое в ней остается непонятным. Но чтобы вести о нем разговор, нужно вернуться к началу, ибо, как считает И. Дудинский, «именно в предшествовавшем вакууме следует искать объяснения феномена шестидесятых... причудливости и фантастичности того, что возникало». Предоставим ему слово.

«Призрачные обрывки всяких идей, падавшие в девственные мозги, выполняли функцию дрожжей. Все бродило, наполняя дурманящими парами московскую атмосферу. Посещавшего тог-

Э. Неизвестный.

В. Пивоваров.

Д. Плавинский.

Ю. Соболев.

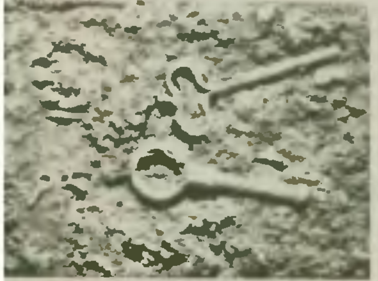

Ю. Соостер (автопортрет).

О. Целков.

И. Чуйков.

Э. Штейнберг.

В. Янкилевский.

Д. Плавинский, «Ключи» (рельеф), 1976 год.

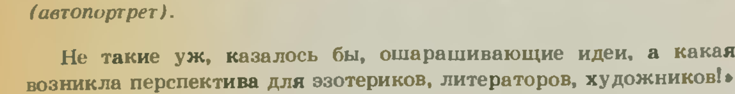
Д. Лион, «Памяти польского писателя Я. Корчака, разделившего в годы войны участь детей-сирот». Триптих. Центральная часть «Идущие в печь», 1963 год.

Дмитрий Борисович — самый первый художник, который на страницах нашего журнала еще в начале шестидесятых годов заговорил в своих рисунках о совершенно новых путях современного искусства. Им было найдено многое, к чему тянется сегодняшняя культура. XX век засвидетельствовал подъем графики на принципиально новый уровень не художника или художественного явления, а каждого отдельного листа как микрокосма, модели мироздания. Эту концепцию художника Д. Лиона подтверждает его творчество.)

дашние московские «сборища» не покидало ощущение, что он находится в сумасшедшем доме. Конечно, экзальтированному, да и просто впечатлительному человеку сохранить разум в этих условиях было сложно... Недаром явление, которое выкристаллизовалось из этой мешанины, отныне принято называть «шизоидной культурой»... К прискорбию, в целом облике шизоидная культура до нас не дошла. Ее творцами были люди не от мира сего, которые, само собой, меньше всего заботились о судьбе своего наследия... Единственным цельным источником для изучения наследия «шизоидов» остается творчество Юрия Мамлеева. Он сконцентрировал акценты целого культурного пласта...

Именно его салон в Южинском переулке стал местом главных сборищ «шизоидов». Там все объединял бред, который сознательно культивировался. Вредовость постепенно стала формой общения, и постепенно из этого состязания в безумии рождался конгломерат парадоксальных взглядов, который и вошел в московскую идею под термином «шизоидная культура»... «Вытянула» она только благодаря тому, что была изначально ориентирована на иррациональное. «Шизоиды» удивительно точно почувствовали, что разум потерпел фиаско и что для выживания в окружающем абсурде нужны совсем другие средства. Однако стихия чистого безумия, к счастью, не стала самоцелью для исповедовавших ее. Отказ от разума использовался «шизоидами» лишь как метод...

«Шизоидная культура» оплодотворила московскую идею тремя главными открытиями. Первое открытие — любая существующая вещь, любое понятие, любая категория — абсолютно не то, за что себя выдают... Второе — каждая вещь существует совершенно отдельно и независимо от всего, и наша реальность — это множество никак взаимно не соприкасающихся миров... Ничто ни от чего не зависит, а следовательно, ни перед чем не имеет преимущества... И третье — это мысль о несуществующем ином. Рассуждали так. Поскольку все существующее может быть уничтожено, а следовательно, является не чем иным, как элементарной иллюзией, которую не стоит принимать во внимание, то реально лишь то, что не существует... «Выше» Бога стоит и н о е, или фантастическое бытие, которое, не существуя, является единственной реальностью, с которой стоит считаться и которую стоит рассматривать как единственный спасительный ориентир.

Не такие уж, казалось бы, ошарашивающие идеи, а какая возникла перспектива для эзотериков, литераторов, художников!»

Действительно, «шизоидная культура» пустила глубокие корни в московском андеграунде, коснувшись в нем если не всего, то многого, хотя в чистом виде до восьмидесятых она уже не дошла. Из всех «школ», возникавших в лоне альтернативной культуры, «школа Мамлеева» оказалась единственной, создавшей в ней некую традицию. Домашние же художественные «академии» или «студии», которые устраивали Э. Белютин, М. Шварцман, Б. Биргер, М. Гробман, В. Вейсберг, не оставили сколько-нибудь значительных последователей «системы».

Примечательная особенность культуры шестидесятых в том и состоит, что в ней каждый шел своим путем. Поэтому действенной была лишь та система, которая не претендовала на создание школы, направления в искусстве.

Такой системы, по-видимому, придерживался Василий Яковлевич Ситников, который и создал первую подпольную академию в 1951 году. По словам В. Воробьева, к Ситникову, «...любителю искусства, сорока лет от роду, наделенному врожденным даром педагога, деспота, гипнотизера, тянулись обездоленные рисовальщики с проблесками гениальности. На занятиях царили абсолютная свобода творчества и железная дисциплина... В конце 1956 школа впервые показала свои достижения в студенческом клубе МГУ на Моховой. Выставка называлась «Гигиена труда» и имела полный всемосковский успех. Сын всемирно известного художника, журналист Генри Эрнст, объявил в Америке о необычайной московской лаборатории искусства и яркой личности ее всемогущего руководителя. Из «академии Васьки-фонарщика» вышли в большой свет даровитые художники — Вейсберг, Биргер, Яковлев, Плавинский, Харитонов, Ведерников, Титов, и это лишь незначительная часть питомцев первого призыва».

Несмотря на то, что каждый из этапов «московской идеи» (представленных кругом Мамлеева, «лианозовцами», «Маяковкой», различными интеллигентскими «сборищами» вроде салона Л. Строевой, СМОГом[6]) существовал в своих четко прослеживаемых границах, все вместе это прежде всего составляло столич-

[6] СМОГ — Самое молодое общество гениев (или Союз молодых гениев).

В. Яковлев, «Цветок», 1968 год.

И. Макаревич, «Человек с бородой», 1968 год.

Б. Жутовский, «Людмила». Триптих, 1975 год.

И. Шелковский, рельеф «Голова курильщика», середина семидесятых годов.

ную богему, участники которой ежедневно общались между собой. Сходились не только в «салонах» или мастерских, чтобы увидеть сразу «всех, кого надо», шли в кафе «Артистическое», которое служило своего рода клубом для определенного круга московской художественной элиты. Общались только в пределах своего круга, хотя круг этот был достаточно широк. Например, те, кто входил тогда в СМОГ — поэты Владимир Алейников, Александр Величанский, Леонид Губанов, Юрий Кублановский, Владислав Лен, Владимир Батащев, эмигрировавший впоследствии прозаик Саша Соколов, романы которого пользуются теперь большой известностью, и многие другие,— прекрасно знали поэтов «лианозовской школы», с которыми они печатались в одних и тех же самиздатовских сборниках: «Синтаксис», «Мастерская», «Феникс», «Сфинксы»... (в этих же сборниках участвовали иногда и ленинградские поэты, в том числе И. Бродский). Через Холина, Сапгира и Некрасова многие смогисты сблизились с Рабиным и Кропивницкими.

Э. Неизвестный, «Крусификс», конец пятидесятых годов.

Не менее охотно, чем «лианозовцев», поэты посещали мастерские художников, которых впоследствии стали представлять как «группу Сретенского бульвара». Была ли это в самом деле группа в том понимании, какое мы привыкли давать этому слову, и кто именно в нее входил, остается не совсем ясно. Но как бы то ни было, те, кого к ней относят, те, кто примыкал к журналу «Знание — сила», и те, кто сидел в кафе «Артистическое», составляли приблизительно один и тот же круг художников: Ю. Соостер, Э. Неизвестный, Ю. Соболев, В. Янкилевский, И. Кабаков, В. Пивоваров, А. Брусиловский, Э. Штейнберг.

Душою этого круга был Юло Соостер. До войны он окончил Таллиннский художественный институт (примечательно, что его учителя относили себя к французской живописной школе). Был арестован, отбывал срок в Карагандинских лагерях и после реабилитации в 1955 году приехал в Москву. В 1956 с ним знакомится Юрий Соболев, вместе с которым они затем снимут мастерскую. В то время их объединяла идея практического изучения истории искусства XX века путем «внедрения» в его стили. Так они «проживают» кубизм Пикассо, Озанфана, сюрреализм Магритта, продвигаясь уже к собственному стилю.

Вскоре рядом с Соостером начинает работать И. Кабаков, снимая соседнюю мастерскую сначала на Маяковке, а затем на Сретенке, в бывшем доме страхового общества «Россия».

В 1959 году с Соостером и Соболевым сближается Эрнст Неизвестный. Начинал он как преуспевающий официальный художник: после окончания Суриковского института сразу был принят в Союз художников, одна из его работ приобретена Третьяковкой... Однако дальнейшие опыты Неизвестного не предвещали ему успехов на официальной художественной сцене.

Примерно в это время Соболев начал работать в издательстве «Знание», которое выпускало научные брошюры, и к их оформлению Соболев стал привлекать многих художников, в том числе тогдашних выпускников Московского полиграфического института В. Янкилевского, В. Пивоварова, Н. Попова и других.

Следует заметить: оформительская деятельность была единственной сферой, где все эти художники имели официальный статус. В этом отношении очень показательна была знаменитая выставка «30-летие МОСХ» в Манеже (декабрь 1962 года), куда был приглашен вместе со своими студийцами Э. Белютин. Он предложил участвовать в ней Ю. Соостеру, В. Янкилевскому, Ю. Соболеву, Э. Неизвестному. Произведения развешивались ночью накануне ожидавшегося посещения Н. С. Хрущева, причем место им отводилось не в общей экспозиции, а на втором этаже, в закрытых для публики помещениях. Как мы помним, визит Н. С. Хрущева на выставку закончился шумным разгромом «абстракционистов».

А. Зверев, «Портрет Д. Плавинского», 1976 год.

Д. Лион, «Апокалипсис», 1959 год.

Ю. Ведерников, «Понтий Пилат умывает руки», 1973 год.

Ю. Соостер, «Красное яйцо», 1964 год.

*Л. Кропивницкий.
«Уголок существования»,
1961 год.*

*А. Брусиловский,
«Вуаль».
Ассамбляж, 1972 год.*

В. Пятницкий. «Пьяница», 1965 год.

В 1970 умер Ю. Соостер. В 1974 эмигрировал Э. Неизвестный. К этому времени изменилась и сама художественная ситуация. Взгляд на искусство как на особого рода метафорический язык, с помощью которого художник излагает свои весьма определенные концепции (представляя собой противоположный полюс идеи спонтанного, импульсивного творчества, то есть делая искусство «аналогичной науке сферой познания»), был типичен именно для шестидесятых годов. Как вспоминал впоследствии Ю. Соболев, ученого и художника в то время более всего объединяло то, что оба они возложили на себя миссию проповедников, которые несли свои откровения миру. «Идея,— признается он,— абсолютно с моей теперешней точки зрения неестественная. Но тогда она вполне соответствовала духу времени».

«Творческая деятельность,— пишет А. Ерофеев,— выходила далеко за рамки эстетической проблематики. Она понималась как духовный труд по реконструкции свободного философского постижения мира, которое помимо собственной познавательной ценности наделялось дидактическим аспектом — указывало зрителю путь духовного преображения. Отныне за мольбертом стоял инакомыслящий философ и проповедник. В нем боролись две страсти — стремление к универсализации мышления в пределах избранной духовной традиции, к созданию совершенной и бесконфликтной понятийной системы и тяга к исповедальной, персонализированной манере изложения.

Когда победу одерживало философское созерцание, картины демонстрировали объективированные, «метафизические» миры В. Вейсберга, Д. Краснопевцева, М. Шварцмана, Д. Плавинского, Ю. Соостера. Преобладание второго начала рождало экзальтированную нарративность А. Зверева, В. Яковлева, О. Рабина, В. Пятницкого, В. Калинина. Но типичным для этого искусства выглядело желание сочетать в границах одного произведения эзотерическую философскую медитацию и ее активное авторское комментирование. На этом пути возникли, вероятно, наиболее характерные произведения тех лет, пересказывающие эмоциональным языком экспрессионизма нормативные знаковые системы. Их ярким примером служат работы В. Янкилевского и Э. Неизвестного».

К началу семидесятых ситуация в культуре была уже иная, чем десятилетие назад. То состояние эйфории, которое переживали шестидесятые, открывая пути всякому свободомыслию, прошло — явилось ощущение социальной безнадежности: не только опасности, но и обреченности попыток создать независимое искусство в условиях открытого сопротивления властей.

Если «авангард» шестидесятых возвращал утраченные ценности культуры, то есть, по выражению Ерофеева, «в лучших традициях консерватизма говорил о Духе, искал Истину, превозносил Красоту», попросту игнорируя то социальное пространство, в котором срастались местный быт, идеология и искусство, как зону мертвого языка, то в семидесятые сама эта «разведенность художника как человека, жителя этой страны, погруженного в ее быт, язык, реалии и драмы, и художника как творца, изгоняющего из творческой сферы любые признаки этой жизни» (Д. Пригов), обратилась в проблему, требующую своего разрешения.

Разрешение это пришло в виде нового направления, «которое,— по словам Б. Гройса,— не без влияния американского попарта отнеслось к советской идеологии и к советскому образу жизни как к эстетическому феномену, то есть сменило этико-политическую установку на эстетико-художественную, вместо того чтобы, апеллируя к внутренней свободе, заниматься серьезным творчеством». Собственно, одновременно возникли два направления — соцарт и концептуализм. Но это уже тема другого периода истории советского авангарда.

Репродукции картин выставки опубликованы с разрешения художественной галереи «Московская коллекция. Выставка «Другое искусство». Москва, 1956—1976».

*В. Немухин,
«Ломберный столик.
Пасьянс», 1974 год.*

*В. Колейчук,
«Сферы», 1972 год.*

*Э. Штейнберг,
«Мертвая птица», 1966 год.*

В. Калинин. «Марионетка», 1975 год.

ЗНАНИЕ — СИЛА 5/91

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

Учредители — Всесоюзное общество «Знание» и трудовой коллектив редакции

№ 5(767)
Издается с 1926 года

Индекс 70332

Цена при подписке 80 коп.
в розничной продаже — 1 руб. 50 коп.

23-1-14

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЧИТАЙТЕ:

В чем похожи судьбы России и Испании...

СССР: тяжкие испытания на пути к открытому обществу

Можно ли считать собственность кражей?

Мир Шаламова глазами внимательного читателя

Что предвещают предвестники землетрясений

Сдано в набор 6.03.91
Подписано к печати 19.04.91
Формат 70×108 1/16
Офсетная печать
Гарнитура литературная
Печ. л. 6,0. Усл.-печ. л. 8,4
Уч.-изд. л. 13,21
Усл. кр.-отт. 36,4
Тираж 331 123 экз.
Заказ № 315

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул., 19,
строение 6.
Тел. 235-89-35.
Издательство
общества «Знание»
101835, Москва,
проезд Серова, 4

Ордена Трудового
Красного Знамени
Чеховский
полиграфический комбинат
Государственного
комитета СССР
по печати.
142300, г. Чехов
Московской области

В НОМЕРЕ

IV **Ученые обсуждают**
Д. Леонтьев
АЛИБИ

8 **Понемногу о многом**

9 **Размышления у книжной полки**
Г. Горелик
ЖИЗНЬ И ФИЗИКА

16 **Курьер науки и техники**

18 **SOS уже прозвучал**
С. Рыбников
КУВАЛДОЙ — ПО ХРУСТАЛЬНОМУ СВОДУ

24 **Во всем мире**

25 **Размышления в кинозале**
Н. Федотова
ИСКУССТВО, ИСЦЕЛИ ЧЕЛОВЕКА!

26 **Проблема: исследования и раздумья**
С. Смирнов
НЕЗНАКОМЕЦ ПО ИМЕНИ ДЕЙСТВИЕ

34 **Михаил Булгаков и время**
А. Зеркалов
ЛЕЖАЩИЙ ВО ЗЛЕ МИР...

42 **О сенсациях — достоверно**
В. Новосельцев
НЕЗАКОННАЯ ДОЧЬ КОСМОНАВТИКИ

46 **Вслед за вернисажем**
Н. Тамручи
ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО АВАНГАРДА

52 **Читатель сообщает, спрашивает, спорит**

54 **Лицей**
М. Шаскольская
ВАЛЬДОРФСКАЯ ПЕДАГОГИКА
Г. Кюльвинд
ШКОЛА СОЗНАНИЯ

60 **Время и мы**
А. Баранов
НЕОБХОДИМОСТЬ СВОБОДЫ ИЛИ СВОБОДА СПРАВЕДЛИВОСТИ?

67 **Фотоглаз**

67 **Советы специалиста**

67 **Тест**
ЕСТЬ ЛИ У ВАС ФАНТАЗИЯ?

68 **Интеллигенция и революция**
Б. Хазанов
ИСТОРИЯ БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ

78 **Лауреаты журнала 1990 года**

79 **Не по «Краткому курсу»**
Б. Парамонов
КАНАЛ ГРИБОЕДОВА

85 **Во всем мире**

86 **Страна Фантазия**
В. Пелевин
ПРАВИТЕЛЬ

91 **Мозаика**

93 **Страна Фантазия, май 1991**
ФАНИЗДАТУ РЫНОК НЕ ПОМЕХА ИЛИ ЗАМЕТКИ О СИДОРКОНЕ-I
ГЛЯДЯ ИЗ ЦИВИЛИЗОВАННОГО РЫНКА — НА НАШ...

Подписка на журнал «Знание — сила» принимается без ограничений всеми отделениями связи.

ISSN 0130—1640 «Знание — сила», 1991, № 5, 1—96

ПРОФЕССОР ВОЛАНД

Сеансы черной магии с полным ее разоблачением

